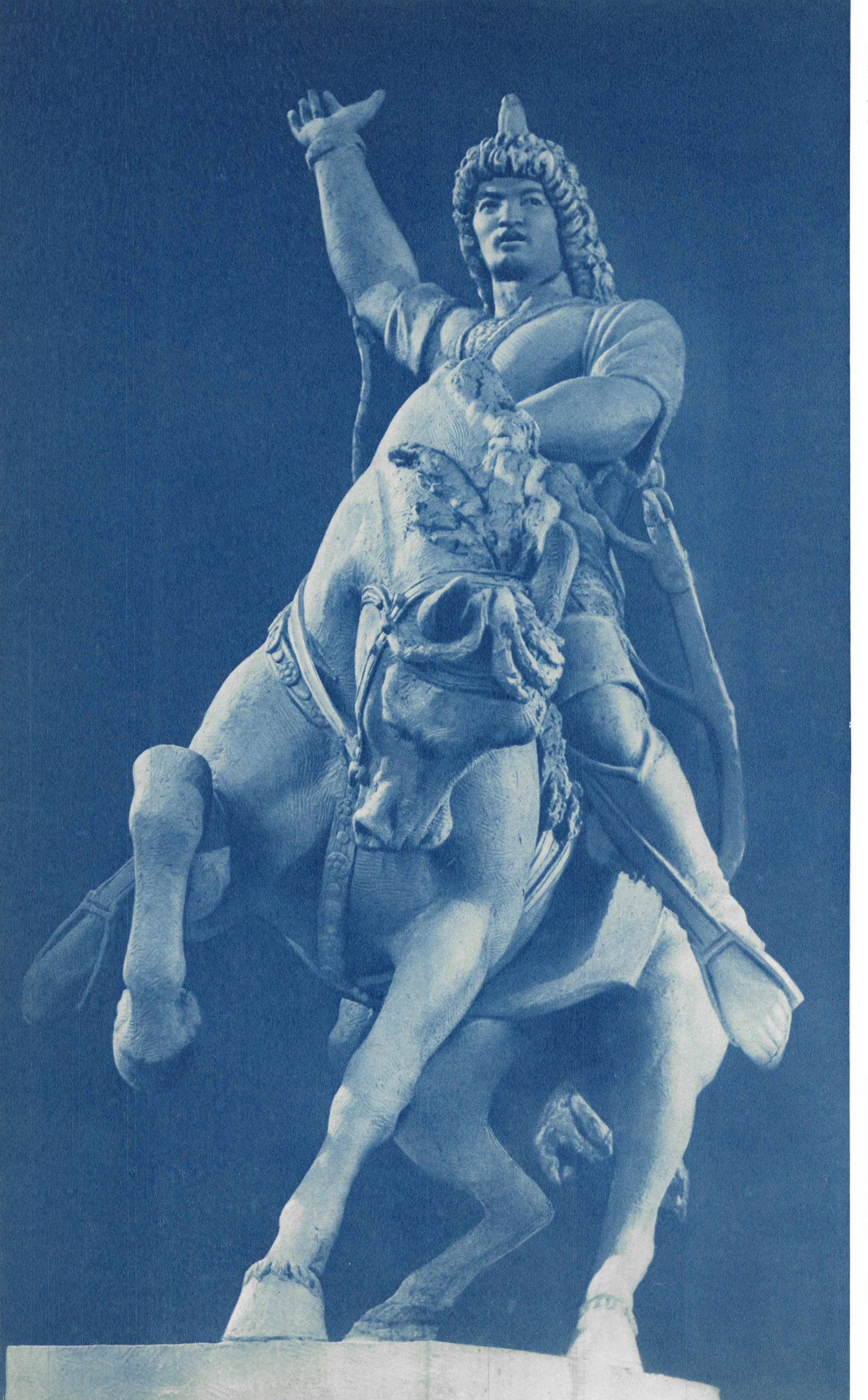

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

16 июня 1952 года исполняется 200 лет со дня рождения Салавата Юлаева, национального героя башкирского народа, сподвижника Емельяна Пугачева. На снимке: модель памятника Салавату Юлаеву.

Скульптор С. Д. Тавасиев.

На первой странице обложки: На великих стройках, на оросительных системах страны — всюду работают насосы с маркой «Московский насосный завод имени М. И. Калинина». Земснаряды и насосные станции оборудованы этими насосами. На снимке: лучший мастер завода П. П. Гаркин (слева) и стахановец слесарь-сборщик В. Б. Зайцев на сборке насосов.

Фото Я. Рюмкина

На последней странице обложки: Аисты. (Тракай, Литовская ССР).

Фото Н. Козловского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 25 (1306) 15 июня 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Успешно сдан еще один экзамен. В сквере собрались студенты города Владимира. Сидят (слева направо) Юлия Водина, Людмила Минеева, Галина Подзамская и Лидия Сибирева из пединститута; стоят студенты химического техникума Юрий Сергеев и Людмила Панкратова.

Фото В. Евграфова

СОВЕТСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

В жизни советской высшей школы сейчас горячая пора. Завершается учебный год, подходят к концу выпускные экзамены. Высшие учебные заведения готовятся к приему новых студентов. В связи с этим корреспондент «Огонька» обратился с несколькими вопросами к заместителю министра высшего образования СССР Вячеславу Петровичу ЕЛЮТИНУ.

Вопрос. Сколько молодых специалистов выпускают в этом году высшие учебные заведения?

Ответ. Выпуск нынешнего года — самый многочисленный за все время существования советской высшей школы. Более 220 тысяч молодых специалистов — почти на 10 процентов больше, чем в прошлом году,— пополняют ряды нашей интеллигенции. Самостоятельную творческую жизнь начинают свыше 30 тысяч инженеров угольной и нефтяной промышленности, специалистов по гидротехническим сооружениям и другим отраслям промышленности, 15 тысяч агрономов. Впервые начнут преподавать в школах 70 тысяч педагогов.

Советскому студенчеству совершенно незнакомы те опасения, которые владеют умами студентов капиталистических стран. Там со страхом ожидают дня, когда придется покинуть учебное заведение и обивать пороги в поисках работы. Вот с какой речью обратился к выпускникам один из профессоров в США:

«Мы научили вас многому. Но боюсь, что самым полезным для вас окажется искусство чистить ботинки. Времена плохие, друзья мои, и для филологов и для инженеров...»

Выпускники наших вузов знают, что впереди их ждет увлекательная, нужная любимой Отчизне работа. Мне хочется привести отрывок из письма комсомолки Зинаиды Азаренковой, студентки одного из транспортных вузов:

«С нетерпением жду того дня, когда поеду работать туда, где ждут нас, молодых специалистов. Я с радостью приму участие в грандиозном строительстве коммунизма, которым занят весь советский народ».

Вопрос. На подготовку каких специалистов было обращено в последние годы особое внимание?

Ответ. Значительно расширилась подготовка энергетиков, гидротехников, агромелиораторов. Выпуск инженеров гидротехнического строительства и гидромелиорации, а также строителей колхозных электростанций увеличится по сравнению с прошлым годом в полтора раза. Ряд высших учебных заведений выпустит многочисленную группу инженеров по строительству средних и малых гидроэлектростанций, а также специалистов по электрификации колхозов и сельского производства.

По сравнению с прошлым годом из стен институтов выходит на одну треть больше геологов, увеличивается выпуск горных инженеров.

Серьезней, чем когда-либо, в минувшем учебном году была поставлена практическая подготовка молодых специалистов. Организуя производственное обучение студентов, в институтах и университетах руководствовались указанием товарища Сталина: «Нам нужны такие специалисты... которые были бы сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством».

Вопрос. В какие районы страны направляются выпускники?

Ответ. Значительное число молодых специалистов едет в районы Урала, Восточной и Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии, на Украину. Большой отряд выпускников начнет трудовую жизнь на великих стройках коммунизма — Волго-Донском канале, строительстве Сталинградской, Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций, на трассе будущего Туркменского канала. Многие воспитанники институтов направляются на машиностроительные заводы, в сельское хозяйство.

Вопрос. Как будет проходить в этом году прием в высшие учебные заведения?

Ответ. Прежде чем ответить на этот вопрос, хочется подчеркнуть, что ни в одной стране мира нет такой огромной армии студенчества, как в Советском Союзе. В 887 институтах и университетах нашей страны обучается 1 356 тысяч человек. Это больше, чем в капиталистических странах Европы, Азии, Африки и Австралии, вместе взятых. В одной только Москве студентов больше, чем в Англии или Франции.

В этом году высшие учебные заведения Советского Союза примут на первый курс 370 тысяч юношей и девушек. Как видите, цифра огромная. В Сталинграде создается Институт инженеров коммунального строительства, в Томске — инженерно-строительный, в Ижевске — механический институт, в Семипалатинске—зооветеринарный, в Кутаиси — сельскохозяйственный. В семи городах откроются педагогические вузы.

Несмотря на это, в связи с возросшими выпусками средней школы мы предполагаем, что прием студентов на первый курс пройдет в условиях серьезного конкурса. Принятым будет тот, кто покажет наиболее глубокие знания на вступительных экзаменах.

Вопрос. Сколько в этом году будет принято студентов в Московский университет?

Ответ. В университет в этом году будет принято 2 575 человек — больше, чем когда-либо раньше.

В заключение хочется пожелать больших успехов всем, кто в этом году прощается с родным институтом и приступает к работе, а также тем, кого ждет напряженная учеба под светлыми сводами советских высших школ.

Московский нефтяной институт имени академика Губкина. Студент 3-го курса Амен Аманкулов, отлично сдавший экзамен, получает зачетную книжку. Принимают экзамен профессор И. Чарный и доцент З. Арустамова.

Фото Г. Санько

В дни экзаменов

Экзамен по русскому языку в 6-м классе 366-й мужской средней школы Москвы. На снимке: учителя Е. И. Симакова, Л. Г. Чернов и директор школы Н. М. Взоров. Отвечает ученик Витя Сининенков.

Фото О. Кнорринга

В широко распахнутые окна 366-й московской мужской средней школы легкий ветерок вносит свежий аромат молодой листвы и цветов из Сокольнического парка. В школе тоже повсюду цветы: в коридорах, в классах, на подоконниках, на столах. В классах царит торжественная тишина: идут экзамены.

В первый день в классах читали приветствие товарища И. В. Сталина юным пионерам Советского Союза. Дети всем сердцем восприняли вдохновляющие слова: «Желаю пионерам и школьникам здоровья и успехов в учении, труде, общественной работе». И каждому хочется ответить любимому Сталину хорошими и отличными отметками на экзаменах.

В 6-м классе за столом сидят учитель русского языка и литературы Лев Григорьевич Чернов и его ассистентка на экзамене учительница Екатерина Ивановна Симакова. Пришел в класс и директор школы Николай Михайлович Взоров. За партами, склонившись над листами бумаги, ученики сосредоточенно готовятся к ответам. Перед Львом Григорьевичем лежат экзаменационные билеты по русскому языку, журнал, экзаменационный лист, на разграфленной странице которого слева ряд фамилий, а против них, справа, клетки для отметок.

К столу подходит Витя Сининенков. Он отвечает на вопросы экзаменационного билета. Немного торопится, но говорит четко, уверенно. Лев Григорьевич внимательно слушает и одобрительно кивает головой. Правду сказать, он тоже волнуется. Экзамены — проверка работы за год и учеников и учителя. Сегодня Лев Григорьевич беспокоится за своих учеников, а вчера сам сидел перед экзаменационной комиссией в Московском заочном педагогическом институте и сдавал экзамен по основам марксизма-ленинизма. Вот там молодой учитель волновался уж, как ученик...

В спокойной, деловой обстановке проходят экзамены. Учебный год был плодотворным: с удовлетворением заносит Лев Григорьевич Чернов в экзаменационный лист хорошие и отличные отметки. С таким же сознанием плодотворности своего труда подводят итоги учебного года учителя во всех школах нашей великой Родины.

бессонные ночи АЛИЯХОН СУЛТАНОВОЙ

Я. ФОМЕНКО

Фото Р. Шарипова

Нежные побеги тутовника идут на выкормку только что родившихся шелкопрядов. Алияхон Султанова бережно снимает молоденькие листики.

Вместо предисловия

Перед нами жизнь простого советского человека.

Еще недавно этого человека мало кто знал за пределами родных ему мест. Колхоз, семья, товарищи по труду — вот, пожалуй, и весь «круг знакомых».

Человек прожил тридцать лет, честно, как и миллионы его соотечественников, трудился, мало думал о славе, так как не был тщеславен. Жизнь текла, как у всех.

И вот на четвертом десятке пришла слава — гремящая, с портретами в газетах и журналах, с приглашениями на слеты и конференции, с выборами в президиумы торжественных собраний, с выступлениями и речами под дружные аплодисменты. Посыпались письма.

Человек стал известен всей стране и далеко за ее пределами, заслужил звание Героя Социалистического Труда, а затем лауреата Сталинской премии.

Как о нем рассказать? Писать, как о знаменитости? В его характере нет ни одной черты, какие обычно связываются с представлениями о знаменитостях. Став популярным, он остался таким же простым и скромным, каким был раньше.

Говорить о неожиданности и необычайности счастливых событий в его жизни? Ничего неожиданного и необычайного не произошло. У нас так заведено: люди, достойные славы и почета, получают и то и другое как законное вознаграждение. Неестественно, если бы случилось иначе. Такая у нас страна, такие в ней порядки!

Придумать затейливый сюжет, чтобы увлечь читателя всякими «завязками» и «развязками»? Вряд ли это разумно. Жизнь, труд этого человека так, как они есть, — это и тема и сюжет.

Нет, не будем ломать голову над придумыванием сюжета! Не будем выискивать кудрявые слова! Пусть читатель не сетует на бесхитростное изложение. Это не нарочитая простота. Она продиктована самим материалом.

Начало биографии

Семнадцатилетняя девушка вошла в класс. Щеки ее вспыхнули. На лице были и смущение, и растерянность, и, скажем прямо, страх.

Какие же это дети?!

За партами сидели взрослые люди. И ни одной женщины. Мальчиками учеников назвать нельзя было, так как самые младшие из них были ее ровесниками, а большинство — на два, а то и на целых три года старше. Двадцать один человек...

Девушка плохо слышала, что говорил директор школы. А сказал он очень мало:

— Вот ваш класс...

Затем, обратясь к ученикам, так же коротко произнес:

— Это ваша новая учительница. Познакомьтесь...

Вслед за этим директор вышел.

Наступили секунды тягостного молчания. С таким тщанием придуманные бессонной ночью слова выскочили из головы. Юная учительница видела только тюбетейки и устремленные на нее в упор глаза. Много глаз. В них она читала удивление и насмешку, сожаление и любопытство.

Первая мысль была уйти, повернуться и уйти, сказать, что она не годится в учителя взрослым, что она готовилась учить детей. Ей хотелось убежать, а ноги не повиновались. Как во сне, всплыло спасительное слово директора: «Познакомьтесь». Плохо сознавая, педагогично это или нет, она стала рассказывать о себе.

Собственный голос показался чужим, когда девушка произнесла свое имя. Зовут ее Алияхон. Родилась в Ташкенте, в Старом городе. Матери не помнит. Мать умерла через три дня после родов...

Никто не перебивал Алияхон. Глаза, только что выражавшие насмешку, засветились сочувствием.

Алияхон подошла ближе к первым партам. Оказывается, она может и говорить и двигаться. Ей уже не было так страшно, как минуту назад.

Подойдя вплотную к переднему ряду парт — так ей виднее был класс,— Алияхон заговорила намного спокойнее и более складно.

Учиться ей было не легко. Спасибо брату: помогал, поддерживал.

После семилетки Алияхон поступила на сельскохозяйственный рабфак и одновременно занималась на педагогических курсах. Ей очень хотелось стать учительницей.

О многом Алияхон не сказала. Она говорила о старике-учителе, преподавателе биологии. Как он увлекательно вел занятия! Биология всегда будет самым любимым предметом Алияхон. Она говорила о своих подругах. Но ничего она не сказала о том, что была одной из лучших учениц на рабфаке и на курсах, что старый учитель часто ставил ее в пример другим, поручал готовить к занятиям диаграммы и рисунки: Алияхон слыла художницей.

Ничего не было сказано и о том, как очутилась Алияхон в кишлаке Найман. А произошло это просто. После окончания курсов она и еще одна девушка получили направление на практику в Коканд. Подруга осталась в Коканде, Алияхон же назначили в сельский район. Робкая, застенчивая девушка почувствовала себя одинокой. Старый учитель остался в Ташкенте. Подруги разлетелись в разные стороны. С кем посоветуешься? К кому обратишься за поддержкой?

Помощь пришла сама собой. Случайно практикантку встретил редактор местной районной газеты, уроженец кишлака Найман. Беседа с ним приободрила девушку. В кишлак Алияхон ехала в приподнятом настроении. Сидя на высокой арбе, она нетерпеливо вглядывалась в даль, боясь пропустить момент, когда из-за тополей и тутовника покажется здание школы. Она представила картину: класс, входит молодая учительница, дети встают, звонко отвечают на приветствие...

Ничего этого не оказалось. Школу Алияхон увидела, когда подъехала уже к ее дверям. Никто не поднялся, когда она вошла.

Биографию свою Алияхон рассказала в несколько минут. Собственно, какая там биография? Только начало.

Снова наступило молчание. Как было бы хорошо, если бы сейчас прозвенел звонок. Во время перерыва она соберется с мыслями.

Звонка не слышно. А может быть, его и не будет? Но ведь она находится в классе не больше пятнадцати минут. Какой же перерыв? Надо вести урок. Надо!

И тут с Алияхон произошло то, что бывает с человеком, который, долго простояв в нерешительности у студеной воды, бросается наконец в обжигающую холодом реку и вдруг чувствует, что мускулы напряглись, дыхание выровнялось, сердце заработало исправно, и человек плывет легко и свободно, радостно ощущая тепло собственной крови.

Голос Алияхон уже не дрожал, когда она заговорила о том, чему будет учить сидящих перед ней людей. Родной язык, математика, география, биология... Она поведет своих учеников трудной дорогой познания, откроет неизвестные им пока законы грамматики и чисел, познакомит с неведомыми странами, морями, океанами, горными хребтами, народами, городами, научит понимать природу.

Куда девались робость и смущение?

Перед затихшим классом стояла настоящая учительница, и хотя ей насчитывалось не больше лет, чем самому младшему ученику, в глазах слушателей она была не просто молоденькой девушкой, а наставницей, наделенной всемогущей силой знания. А самой учительнице казалось, что перед ней сидят дети, именно такие, каких она мечтала учить, когда сама еще сидела на школьной скамье.

С этого дня ведет свое начало учительский стаж Алияхон.

Это было в 1936 году. В те годы в Узбекистане в школы валом повалили все, кто по разным причинам не мог раньше учиться. За партой сидело много переростков, а пятый класс, где дебютировала юная учительница Алияхон, целиком состоял из них.

Алияхон часто вспоминает свой первый урок. Она держала тогда самое важное в ее жизни

За выкормкой гусениц надо непрерывно и внимательно наблюдать.

испытание. Это был экзамен на право учить, проверка ее призвания. Всей душой она поняла, что может быть педагогом, должна им быть!

После практики Алияхон осталась учительницей в той же школе, где прошел первый урок. Круг ее обязанностей быстро расширился и вышел далеко за пределы классных комнат. Кончив занятия, Алияхон спешила на комсомольские собрания, а потом, получив задание, шла в колхозные бригады и звенья. Затем райком комсомола, обком — всюду надо успеть. По ночам она сидела за книгами, штудировала Мичурина.

К обязанностям педагога и комсомолки-активистки вскоре добавились новые: Алияхон стала матерью. Она вышла замуж за Саттарали Султанова, работника сельсовета. В 1939 году появился первый ребенок — быстроглазая Сабахон.

В 1946 году, через десять лет после первого урока в школе кишлака Найман, Султанова взялась за дело, неизмеримо раздвинувшее рамки ее профессии. Оставаясь учителем сельской детворы, она создала свою «школу» шелководства.

Как это было

Ферганскую долину часто называют жемчужиной Средней Азии, а еще чаще — долиной белого золота. Хлопок тут лучший в мире.

Но разве только хлопком богата земля Ферганского оазиса? А виноград? А урюк? А миндаль? А полезные ископаемые в окружающих горах? А шелк?

История возникновения шелководства теряется в глубине давно прошедших времен. Согласно древним источникам, почти пять тысяч лет назад жители полуострова Шаньдун, в Китае, открыли способ получения длинной и крепкой нити из коконов гусеницы-шелкопряда. Долго способ размотки коконов держался в строгом секрете. Раскрытие его чужестранцам каралось, по указу древних китайских императоров, смертной казнью. Только во втором веке нашей эры шелководство зародилось в Корее, в четвертом — в Средней Азии и лишь в шестом начало распространяться по Южной Европе.

Ферганская долина, особенно Маргеланский оазис,— один из старинных очагов шелководства. Несмотря на долголетнюю историю, оно велось тут прежде архикустарно. Вплоть до последних десятилетий сохранялись самые примитивные способы выведения шелкопряда. Расспросите старую Шарипатой, свекровь Алияхон Султановой, как раньше добывали коконы, и она расскажет много любопытного.

Гусеница, дающая шелковую нить, выводится из грены — мельчайших яиц, откладываемых бабочкой тутового шелкопряда. Исстари, в доколхозную эпоху, грена «оживлялась» теплом... человеческого тела. Мешочки с греной клали за пазуху. С весны и до глубокой осени женщины были заняты выводкой шелкопряда. За пазухой грена превращалась в живую гусеницу на двенадцатые сутки. Можно представить, на какую жизнь обрекались люди, занятые подобным «производством»!

А кто стоял у чанов, где парились коконы? Те же женщины и девочки-подростки. С утра до вечера они помешивали палками зловонную жижу, отыскивали концы шелковины и наматывали ее на специальные колеса. Легко ли вручную вытянуть из кокона нить длиною свыше полутора километров и в несколько раз более тонкую, чем человеческий волос?!

Вместе с колхозами на выручку женщинам-шелководам пришли культура, наука, высокоразвитая техника. Грена стала «оживляться» искусственным теплом. На шелкомотальных фабриках появились запарочные агрегаты и другие машины. На смену кустарщине пришла индустрия. Колхозные шелководы получают теперь оживленную грену из инкубаториев, а собранные коконы сдают государственным организациям. Решительный и полный переворот в организации и технике шелководства неузнаваемо изменил условия труда и жизни людей, особенно женщин.

Почему и каким образом скромная сельская учительница Алияхон Султанова стала одновременно и знаменитым шелководом?

Долгое время Алияхон наблюдала работу своей свекрови. Наблюдала отнюдь не из праздного любопытства. Как биолог, Султанова не могла не заинтересоваться искусством выкормки шелкопряда. В школе у нее учились дети шелководов — в большинстве своем будущие шелководы. Кружок юннатов был самый многочисленный из школьных кружков. В период наиболее интенсивного кормления школьники вместе со взрослыми заготовляли тутовый лист. И сама учительница и ученики на уроках биологии, изучая насекомых, чаще и охотнее всего брали как пример шелкопряда. Сами собой возникали десятки вопросов. Чем питается и питается ли вообще бабочка шелкопряда? Как ведет себя куколка в шелковой келье — коконе? Сколько тутового листа съедает одна гусеница? Почему коконы бывают разные по цвету, весу и размеру?

Что заметила Алияхон, присматриваясь, как растила шелкопрядов свекровь? Старая Шарипатой выносила в теплые дни плетеные корзины с молодыми гусеницами на солнце. Заметим, кстати, что развитие гусеницы от ее появления из грены до завивки кокона проходит обычно пять стадий, или возрастов. Между каждым возрастом — промежуток сна, когда шелкопряд меняет ставшую для него тесной одежду — кожу. На протяжении первых трех возрастов Шарипатой, как и все колхозники-шелководы, выкармливала своих питомцев на солнце в плетеных корзинах. Алияхон заметила, что гусеницы, согреваемые солнечным теплом, хорошо поедают корм, быстро растут.

Но почему же урожай коконов такой незначительный? Из коробки грены в результате пяти — шести недель настойчивых усилий Шарипатой собирала не больше 40 килограммов коконов. Алияхон слыхала, что некоторые шелководы других колхозов и районов добиваются урожая в 60, а то и больше килограммов...

Пришлось засесть за литературу. По ночам, после того как были просмотрены школьные тетради, когда засыпали дети — их было уже трое,— Алияхон листала книги и брошюры по агробиологии и агротехнике, искала ответы на свои вопросы, записывала все новое и ценное, что удавалось вычитать.

В канун весны 1946 года Алияхон пришла в правление колхоза. Ее щеки полыхали таким же румянцем, как и десять лет назад, когда она впервые вошла в класс. Как отнесутся к ее просьбе-предложению? Румянец был признаком возбужденного состояния, а не смущения. Она заранее приготовилась опровергнуть все возражения. Школа отнюдь не пострадает. Нет, Алияхон сумеет и занятия вести и кормить гусениц. Дети? Свекровь поможет. Раньше Алияхон помогала Шарипатой ухаживать за шелкопрядами, теперь бабушка возьмет на себя часть забот о внучатах. Алияхон хочет, чтобы ей дали звено и, как полагается, три коробки грены.

Вопреки ожиданиям Султановой возражений не последовало. Наоборот, и председатель колхоза и секретарь парторганизации благожелательно отнеслись к ее инициативе и предложили помощь в оборудовании помещения.

Началась выкормка. Все шло хорошо. Алияхон была довольна. Правда, ее нововведения многих насторожили, особенно стариков. Все звенья на первых трех стадиях попрежнему выносили гусениц в плетеных корзинах на солнце, а Султанова с первого же, самого нежного возраста держала гусениц в закрытом помещении на стеллажах. Ново, непривычно и рискованно!

Что еще она сделала? В наставлениях говорилось, что кормить шелкопряда надо при 26 градусах тепла. Алияхон повысила температуру на один градус. Корм давала и днем и ночью.

Гусеницы развивались быстрее, линяли, как по команде, ели с большим аппетитом. В пятом возрасте они стали такими прожорливыми, что звено не успевало доставлять корм. Вся семья Султановых, включая мужа, Саттарали, и маленькую Сабахон, была мобилизована на заготовку тутового листа. Алияхон проводила бессонные ночи в наблюдениях за ростом и поведением гусениц.

Результаты были неожиданными даже для самой Султановой. Период выкормки длился у нее 30 дней вместо обычных 40—42. Выход коконов с одной коробки грены — 86,2 килограмма, тогда как у большинства звеньевых он не превышал 40 килограммов. Успех, можно сказать, был головокружительный, ошеломляющий! Скептики приумолкли. Наиболее восприимчивая ко всему новому, молодежь потянулась к Алияхон, особенно ее бывшие ученики. Двойной урожай был веским доказательством преимущества метода Султановой.

Дело было, однако, не только в урожае. Поясним попутно, что означает сокращение выкормки шелкопряда для колхозов тех районов нашей страны, где шелководство содружествует с культурой хлопчатника. Весенняя выкормка шелкопряда, как правило, совпадает с напряженным периодом ухода за хлопчатником. Каждый человек и каждый час в эти дни на строгом учете. И бывает так: надо браться за всходы хлопчатника, начинать культивацию, а все трудоспособное население занято заготовкой листа шелковицы. Для выкормки одной коробки грены весом в 25—30 граммов надо скормить пятьсот, шестьсот, а то и больше килограммов тутового листа. В первом возрасте достаточно набрать носовой платок молоденьких листочков — и хватит на сутки. Зато в пятой стадии развития только подавай корм!

Еще немного арифметики. В прошлом году в колхозе имени Кирова, Бувайдинского райо-

на, где трудится Алияхон Султанова, насчитывалось 83 шелководческих звена по 3 человека в каждом. Сокращение выкормочного периода на 10 дней в масштабах только одного колхоза равно добавлению почти 2 500 дней в баланс рабочей силы артели. А в масштабе района, области? А если взять весь Узбекистан? А если опыт Султановой хотя бы в его первоначальных результатах 1946 года перенести во все шелководческие районы Советского Союза? Почин скромной учительницы превращался в дело огромного государственного масштаба.

Возвратимся, однако, снова в кишлак Найман. Рассказ о трудах, о бессонных ночах Алияхон Султановой еще не окончен. В темноте кормить гусениц неудобно. И наблюдать за их поведением невозможно. Алияхон повесила под потолок фонарь, не подозревая, что это будет новым шагом в раскрытии «секретов» шелководства. Как реагировали на свет шелкопряды? Они старались попасть в наиболее освещенные места. В тени они были вялыми, корм оставляли несъеденным, а на свету усердно поглощали листья, были активны, как и днем. В 1947 году в откормочном помещении звена Алияхон Султановой было установлено четыре фонаря. Свет падал равномерно на всю площадь выкормки. Шелкопряды росли быстрее. Так был найден еще один путь к тому, чтобы сознательно управлять их аппетитом.

В том же 1947 году Алияхон установила в помещении железную печку. Топилась она дровами. Появилась новая забота — поддерживать равномерную температуру. Это было очень трудно. Сегодня топливо попадалось сырое, завтра — сухое. А колебания температуры совсем нежелательны. Железная печка и дрова — это ошибка. Алияхон исправила ее в следующем году. И все же, несмотря на ошибку с железной печкой, итоги были снова многообещающими. Срок выкормки сократился еще на один день, урожай поднялся до 97,1 килограмма.

Всякий раз, готовясь к сезону выкормки, Султанова ставила перед собой новую экспериментальную задачу, иногда рискованную, чреватую возможными осложнениями, но всякий раз исходящую из главной предпосылки — все время двигаться вперед! Алияхон не боялась признать ошибки, потому что умела их исправлять. В 1948 году была сложена плита, и топилась она углем, а не дровами. Стало легче держать постоянную температуру и постоянную влажность. Исправив прошлогоднюю ошибку, Алияхон пошла на новый риск и подняла температуру еще на один градус, но не на весь период, а только для первых четырех возрастов развития гусеницы. Урожай перевалил за сто килограммов, а срок выкормки сократился еще на два дня.

В следующем, 1949 году Султанова опять вносит новшество. Коконники, на которых шелкопряд завивает кокон, она ставит вертикально, рядами, отстоящими на метр друг от друга. Это не предусмотрено агротехническими правилами, но вытекало из наблюдения. Шелкопрядам было тесно, много было спаренных коконов. Разматывать такие коконы очень трудно. При сборе урожая 1949 года, после того, как введен был новый порядок расстановки коконников, Алияхон заметила, что спаренных коконов почти не было.

Как и всякое небывалое дело, опыт Султановой наряду с восхищением вызвал и сомнения, недоверие. Откуда-то выполз слух, что Алияхон получает больше грены, чем положено. Приехал представитель из Ташкента. Трудно сказать, что было на душе у него, однако поработать ему пришлось изрядно! И поработал представитель добросовестно. Была проверена, чуть ли не пересчитана до единого яйца, грена. Раздача ее звеньям происходила в присутствии всех звеньевых и членов правления колхоза. Первые три дня и три ночи представитель из Ташкента не спал, хронометрировал, записывал, проверял, наблюдал, а затем сам увлекся и стал помогать.

Дело было верное! До приезда представителя, в 1950 году, срок выкормки у Алияхон Султановой составлял 24 дня. В 1951 году, когда происходила скрупулезная проверка всего процесса кормления, срок сократился еще на два дня. Итог выглядел так: период выкормки — 22 дня, урожай — 113,3 килограмма. Из Самарканда, с фабрики, пришел блестящий отзыв о качестве: 93 процента коконов — высший сорт, 7 процентов — первый.

В ноябре 1951 года Алияхон пережила такое волнение, какого никогда не переживала — ни в тот день, когда впервые очутилась лицом к лицу с усатыми учениками, ни в часы, когда явилась в правление колхоза со своим предложением. Ей показалось сначала, что сердце у нее остановилось. Потом оно заколотилось тревожно и радостно. Когда муж, Саттарали, поздравил ее, она не нашлась, что ответить, и только смотрела на него счастливыми, посветлевшими от избытка чувств глазами.

Алияхон знала, что представлена к званию Героя Социалистического Труда, ждала вести из Москвы, верила и не верила, надеялась и сомневалась, готовилась спокойно встретить и одобрение и отклонение ходатайства местных организаций. Но разве могла она теперь сдержать волну счастья, нахлынувшую на нее?! Неужели это правда? Да, правда! Вот ее поздравляют Гульсиной Кабилова — председатель колхоза, Абдулла Марупов — ее бывший ученик, теперь агротехник по шелководству, Тургуной Азизова, Эргашой Эрназарова, Хасиятой Мадраимова — ее последовательницы и соратницы...

День пронесся в каком-то полузабытьи, Алияхон точно не помнит, что она говорила, когда ее поздравляли. Когда она пришла наконец в свое обычное состояние, в окнах забрезжило утро. Она не заметила, как прошла ночь и наступил новый день.

Весна 1951 года прошла как-то особенно быстро. Может быть, потому, что работалось, как никогда, хорошо? Не легко, нет. Именно хорошо, с подъемом, с увлечением, хотя занята Алияхон была буквально круглые сутки. Она не чувствовала усталости. Еще с бо́льшим интересом она вела занятия в школе. Во время перерывов между уроками обязательно заходила проверить, как идет выкормка шелкопрядов. Опыты ее в шелководстве усложнились. Султанова варьировала температуру по возрастам и периодам линьки, повысив ее до 29—31 градуса. А это требовало неусыпного внимания и просто физической выносливости: день и ночь надо было вести наблюдения.

Алияхон устроила себе жесткую постель, чтобы не засыпать крепко. Ребенок служил ей будильником. И еще была одна забота. В состав звена она приняла Алтинису Мадраимову. В другом звене у Алтинисы не ладилось дело, а тут пошло как по маслу. Сказались влияние и опыт звеньевой. Алияхон искренне радовалась успехам своей ученицы.

О результатах выкормки шелкопряда в 1951 году мы уже говорили. Метод был подтвержден окончательно.

В 1952 году Алияхон Султанова стала лауреатом Сталинской премии.

* * *

На этом можно было бы закончить рассказ об одной из замечательных женщин нашего советского Востока, если бы не было еще одного очень важного обстоятельства. Алияхон Султанова — учительница. Алияхон Султанова — один из лучших в Советском Союзе шелководов. Но Алияхон Султанова помимо этого — мать шестерых детей: троих сыновей и трех дочерей. Кроме шестиклассницы Сабахон и второклассника Мухтарджона, страстного любителя копаться в папином мотоцикле, есть в семье Султановых маленькие Назирхон, Уктамхон, Валиджон и совсем еще маленький Алишер. Родители надеются, что самый младший сын будет поэтом. Но будет ли долго он самым младшим? Очень уж искренне и настойчиво все друзья желают Алияхон стать матерью-героиней.

Алияхон Султанова со своими детьми.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Прошло два года с тех пор, как гениальные работы И. В. Сталина, посвященные вопросам языкознания, направили развитие советской науки о языке по подлинно научному пути творческого марксизма.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» впервые в истории науки с поразительной глубиной и ясностью была определена природа языка и разъяснена его огромная роль в истории человечества, мышления, в развитии общественной жизни. Здесь точно очерчены основные функции языка — средства общения и обмена мыслями между всеми членами общества, охарактеризовано отношение языка к культуре, показаны коренные различия между ним и общественно-идеологическими надстройками (взглядами и учреждениями).

Это классическое произведение И. В. Сталина раскрыло внутреннюю сущность и историческое содержание всех тех понятий, всех тех предметов исследования, с которыми связано изучение развития языка (например, народ, культура, общественное производство). Вместе с тем И. В. Сталин дал исчерпывающее описание состава и строя языка, его характерных признаков; он разграничил основные черты или конструктивные элементы языка и указал их соотношение; установил основные исторические закономерности развития языка. Углубляя, развивая и обобщая взгляды Маркса, Энгельса, И. В. Сталин создал стройную теорию марксистского языкознания. Лингвисты всего мира получили гениальную программу разработки вопросов развития языков на основе творческого марксизма.

Научный интерес к языку — «первоэлементу» художественной литературы — находится в тесной связи с растущей потребностью уяснить и осмыслить общественные функции языка на основе сталинского учения о языке и значения языка в развитии культуры.

Национальный язык — это форма национальной культуры, а художественная литература — одна из важных, наиболее влиятельных и ярких ее сторон. Вместе с тем литература является общественной лабораторией, где происходит обработка, по выражению Горького, народного языка мастерами художественного и публицистического слова. Особенно значительна и широка роль литературы в эпоху становления и развития национального языка. Значение национальных художественных литератур в развитии языков социалистических наций огромно.

Вопросы о влиянии художественной литературы на развитие общенародного, национального языка, о роли писателей в развитии литературного языка, о стилистическом многообразии художественной литературы и устной народной поэзии, об общенародном и индивидуальном в языке писателя, о сущности индивидуально-художественного стиля и о связи его с мировоззрением писателя — все эти проблемы под влиянием работы И. В. Сталина по языкознанию остро встали перед советскими языковедами, литературоведами и писателями и неотступно требовали углубленного исследования. Разработка этих проблем имеет огромное значение для понимания закономерностей развития стиля социалистического реализма.

Язык художественной литературы неразрывно, органически связан с общим литературным языком, его типами (например, письменно-книжным и разговорным) и его стилями. Всякий литературный язык при единстве структуры бывает очень сложен по своему стилевому составу. Он представляет собою разветвленную систему связанных друг с другом и соотносительных стилей.

Стиль языка соответствует той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, стиль телеграфный), той или иной разновидности языкового общения с присущим ей содержанием (например, стиль бытовой переписки, стиль научно-популярный), той или иной социальной ситуации, тому или иному характеру социально-речевых взаимоотношений.

Функциональные свойства таких систем словесного выражения, отличающихся при единстве структурной основы главным образом своеобразиями экспрессии, отбора слов, фразеологии, а иногда и синтаксических конструкций, зависят от цели, задач, содержания языкового общения.

В обиходе слово «язык» очень часто употребляется в значении «стиль языка». Любопытны по этому поводу высказывания Л. Н. Толстого о «просто хорошем, мастерском языке», о назначении писателя. «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку»,— записывает он в дневнике.

В своем критическом разборе списка книг, одобренного Комитетом грамотности для широкого распространения, Л. Толстой иронически выделяет произведения, написанные «самым дурным, т. е. гладким, литературным языком, которым пишут фельетоны и повести в плохих журналах. Каждое подлежащее с эпитетом, легкие обороты речи, милые руссицизмы, когда говорит мужик или баба с прибавлением слов **там-от-ко**, или что трава растет **гонко** и т. п.,— тот самый язык, про который говорят «приятный стиль», и про авторов которого говорят — «владеет пером».

Точно так же А. И. Герцен писал о научно-философском стиле середины прошлого века: «Ученый язык — язык условный, под титлами, язык стенографированный, временный, пригодный ученикам и содержание спрятано в его алгебраических формулах...»

Поэт А. Блок отметил, что в газете «язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник».

В свете сталинского учения об общенародности языка и его характерных признаках смешение понятий языка и стиля языка в самой лингвистике недопустимо. Поэтому перед советским языкознанием встала ответственная задача — раскрыть понятия языка, стиля языка и словесно-художественного стиля писателя или литературного направления. Надо точно определить, какими понятиями и категориями следует руководствоваться при анализе стиля писателя как системы выражения мировоззрения и в чем, в каких средствах языка и их комбинациях выражаются идейные замыслы того или иного писателя.

Таким образом, осознана необходимость разработать основы стилистики национального литературного языка, с одной стороны, и стилистики литературно-художественной речи — с другой. За последние два года у нас появились работы, в которых сделаны попытки описать стилевое многообразие разных современных литературных языков, например, русского, украинского, английского.

Стилистика национального языка помогает глубже понять живые тенденции развития литературного языка, обнаружить в нем сложное сплетение, взаимодействие и вместе с тем борьбу старого и нового.

Стилистика раскрывает во всей широте и сложности отношения национально-литературного языка как народного языка, обработанного и обрабатываемого мастерами художественного, публицистического и научного слова, к народно-разговорной речи в ее непосредственном, сыром, по меткому определению А. М. Горького, виде. С вопросами стилистики национального языка неразрывно связана проблема культуры речи.

Художественная литература вырабатывает свою систему литературно-художественных жанров и стилей, своеобразно сочетающих разные формы и стили общенародного языка. Поэтому изучение стилистического многообразия речи литературно-художественных произведений невозможно без знания стилей общего литературного, общенационального языка. Писатель, во всяком случае, прогрессивный писатель, стремящийся быть понятным и полезным своему народу, всегда пишет на общенациональном литературном языке, который способен обслуживать все классы нации.

Однако речь литературно-художественных произведений иногда может выходить за пределы общего литературного языка и его стилей. Нормы литературного языка являются лишь основой речи художественной литературы. Она всегда ориентируется на эти нормы прежде всего потому, что ими определяется общепонятность произведения.

Но реалистическая литература во всех своих жанрах — не только в драме, в прозе, но и в стихотворных формах — может довольно далеко заходить за границы современной литературно-языковой нормы в силу свойственной стилям реализма широты охвата действительности, в силу многообразия художественно воспроизводимых и освещаемых социально-исторических областей жизни.

В художественной литературе часто осуществляется столкновение, взаимопроникновение и даже слияние самых разнообразных стилей общенародного языка, иногда в своеобразном сочетании их с элементами народно-областных говоров, а также классовых жаргонов.

Дело в том, что в способах использования общенародного языка представителями разных классов, разных общественных групп, а также в применяемых ими жаргонах отражается социальная характерология. Этому уделяли много внимания Пушкин, Гоголь, а за ними и многие другие представители великой русской реалистической литературы XIX и XX веков.

Важность этой стороны речи и ее связь с социальным обликом воспроизводимого лица подчеркнул К. Маркс: «В притонах преступников и в их языке отражается характер преступника, они составляют неотъемлемую часть его бытия, их изображение входит в изображение преступника...»

Вообще же говоря, в литературе характер отношения к слову, как к средству воспроизведения и отражения общественной действительности, к способам сочетания слов, к отбору слов, выражений определяется нередко не столько самыми предметами изображения, сколько художественными взглядами автора, его стилистическими навыками, его мировоззрением.

Своеобразия индивидуально-художественных приемов и принципов обработки общенародного языка, а также диалектных, жаргонных форм речи сказываются в том, что одни и те же речевые явления иногда используются разными писателями по-разному — в зависимости от их мировоззрения и художественных целей. Специфика речи художественной литературы обусловлена внутренним единством произведения, его образно-выразительным строем и личностью автора. А. М. Горький ставил в самую тесную связь со стилем социалистического реализма «реалистическое образное мышление, основанное на социалистическом опыте».

Идейная направленность произведения, его замысел, его содержание выражаются не только в построении образов действующих лиц, в их взаимодействии, но и в стиле самого автора, в структуре его образа. Именно распределение света и теней с помощью выразительных речевых средств, динамика изложения, переходы и сочетания экспрессивных стилевых красок, характер оценок — все это создает у читателя представление об идейной сущности, о взглядах и вкусах, о характере творческой личности художника.

Изучение специфики речи художественной литературы в свете сталинского учения о языке привлекает к себе острый интерес и внимание не только языковедов, но и литературоведов. Взаимодействие языковедения и литературоведения в этом кругу вопросов приведет к большим плодотворным результатам в исследовании индивидуально-художественного стиля писателя, стиля литературного направления, стилистики художественной речи вообще.

Советские языковеды все острее и глубже сознают, какие широкие, величественные горизонты открылись перед ними благодаря гениальным указаниям и теоретическим обобщениям И. В. Сталина и как мало еще сделано ими для осуществления тех великих задач, которые должно и может выполнить советское сталинское языкознание.

Пламенный борец за дело коммунизма

Восемнадцатого июня исполняется семьдесят лет со дня рождения выдающегося деятеля международного рабочего движения, вождя болгарского народа, верного друга Советского Союза — Георгия Михайловича Димитрова.

Соратник Ленина и Сталина, стойкий революционер и антифашистский трибун, Г. М. Димитров все свои силы, всю энергию пламенного борца отдал делу рабочего класса, делу мира и демократии, делу коммунизма. Его героическая жизнь — вдохновляющий пример беззаветного служения народу. Прогрессивные люди всех стран чтят его память и учатся на блестящих примерах его революционной борьбы. Народ горячо любимой им родины — Болгарии — под руководством Болгарской коммунистической партии с честью продолжает начатое им дело. В день похорон Г. М. Димитрова от имени всего болгарского народа товарищ Вылко Червенков дал торжественную клятву: «Построение социализма в нашей стране будет самым лучшим памятником Георгию Димитрову...».

Воспитанный в пролетарской семье, Г. М. Димитров еще 15-летним юношей вступил в революционное движение. В рядах Болгарской рабочей социал-демократической партии, членом которой он был с 1902 года, он вел активную борьбу против ревизионизма на стороне революционно-марксистского крыла «тесняков», возглавлявшегося Дмитрием Благоевым.

На снимке: Г. М. Димитров (во втором ряду, в центре) на заре своей революционной деятельности среди членов руководимого им марксистского кружка в городе Самокове (1903 год).

Пример революционной неустрашимости, непоколебимой стойкости и верности делу рабочего класса показал Г. М. Димитров, возглавляя Главный Революционный Комитет во время сентябрьского вооруженного восстания 1923 года. «Между 22 сентября 1923 года и 9 сентября 1944 года, — писал Василь Коларов, — существует прямая, органическая связь.

Союз между коммунистами и земледельцами во время Сентябрьского восстания и после него, Народный блок, Народный фронт, Отечественный фронт — все это вехи на пути массовой народной борьбы против фашизма, монархизма и реакции, которая завершилась решительной народной победой 9 сентября 1944 г.».

На снимке: картина болгарского художника Марина Георгиева «Товарищи Г. М. Димитров и В. П. Коларов во время вооруженного восстания 1923 года». В овале — фотография Г. М. Димитрова, снятая в дни подготовки восстания.

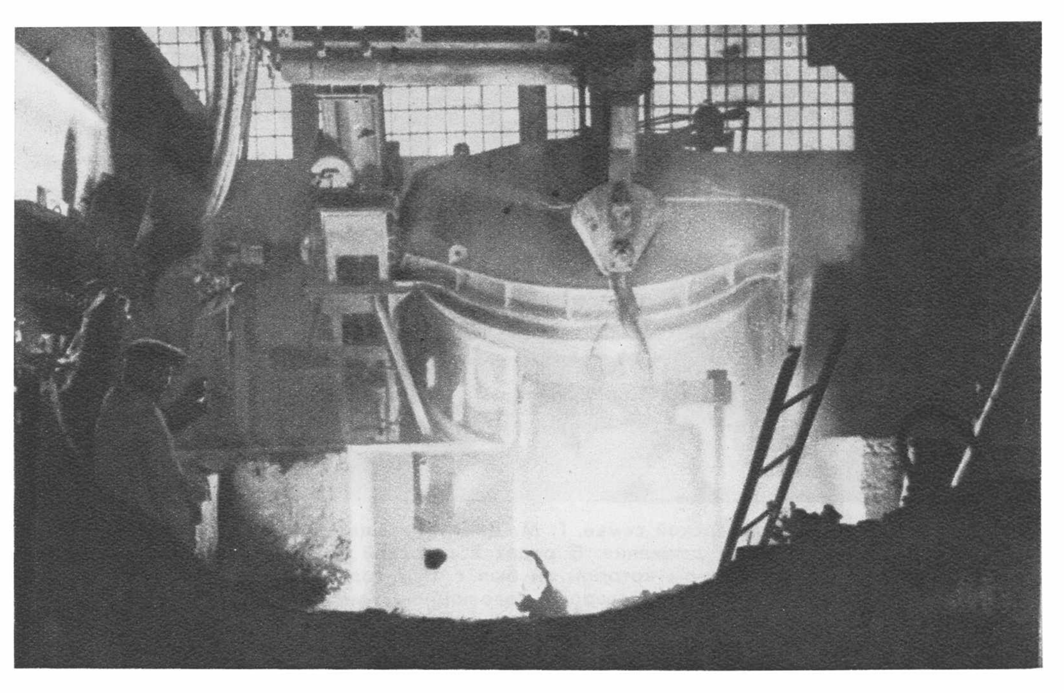
В дни лейпцигского процесса (1933) Георгий Димитров стал знаменосцем борьбы против фашизма и империалистической войны. Его героическое поведение на суде, организованном гитлеровцами, сорвало маску с фашистских провокаторов и подняло на борьбу с фашизмом новые миллионы трудящихся во всем мире. Речи Г. М. Димитрова на лейпцигском процессе — образец последовательного пролетарского интернационализма. В них неразрывно слиты пламенный патриотизм, горячая любовь к самой передовой стране в мире — Советскому Союзу, верность великому учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

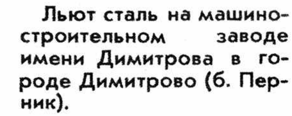
На снимке: тов. Г. М. Димитров задает вопросы свидетелю на лейпцигском процессе.

Успешно продолжая начатое под руководством Г. М. Димитрова строительство новой Болгарии, болгарский народ встречает семидесятилетие со дня рождения своего великого вождя крупными успехами на фронте строительства социализма. Пятилетний план развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта, который начал осуществляться еще при жизни тов. Димитрова, успешно завершается в четыре года. В первых рядах борьбы за димитровскую пятилетку идут многочисленные бригады, предприятия, стройки и кооперативные хозяйства, носящие имя любимого вождя.

Достойным памятником вождю болгарского народа будет успешно строящийся город молодости — Димитровград. На снимке: архитектурный проект центральной части города.

Льют сталь на машиностроительном заводе имени Димитрова в городе Димитрово (б. Перник).

«Только самые образованные люди, с правильным политическим мировоззрением будут достойными строителями нашей молодой республики Болгарии. Учитесь, как завещал великий Ленин!» — с такими отеческими словами обращался Г. М. Димитров к болгарским пионерам — сентябрятам. И юные граждане Болгарской республики отвечают на этот завет Георгия Димитрова безграничной любовью и преданностью делу социализма.

На снимке: сентябрята поздравляют Г. М. Димитрова с новым, 1949 годом.

Георгий Михайлович ДИМИТРОВ.

(К 70-летию со дня рождения).

Письмо болгарским друзьям. Ученицы 163-й московской школы ведут переписку с болгарскими школьницами. На снимке: ученицы 10-го класса «А» пишут письмо в Болгарию.
Фото И. Тункеля

Корабли идут по каналу

По новой водной магистрали идут караваны грузовых судов.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Специальные корреспонденты «Огонька»

На рейде, у входа в Волго-Донской судоходный канал, стоят десятки судов: буксирные теплоходы, самоходные баржи, катера, яхты. Они ждут, когда перед ними распахнутся металлические ворота шлюзов и можно будет двинуться по новой водной магистрали.

Вслед за буксирным теплоходом № 306, первым вошедшим в канал со стороны Волги, шлюзы уже приняли теплоход «Академик Павлов», теплоход № 303 и многие другие суда.

...Наш теплоход направляется с рейда в шлюз № 1. Справа и слева видны берега, облицованные бетонными плитами, камнем и гранитом. Под сенью высаженных лип, акаций и кленов день и ночь толпятся люди — сталинградцы любуются каналом, оживленно провожают речные корабли, уходящие с Волги к Цимлянскому морю.

На крутом берегу величественно поднимается скульптура вождя. Проплывая у ее подножья, речные корабли салютуют зодчему коммунизма.

Вот и гигантская триумфальная арка. Архитекторы и скульпторы завершают ее оформление. Густая тень от арки ложится на палубу.

Капитан командует:

— Самый тихий!

Теплоход осторожно входит в железобетонную камеру шлюза. Сейчас, когда уровень вешних вод в Волге очень высок, первое шлюзование проходит быстро и незаметно: могучая река сама вошла в шлюз, заполнила его.

Опускается затвор в верхней части шлюза, и теплоход неторопливо движется вдоль каменных берегов, проплывает под автодорожным мостом и проходит к историческому месту, где 31 мая соединились две могучие русские реки — Волга и Дон.

Затем судно минует легко и свободно перекинутый через канал светлосеребряный железнодорожный мост и останавливается перед воротами второго шлюза.

Начальник второго шлюза Евгений Анненков, недавно окончивший Ленинградский институт инженеров водного транспорта, приказывает вахтенному принять речной корабль. В башне управления шлюзом вахтенный, сидя за пультом управления, нажимает кнопку, и тогда плавно раскрываются створы металлических ворот. Теплоход входит в камеру. Даже находясь на палубе, нужно резко запрокинуть голову, чтобы увидеть бетонные края огромной камеры.

Матросы швартуют судно к пловучим рымам — стальным поплавкам, вделанным в особые желоба. Эти желоба установлены вертикально в шлюзе.

Вахтенный нажимает другую кнопку. В верхней части шлюза поднимается массивный затвор, и бушующая масса донской воды врывается в просторную камеру. Напор воды так силен, что пенистые валы могут повредить судно. Но на пути грохочущих потоков стоит бетонный «экран-гаситель»: он принимает на себя весь удар Дона, и в камеру попадает уже успокоенная, тихая вода. На теплоходе даже не чувствуешь качки.

Вода прибывает. Теплоход поднимается все выше и выше. Вот показалось и солнце. Капитанская рубка теперь на уровне парапета. Видны пришлюзовые строения, деревья, автомобильная дорога, песчаные высоты Ергеней, каменные дома Красноармейска.

Когда уровень воды в камере шлюза поднялся почти на 10 метров, вахтенный нажимает еще одну кнопку, и стальной затвор опускается в глубокую нишу. Теплоход, поднявшись на новую ступень, выходит в канал.

Так, «перешагивая» со ступени на ступень по шлюзам «Волжской лестницы», судно «забирается» на высоты Ергеней. Где-то далеко внизу видны широко разлившаяся Волга, рейд, зеленые острова, идущие белоснежные теплоходы.

Оживает канал пяти морей. Перекликаются гудками суда. Бьют склянки. Пенятся волны. Горят по ночам огни буев, береговой сигнализации и маяков.

...Ночь на 10 июня. Теплоход № 306 миновал 13-й шлюз и подошел к причалам Калачевского порта. Экипаж теплохода торжественно встречает незабываемый момент: судно прошло весь путь от Волги до Дона и выплыло из русла канала на простор Дона.

Скоро на магистрали, связывающей пять морей, откроется нормальная навигация. Пойдут корабли с металлом, углем, нефтью, хлебом, цементом, машинами. Поплывут комфортабельные пассажирские суда.

И вот новая победа на Волго-Доне: 6 июня, в 9 часов 30 минут, Цимлянская гидроэлектрическая станция дала промышленный ток. В светлом, просторном машинном зале заработала первая турбина. Могучие воды Цимлянского моря вращают стальные лопасти рабочего колеса. Ток Цимлянской ГЭС идет на заводы и фабрики, на оросительную систему, в колхозы. Начинается широкая электрификация Дона.

Волго-Дон вступает в строй, работает на благо нашей Родины.

«Полный вперед!» — командует молодой капитан Григорий Жердев. Теплоход уходит все дальше и дальше по каналу.

К 16-летию со дня смерти А. М. Горького

ОДНА ГОРЬКОВСКАЯ ЗАПИСЬ

Летом 1929 года Алексей Максимович Горький приезжал в гости к ленинградцам. Он побывал на заводах, в школах, типографиях и во Дворце культуры за Нарвской заставой. Здесь, во Дворце, хранится сделанная им запись. На фасаде светлосерого здания у самых Нарвских ворот и сейчас сверкают позолотой незабываемые горьковские слова:

«Работе таких очагов культуры я желаю силы, которой обладает огонь, превращая железную руду в сталь. Точно так же, как из стальной массы руки рабочих создают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины, так же рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры».

С тех пор в этом очаге культуры, носящем имя Горького, побывало свыше пятидесяти миллионов советских людей, многочисленные зарубежные делегации. В стенах Дворца звучали пламенные речи выдающихся деятелей коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинина, С. М. Кирова, происходили выездные сессии Академии наук СССР.

В вечерний час мы встретили во Дворце людей разных профессий и возрастов. Тут были и старики, штурмовавшие Зимний в 1917 году, и молодые рабочие-новаторы, и веселая детвора с красными галстуками.

...Кабинет производственно-технической пропаганды. Токарь-скоростник лауреат Сталинской премии В. Трутнев рассказывает о своем конструкторском опыте. Такие встречи — обычное явление во Дворце. Совсем недавно здесь посещал лекции и занимался на курсах конструкторов слесарь Кировского завода П. А. Зайченко. Ныне он лауреат Сталинской премии, автор первоклассных станков.

В одной комнате готовятся к предстоящим занятиям в политкружке, в другой — слушают лекцию «Советская наука и техника на сталинских стройках».

В танцевальном зале, кинотеатре, библиотеке, гостиной — всюду людно.

На сцене главного зала последние приготовления к спектаклю. Сегодня премьера пьесы С. Алешина «Директор». Роль директора исполняет инженер-проектировщик А. А. Барский, роль парторга ЦК ВКП(б) — директор Колпинского завода Г. В. Иноземцев.

Мы поднялись на другой этаж. Свыше тысячи пионеров и школьников занимались в драматическом, кукольном, хоровом, музыкальном, хореографическом кружках.

Нам показали сотни детских писем. На конвертах почтовые штампы более чем сорока городов страны. Это ребята благодарят пионеров детского морского клуба Дворца культуры имени Горького, разославших чертежи «Как построить яхту». Когда мы вошли, здесь были заняты изготовлением новых чертежей.

...С тех пор как Алексей Максимович Горький оставил свою запись в первом Дворце культуры Советского Союза, в городах и селах страны отстроены сотни дворцов и домов культуры, в которых воспитываются, по словам Горького, мастера и художники культуры.

К. ЧЕРЕВКОВ

Дневник Огонька

Памяти А. С. Пушкина

Мемориальная доска на доме № 16 по улице Немировича-Данченко.

Мемориальная доска прикреплена к стене особняка на Кривоколенном переулке.
Фото Я. Рюмкина

6 июня 1952 года, в 153-ю годовщину со дня рождения гения русской и мировой литературы Александра Сергеевича Пушкина, в Москве состоялось торжественное открытие мемориальных досок. Мраморные и бронзовые памятные доски с барельефом поэта украсили пять московских домов, в которых жил, творил, читал свои бессмертные произведения А. С. Пушкин, где он встречался со своими друзьями.

В Кривоколенном переулке, у старого особняка, собрались московские писатели, литературоведы, ученые, рабочие и пионеры. На торжество приехали также правнук великого поэта Григорий Григорьевич Пушкин и праправнуки — братья Борис Борисович и Сергей Борисович Пушкины. Братья — комсомольцы, дипломанты московских технических институтов, участники Великой Отечественной войны.

...12 часов дня. Поэт Сергей Владимирович Михалков открыл в Кривоколенном переулке торжественный митинг:

— Разрешите мне от имени благодарной великому поэту Москвы, по поручению правления Союза советских писателей, открыть мемориальную доску на доме, где Александр Сергеевич в 1826 году читал «Бориса Годунова».

Михалков осторожно снял холст с мраморной доски с четким и строгим барельефом Пушкина.

С взволнованной речью выступил один из старейших писателей, автор многих книг о Пушкине — Иван Алексеевич Новиков. Он говорил о любви поэта к столице, о том, как Александр Сергеевич 12 октября 1826 года читал перед друзьями в этом доме свое великое творение — «Борис Годунов» — и ровно через сто лет — в 1926 году — в этом же доме крупнейшие актеры Художественного театра В. Качалов, В. Лужский, А. Вишневский читали сцены из «Бориса Годунова».

— Великий поэт живет с нами, в сердце каждого из нас, советских людей,— сказал И. Новиков.

Вторая мемориальная доска была открыта на улице Немировича-Данченко: в помещавшейся здесь гостинице «Север» не раз останавливался поэт. В конце 1828 года здесь он читал историку М. Погодину поэму «Полтава».

В доме № 12 по Воротниковскому переулку Пушкин жил за год перед смертью, в мае 1836 года. Здесь он работал над материалами об эпохе Петра I. Записки Александра Сергеевича сто лет оставались неизвестными, и только советские пушкинисты в 1938 году прочитали и издали гениальные наброски незаконченного произведения. На улице Станкевича, в доме № 9, принадлежавшем в те годы поэту-критику, близкому другу Пушкина П. А. Вяземскому, в 1826—1832 годах часто бывал Александр Сергеевич.

— Этот светлый двухэтажный дом недаром называют «домом поэтов». В нем бывали Рылеев, Грибоедов, Баратынский, Адам Мицкевич,— сказал при открытии памятной доски лауреат Сталинской премии профессор Д. Д. Благой.

В Гагаринском переулке, дом № 4, где в 1831—1832 годах останавливался Александр Сергеевич у своего друга П. Нащокина, также была установлена мемориальная доска.

Мемориальные доски сделаны по проектам архитекторов К. Т. Топуридзе и Г. И. Луцкого.

В центре столицы, на площади, носящей имя Пушкина, писатели и ученые от имени москвичей возложили яркие летние цветы к подножью памятника любимого поэта.

И. ИЛЬИЧЕВА

* * *

В 153-ю годовщину со дня рождения поэта в Ленинграде в 17 залах Эрмитажа открылась расширенная экспозиция Всесоюзного музея А. С. Пушкина, подготовленная Пушкинским домом Академии наук СССР.

В тысячах экспонатов — картинах, документах, цитатах, фотокопиях рукописей поэта — нашли отражение этапы его жизненного и творческого пути.

Облик гениального поэта запечатлен на рисунках его современников. Художники последующих эпох снова и снова возвращаются к бессмертному образу Пушкина. Он глядит на нас с полотен В. Тропинина, Н. Ге, И. Репина, В. Серова...

Образом великого поэта вдохновляются многие советские художники. Вот Пушкин читает послание «В Сибирь» М. Н. Волконской, жене декабриста (худ. В. Дрезина); вот поэт с женой на бале (худ. Н. Ульянов); Пушкин в Петербурге идет по площади, носящей ныне его имя (худ. Б. Щербаков). Широко представлены на выставке пейзажи, связанные с именем поэта.

Богатейшие уникальные коллекции Музея Пушкина — подлинники портретов современников поэта — пополнились новыми экспонатами. Интересна серия портретов друзей Пушкина, декабристов, их собственные рисунки. Идейная близость поэта, выразителя свободолюбивых, передовых идей, с декабристами нашла отражение на выставке.

С волнением осматривают посетители личные вещи Пушкина. Вот кресло его из села Михайловского. За этим скромным письменным столом в Болдине в «болдинскую осень» поэт создал многие произведения...

Гениальные творения Пушкина известны во всем мире. Они изданы в СССР на 80 языках более 1 600 раз. Витрины заполнены книгами Пушкина от первых изданий его бессмертных произведений, от тоненьких книжечек отдельных глав «Евгения Онегина», которые выходили в 1825—1832 годах, до изданий наших дней, многотомного академического собрания сочинений. Здесь книги Пушкина на языках народов СССР, на иностранных языках...

Т. ЛЬДОВА

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

На собрании металлургов Алапаевского завода (Урал) состоялось торжественное вручение переходящих Красных знамен победителям в социалистическом соревновании. Высшую на заводе награду за отличную работу — Знамя Победы — получил передовой коллектив листопрокатного цеха. От имени листопрокатчиков знамя принял стахановец, бывший фронтовик Харлов.

Интересна история этого знамени.

Весной 1942 года, провожая одну из уральских танковых частей на фронт, алапаевские металлурги вручили им свое заводское Красное знамя. Они дали советским воинам наказ: высоко держать честь Красного знамени, мужественно и стойко сражаться за свою любимую Родину.

Храбро воевали с гитлеровскими захватчиками танкисты. Знамя металлургов они со славой пронесли по многим фронтам Отечественной войны. Танковая часть шесть раз упоминалась в приказах Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, была награждена орденами Суворова 2-й степени и Красного Знамени.

На протяжении всей войны между алапаевскими металлургами и танкистами шла деятельная переписка. Уральцы радовались каждой победе танкистов и, в свою очередь, радовали их превосходным металлом, который они выплавляли для разгрома врага.

После победы над гитлеровской Германией в Алапаевск приехала делегация танковой части. Танкисты привезли металлургам их Красное знамя и оригинальный отчет о своих боевых действиях — карту пути, проделанного частью от Урала до Восточной Пруссии. Карта, нарисованная красками на солдатской плащ-палатке, наглядно показывала не только места боевых действий, но и цифры потерь противника и трофеев танковой части.

Возвращая боевое знамя металлургам, руководитель делегации танкистов заявил: «Мы пронесли это знамя сквозь огонь жарких боев к победе. Пусть теперь оно осеняет вас в мирном труде на благо любимой Родины».

С тех пор Знамя Победы переходит из цеха в цех. Оно вручается коллективу того цеха, который добивается за месяц и квартал наилучших показателей производительности труда.

Знамя Победы было у доменщиков и сталеваров, в сортопрокатном и листопрокатном цехах. В праздничные дни его устанавливают рядом с исторической картой в заводском Дворце культуры. Комсомольцы и пионеры приходят во Дворец культуры, чтобы послушать беседы старших товарищей о бессмертных подвигах героев Отечественной войны.

О. МАРКОВА

Старшая пионервожатая Алла Сазыкина рассказывает звену историю Знамени Победы.
Фото Ю. Добронравова

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ МЕРКУРОВ

Умер С. Д. Меркуров — выдающийся и старейший мастер советской монументальной скульптуры, народный художник СССР, лауреат Сталинских премий. Велико и многообразно художественное наследие, оставленное талантливым ваятелем. Во многих городах и поселках нашей страны высятся простые и величественные скульптуры вождей, выполненные Меркуровым. Более четверти века назад начал он свою работу над воссозданием образов величайших людей современности — Ленина и Сталина. Его резцу принадлежит огромная серия монументов и среди них гигантские монументы в аванпорте канала имени Москвы, тридцатиметровая скульптура И. В. Сталина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, статуя Владимира Ильича в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле, модель статуи для Дворца Советов, скульптура И. В. Сталина, сооруженная в Ереване. Одна из последних работ художника — скульптурное оформление высотного здания Московского университета и сооружений Волго-Донского канала. Совсем недавно у волжского входа в канал была установлена кованая из красной меди грандиозная статуя И. В. Сталина. Все плодотворное и кипучее творчество старейшего мастера было посвящено советскому народу, прославлению его дел, величия и мощи.

С. Д. Меркуров.

Узбекский мрамор

Искусство добычи и обработки мрамора зародилось в Узбекистане в давние времена. Сокровища газганского и аманкутанского месторождений украшают многие сохранившиеся до наших дней архитектурные сооружения древних городов — Самарканда, Хивы, Бухары. В наши дни узбекский мрамор получил широкую известность. Им любуются москвичи в подземных дворцах метро — больше половины мрамора, одевшего станцию Комсомольская-кольцевая, добыто на газганских рудниках.

Сейчас мастера узбекского мрамора добывают и шлифуют благородный камень для высотных строек Москвы, для облицовки крупнейших зданий столицы Туркменистана — Ашхабада, в виде готовых плит отправляют его на стройки новых здравниц Кисловодска.

Узбекский мрамор украсил Ташкентский театр оперы и балета, им облицован постамент памятника великому поэту Алишеру Навои.

Изделия из благородного камня прочно входят и в быт ташкентцев — в универмагах внимание покупателей привлекают изящные письменные приборы, пепельницы, настольные лампы из мрамора.

Н. СОЛОВЬЕВА

В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ!

Началось пионерское лето. Каждый день с московских вокзалов выезжают школьники на отдых в пионерские лагери. На прошлой неделе в лагерь поехало более 250 детей рабочих и служащих завода имени Владимира Ильича. На снимке: на перроне Павелецкого вокзала. Родители провожают детей.

Фото К. Иванова

Праздник в Днепропетровске

Днепропетровск — город металлургов — расцвел с утра флагами, плакатами, художественными панно, красочными призывами. Из городов и сел области прибыли на праздник песни и пляски коллективы художественной самодеятельности.

По гранитным ступенькам широкой лестницы подымаются пятьсот хористов, танцоров, музыкантов и вокалистов из Днепродзержинска. На северных трибунах разместились коллективы самодеятельности предприятий Днепропетровска, Кривого Рога, Никополя, Марганца и других городов, железнодорожных станций, колхозов. Мужчины — в расшитых украинских рубашках, в красных, голубых и синих шароварах; женщины — в разноцветных юбках и блузах, с яркими лентами и венками из живых цветов. Всюду, куда ни глянешь, оркестры духовой музыки, народных инструментов.

Областной народный праздник поднятием алого стяга открыли знатные люди Днепропетровщины — звеньевая колхоза имени Чкалова, Ново-Московского района, Герой Социалистического Труда М. Е. Карноза и крановщик речного порта лауреат Сталинской премии П. Т. Иванов. Затем десятитысячный сводный хор исполнил Гимн Советского Союза, подхваченный всеми зрителями. Торжественно и величественно звучал тысячеголосый хор над залитым солнцем городом.

Певческий коллектив днепропетровского Дворца культуры Сталинской железной дороги исполнил «Песню о стройке» и хор из оперы П. Чайковского «Пиковая дама».

Пение сменяется зажигательными плясками — белорусской «Юрочкой», украинскими народными танцами.

Горячо были приняты слушателями солисты: шофер завода имени Ильича Ал. Терешко, спевший «Песню о Сталине» и «Песню мира и дружбы»; работница каолинового комбината Н. С. Северина и ее подруга Т. И. Хоружа. Старейшая на Украине капелла бандуристов завода имени Дзержинского, занявшая первенство на республиканском смотре самодеятельности, снова с большим успехом выступала на празднике.

Особенно богато было представлено на смотре хоровое искусство. Хорошо известен в республике хор колхоза имени Чкалова, Ново-Московского района; в его составе 15 Героев Социалистического Труда. Хоровые коллективы заводов Днепропетровска и передовых колхозов исполнили песни о мирном созидательном труде советского народа, о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о творце народного счастья товарище Сталине.

Прекрасное зрелище представила массовая украинская пляска на зеленом поле стадиона,— в ней приняло участие несколько сот человек.

Пять часов на стадионе продолжался концерт. Праздник закрылся выступлением мощного сводного хора, спевшего Гимн Украинской ССР. Но еще долго до поздней ночи в садах и парках Днепропетровска звучали музыка и пение, продолжались массовые пляски.

Ив. БАТОВ

Капелла бандуристов Днепродзержинского завода имени Дзержинского.

Фото Н. Козловского

Слово о писателе

(К шестидесятилетию К. Г. Паустовского)

За что любит читатель Константина Паустовского, автора широко известных повестей о преобразователях природы — «Кара-Бугаз», «Колхида», «Повесть о лесах»? Паустовский — один из тех советских писателей, кто наделен пытливым интересом к жизни самых разнообразных уголков нашей Родины.

Получив воспитание в гимназии, в интеллигентной, образованной семье, Паустовский для того, чтобы стать писателем, со школьной скамьи пошел в «университеты жизни». В течение десяти лет он работал в народной гуще: был вожатым и кондуктором трамвая, рабочим на металлургических заводах в Москве, в Брянске, Днепропетровске, на шахтах в Сталино, на котельном заводе в Таганроге; будущий писатель был также преподавателем и журналистом. В рядах Красной Армии он воевал с петлюровскими бандами. В годы Великой Отечественной войны Паустовский был военным корреспондентом на Южном фронте.

Большой и сложный творческий путь прошел Паустовский. Он получил всеобщее признание как рассказчик. О его повести «Кара-Бугаз» высоко отзывались Максим Горький, Ромэн Роллан, Надежда Константиновна Крупская. Популярны его пьесы «Созвездие Гончих Псов», «Простые сердца», «Поручик Лермонтов», «Наш современник».

Паустовский — лирический писатель. Его произведения можно рассматривать как своеобразный лирический дневник нашего неповторимого времени. И так естественно, что именно Паустовский одним из первых оказался на великих стройках коммунизма и одним из первых опубликовал свою повесть о Волго-Доне «Рождение моря»! В ней много познавательного материала, масса деталей, которые, вероятно, забылись бы, но теперь останутся в памяти, сохраненные пером художника. Главное в этой книге — поэтический образ нашей

К. Г. Паустовский.

Родины, которая вся преображается, двигаясь к коммунизму. Она кончается, эта повесть, картиной того, как пароход идет из Батуми в Москву; и вот сменяются запахи (сначала это запах моря, потом — прибрежных ракит и березовых рощ), переменяются краски — южные, северные; и при этом запевает человеческое сердце. «А что может быть прекраснее мужественного и открытого человеческого сердца? — восклицает художник.— Что может быть прекраснее человека, утверждающего своим трудом справедливость и счастье для своего народа и для всего человечества?»

Так в лирике у Паустовского выливается то, что составляет душу его как писателя: глубокий патриотизм, глубокая любовь к Родине.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ЗА РУБЕЖОМ

Кровавый опыт палачей

Новый главнокомандующий агрессивной «атлантической армией» генерал Риджуэй ознаменовал свое прибытие в Париж циничным хвастовством: «Мой опыт интернациональной войны на Дальнем Востоке... будет мне крайне полезен в Европе». Публикуемые нами фотодокументы, отобразившие недавние события в Токио, дают некоторое представление о том, какого рода «опыт» нужен американскому генералу для «укрепления» тыла «атлантических» войск. Это опыт применения фашистского террора, провокаций и убийств, которыми империалистические поджигатели войны тщетно пытаются задушить борьбу народов за независимость, демократию и мир.

Впрочем, чтобы применять зверские методы расправы с безоружным населением, Риджуэю не надо было ездить на Дальний Восток. Американские претенденты на мировое господство так же, как некогда их германские предшественники, готовя новую мировую войну, с каждым днем усиливают фашистский произвол в своей стране. Наглядный пример этому дают жестокие расправы полиции с бастующими американскими рабочими.

Расправа с бастующими рабочими «Вестерн электрик компани» (США).

Сегодня кровавый «опыт» палача корейского и японского народов применен во Франции. Брошены в тюрьму секретарь Французской компартии Жак Дюкло и редактор «Юманите», талантливый писатель Андрэ Стиль. Полиция стреляет в демонстрантов и охотится за профсоюзными деятелями. В самом центре Парижа организован настоящий концентрационный лагерь — маленький «Кочжедо». Но кровь, пролитая на улицах Парижа и других городов Франции, не запугала французский народ. «Фашизм не пройдет!», «Риджуэй — за дверь!», «Свободу Жаку Дюкло и Андрэ Стилю!» — эти призывы сплотили и подняли на борьбу французский народ.

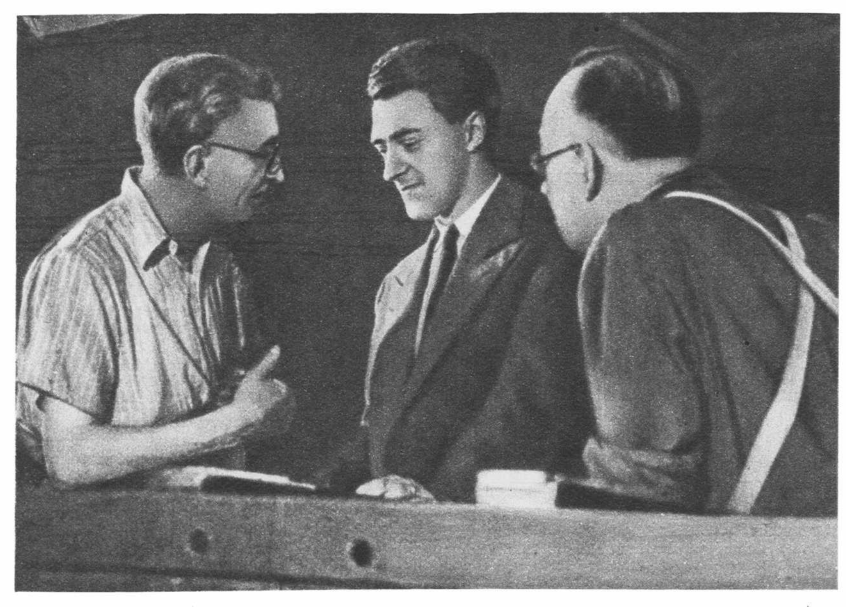
Забастовка и демонстрации протеста прокатываются по всей Франции. Сотни тысяч рабочих, металлистов, шахтеров, железнодорожников бросают работу, требуя положить конец провокациям и террору против честных патриотов, борцов за свободу и независимость родины.

«Свободу Жаку Дюклю!» — звучит голос честных, прогрессивных людей во всех странах. «Протестуем против фашистских мер французского правительства! Привет Жаку Дюкло и всем патриотам Франции!» — восклицали участники массового митинга жителей Пекина. В Польше, Чехословакии, Румынии, Италии, Германской Демократической Республике миллионы людей выражают свою солидарность Французской компартии и клеймят французских реакционеров, начавших поход против борцов за мир.

Бюро Всемирного Совета Мира совместно с общественными деятелями отдельных стран торжественно заявило, что все народы солидарны с борьбой французского народа и что никакая сила не сможет сломить волю великой нации, защищающей свою независимость, борющейся за мир во всем мире.

Борьба против поджигателей новой войны, палачей Кочжедо, вдохновителей подлой полицейской провокации во Франции ширится во всех странах, и в эту справедливую борьбу вступают новые и новые миллионы трудящихся во всех уголках земного шара.

На верхнем снимке: первомайская демонстрация трудящихся Токио, в которой приняло участие более 400 тысяч человек. По приказу японского правительства и оккупационных властей японская полиция атаковала демонстрантов, применив слезоточивый газ и огнестрельное оружие (нижний снимок).

Главный редактор «Юманите» Андрэ Стиль среди рабочих типографии (на снимке в центре), где издается боевая газета трудящихся Франции. Французским марионеткам Уолл-стрита не удается найти даже малейших оснований для провокационного обвинения Андрэ Стиля. Несмотря на это, верный сын Франции, борец за мир, за национальную независимость, находится в тюрьме.

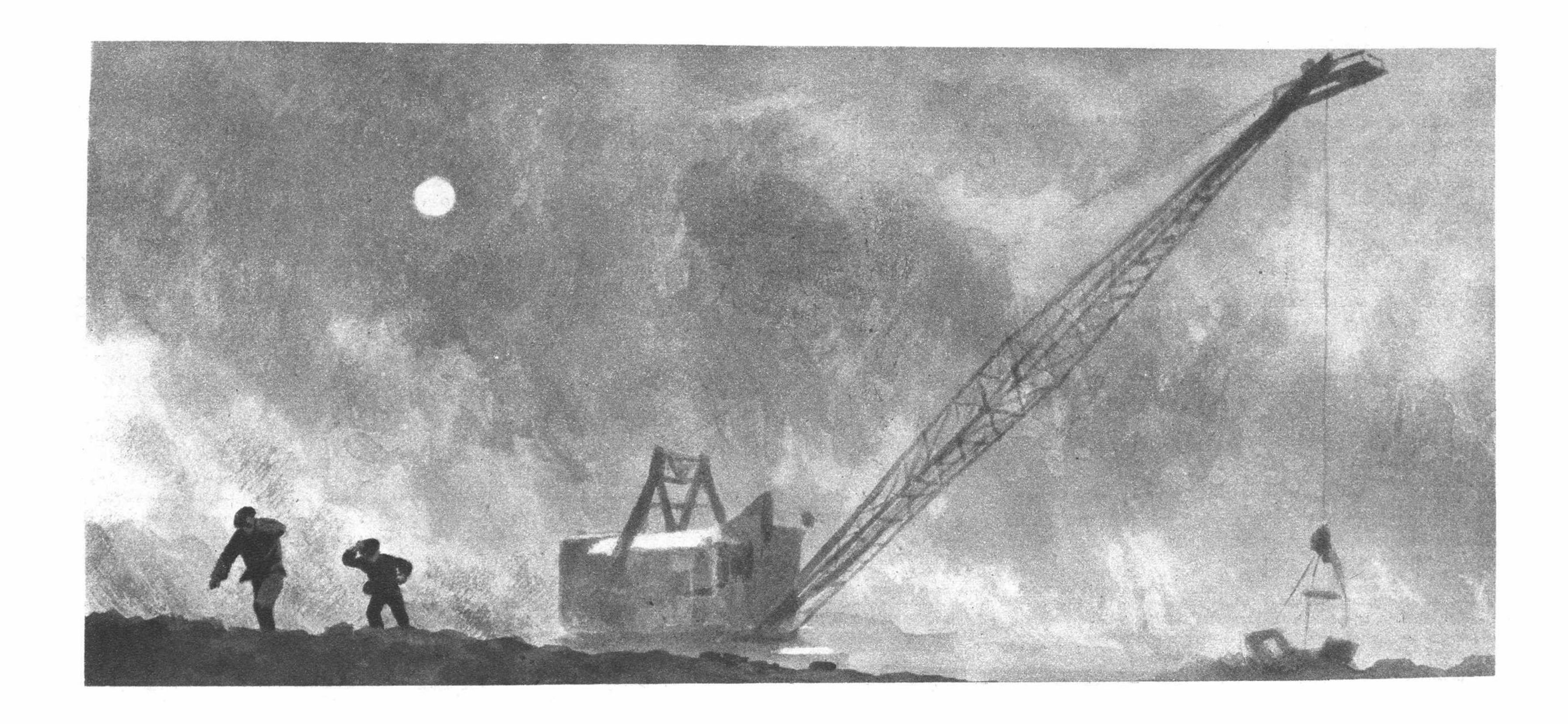
Секретарь Французской компартии Жак Дюкло.

В письме, направленном из тюрьмы Эдуарду Эррио, Жак Дюкло писал, что его арест произведен по приказу правительства «для того, чтобы отделаться от одного из руководителей оппозиции теми методами, которые применял в Южной Корее Ли Сын Ман».

Демонстрация в парижском районе Иври. Плакаты гласят: «Трудящиеся Иври хотят мира, а не чумы! Риджуэй — домой!», «Риджуэй — за дверь!» →

↓ Грандиозный митинг солидарности с трудящимися Франции состоялся в Бухаресте 30 мая. Собравшиеся требуют освобождения Жака Дюкло.

ПОСЛЕДНЯЯ БУРЯ

Рассказ

Илья КОТЕНКО

Рисунки О. Верейского

Сергей Горбачев, выпускник ремесленного училища, недели две тому назад прибывший на шагающий экскаватор Степана Карачанцева, внимательно следил за работой своего начальника. Ухватившись за спинку железного стула, на котором сидел перед пультом экскаваторщик, Сергей мысленно повторял все его движения и перечислял про себя: «Правая педаль — тормоза подъема, левая — тормоза тяги, правый рычаг — тяга и подъем, левый...»

Он старался за несколько секунд раньше угадать движение экскаваторщика и, когда угадывал, наклонялся вперед, пытаясь разглядеть лицо Карачанцева, смутно надеясь увидеть на нем одобрительную улыбку.

Впереди, за смотровым окном, виднелся забой — русло канала и по обеим сторонам песчано-глиняные отвалы, которые, как цепь холмов, уходили далеко в степь. Когда экскаватор поворачивался вправо и по воздуху несся загруженный землей ковш, Сергей видел всю степь: пригретые солнцем высотки, вытоптанный стадами суходол, белые мазанки хутора, в котором он теперь жил на квартире у колхозного конюха, казачьи сторожевые курганы, над которыми кружили орлы, и даже далекие, на самом горизонте гусиные перышки паровозного дыма.

Было жарко. Сергей уже не раз поглядывал на жестяной чайник, стоявший на верстаке. Карачанцев попросил Сергея стянуть с него спецовку, подставляя для этого то одну, то другую руку, чтобы не прекращать работу, и остался теперь в белой, с короткими рукавами сетке, туго обтягивавшей смуглые плечи.

«Наверное, будет дождь»,—подумал Сергей, разглядев на востоке большую серую тучу. Она была какой-то необычной, светлой, и не поднималась в небо, как тучи на родине Сергея, в Смоленской области, а растекалась по горизонту и явно приближалась, закрывая все на своем пути. Через минуту, когда экскаватор снова повернулся к отвалам, Сергей уже не нашел буровой вышки геологов, работавших в километре от них, и белой бригадной хаты, приткнувшейся около молодых лесопосадок. В следующий поворот Сергей увидел, как совсем уже неподалеку, по самому суходолу, мчались вихри пыли, будто там проходили грузовые машины, и гигантскими кострами задымились вершины отвалов.

— Степан Петрович! — крикнул Сергей, показывая ему глазами на степь.

— Вижу! — Степан наклонил голову и, не оборачиваясь, крикнул: — Антон!

Антон Голубец, возившийся у барабанов, не спеша положил ключи в карман своих широких брезентовых брюк и, вытирая руки, подошел к пульту.

— Это что у тебя в степи? — спросил Карачанцев и не договорил.

Откинувшись всем телом назад, он мгновенно схватил ручку коллектора. Экскаватор вздрогнул и замер.

В нескольких шагах от них, около правого отвала, стоял огромный серый столб, неизвестно откуда взявшийся и уходивший вершиной в самое небо. Бешено втягивая в себя мягкую землю, он толчками пытался пробиться через береговой навал и вдруг, медленно кренясь и оседая, рухнул на экскаватор.

Сергей почувствовал, как Карачанцев вжимается в сиденье, и, пригнув голову, ткнулся ему в плечо. По крыше что-то забарабанило, лопнуло стекло, затем все утихло, только было слышно, как по стенам, словно стекающая вода, шелестел песок. Стало трудно дышать, и Сергей поднял голову.

В пыльном тумане он с трудом разглядел Карачанцева. Нагнувшись вперед, тот прикрывал куском фанеры выбитое окно. Около него стоял Антон и внимательно оглядывал потолок, придерживая на затылке свою черную кубанку.

— Что смотришь?.. Сейчас отряхнемся! — крикнул Карачанцев.

Антон снял кубанку, вытер ею запыленное лицо и мрачно покачал головой:

— У нас под Сальском такой гость, как на свадьбе, неделю гуляет.

Стало светлее. За окном, в облаках бешено мчавшейся пыли, показались стрела и раскачивающийся на тросах пустой ковш. Не было видно ни солнца, ни неба, ни земли; мимо окна мчалась, то опадая, то поднимаясь, как опара, песчаная метель.

— Степан Петрович! — снова сказал Сергей, поправляя налезшую на брови форменную фуражку.— Что это такое?

— Обыкновенная буря! — недовольно отозвался Антон и протянул к Карачанцеву руку, растопырив два пальца.

Степан достал пачку папирос, встряхнул ее и протянул Антону. Тот захватил одну из папирос. Затем Степан губами взял из пачки вторую папиросу и чиркнул спичкой.

Во всех этих как будто нарочито замедленных движениях Сергей уловил какую-то тревогу, желание скрыть беспокойство. «Будет Степан Петрович работать или нет?» — подумал он. Между тем Карачанцев, окутываясь дымком, неожиданно спросил:

— На посевах эта штука отражается?

Антон, разглядывая папиросу, покачал головой:

— Да-а! Твоей Насте достанется.

— При чем здесь Настя? При чем здесь моя?

— Ладно уж тебе! — махнул на него рукой Голубец.— Знаю, чем ты дышишь.

Сергей подумал, что сейчас Карачанцев резко повернется, сверкнет глазами, может быть, резко оборвет Антона, но Степан спокойно потянулся к лежавшей на полочке спецовке, набросил ее на плечи и усмехнулся:

— Чудак ты! У нее ж, говорят, жених есть!

— Кто? — сердито отозвался Антон.

— Да этот, из эмтээс... Механик ремонтной летучки. Андрей Быстров, что ли?

Сергей невольно пожал плечами. Вокруг такое происходит, экскаватор стоит, а они, известные экскаваторщики, спокойно покуривают и разговаривают о какой-то Насте. Впрочем, эту Настю Сергей тоже знал: она жила на хуторе, в котором экскаваторщики стояли на квартирах, работала в колхозе бригадиром опытного поливного участка. Так себе, маленькая, косы совсем как у девчонки, а веснушек на пятерых хватит.

Карачанцев словно почувствовал, о чем думает его ученик, и, надевая спецовку, уже другим, озабоченным голосом спросил:

— А в принципе... как для посевов?

— В принципе и озимку и все, что успели весной посеять, выдует.

— Загинаешь? — Карачанцев с тревогой и в то же время с какой-то надеждой обернулся снова к Антону.— Что-то делают в таких случаях?!

— Закрывают окна, двери, прячут скотину и ждут, когда кончится...

Карачанцев застегнул спецовку и откинулся на спинку. За окном теперь ветер дул поры-

вами. Пыльная завеса то совсем затягивала и ковш и стрелу, то вдруг припадала к земле, рассеиваясь веером по забою. И от этого в экскаваторе то светлело, то снова темнело, и Сергею показалось, что где-то высоко проносятся мирные степные облака и они то закрывают, то открывают солнце.

— Та-а-к, значит... Сидят и ждут?! — тихо, словно про себя, сказал Карачанцев.

Наклонившись вперед, он приоткрыл окно, выбросил папиросу, несколько секунд прислушивался к посвисту ветра и спокойным, проверенным движением включил ток.

Сергей увидел, как ковш начал набирать землю. Затем и буря и просветы земли поплыли влево. Где и как высыпался грунт, Сергей не видел. Экскаватор снова повернулся влево, и теперь стал виден ползущий по земле ковш. «Раз, два, три, четыре», — считал про себя Сергей и вдруг понял, что Карачанцев ловит эти просветы, чтобы набрать землю. И действительно, когда очередной порыв бури снова затянул окно, ковш уже был в воздухе. «А выброску делает вслепую, по расчету времени». И поняв, как трудно все это было делать, Сергей готов был простить Степану и его неуместный разговор о Насте и папиросы.

Между тем буря шла теперь над самой землей. Стали хорошо видны и отвалы и плывущий к ним ковш. Когда он раскрывался, казалось, в воздухе рвется шрапнель и к земле вытягивается большая, широкая полоса, похожая на метлу.

И вдруг, когда Сергей уже привык к новому ритму, а Антон Голубец спокойно возился у барабанов, Карачанцев дернулся в сторону. Почти одновременно что-то сильно ударило по стене. Сергей опустил глаза, и в первую секунду ему показалось, что в экскаватор вползла огромная змея. В последующее мгновение он понял, что это был трос, но не прямой, как всегда туго натянутый, а ослабевший, похожий на тело змеи.

Карачанцев спрыгнул на пол. Приподняв кепку, он крепко пригладил ладонью волосы.

— На что же это я наткнулся?.. Нагрузка необычная!

Он прошел к двери и навалился на нее плечом. Сергею, бросившемуся за ним, показалось, что в приоткрывшуюся дверь вместе с клубами пыли ворвалась какая-то черная птица. Отшатнувшись, он все же успел перехватить ее и разглядеть, что это была кепка Степана Петровича. Самого Карачанцева уже не было в экскаваторе. Протиснувшись наружу, Сергей увидел, как на земле бились и вскипали песчаные волны. Темная фигура Степана, по пояс погруженная в эти волны, удалялась от машины.

Сергей догнал Карачанцева у самого ковша. Степан стоял спиной к ветру, глубоко засунув руки в карманы. Перед ним, наполовину взобравшись в ковш, лежала на боку пятнистая не то от камуфляжа, не то от ржавчины гаубица. Ее короткий ствол был забит землей, а на казенной, толстой части Сергей разглядел полустершийся, но еще хорошо видимый черный фашистский знак.

— Значит, опять ты? — после долгого молчания сурово сказал Карачанцев.— Опять на пути? — Он ткнул ее ногой, как пробуют скаты шоферы, подтолкнул Сергея, словно запрещая смотреть на это видение, и, прикрывая рукой лицо, пошел обратно.

— Что там такое? — спросил Голубец, захлопывая за ними дверь, как только они стали отряхиваться и протирать глаза.

— Готовь трос, будем менять.

— Степан Петрович! — Голубец снял кубанку.— Троса нет.

— Как то есть нет?.. Должны были в ночную смену привезти.

— Не доставили.

— Эх, Антон, Антон! — исподлобья смотря на него, покачал головой Карачанцев.— Я же тебя лично просил... Нам же именно сейчас надо было поработать.

Сергей, поглядывая на экскваторщиков, почувствовал, как снова неприязнь возвращается к нему. «Начальнику самому надо было проверить... Сказал бы мне... А вообще непонятно: такая стройка, такая машина — и нет какого-то троса».

— Ладно! — вздохнул Карачанцев.— Дай-ка мне полотенце. А то иссечет — рябым стану.

— Куда ты?

— На базу.

— Давай я пойду! — Голубец тронул небритую щеку.— Мой недогляд — мне исправлять.

— Ты ведь просить будешь, а я требовать!

Карачанцев надел кепку козырьком назад, по самые глаза обмотал лицо полотенцем, отчего стал похож на хирурга, приготовившегося к операции.

— Степан Петрович! — Сергей тронул его за руку.— Можно мне с вами?

— Унесет! — отмахнулся Карачанцев.

— А это еще неизвестно кого! — Сергей сдвинул свои белесые брови.— Площадь сопротивления у меня меньше, и к земле я ближе.

— Ишь ты! — Карачанцев поглядел на Антона.— Не нужен тебе?

— Пусть только обвяжется!

Когда они снова вышли из экскаватора, буря как будто поутихла. С трудом перевалив через гряду отвалов, они попали на дорогу. Облизанная ветром, протертая поземкой, она блестела, как стальная. Через несколько шагов Сергей обернулся и не увидел уже ни холмов, ни экскаватора. Зато, подняв голову, он увидел солнце. Оно появлялось в разрывах пыльных облаков, холодное, слюдяное, похожее на луну.

— Давай за мной в кильватере! — крикнул Карачанцев.

Мимо них волком проскочил куст перекати-поля. Вместе с пылью летели навстречу какие-то кусты, солома, травы. Один росток прилип к груди Сергея. Сергей, сложив лодочкой ладонь, прихлопнул его, как кузнечика, и затем стал разглядывать: зеленые жала еще были совсем тоненькие, на белых волоконцах корней висели комочки земли. Он догнал Карачанцева и раскрыл перед ним кулак. Степан Петрович осторожно посмотрел, повернувшись спиной к ветру, и крикнул:

— Понял? Озимая пшеница...

Сергей не заметил, как исчезла дорога. Теперь они шли по пахоте. Нет, это была не пахота! То здесь, то там в кипящей пыли трепетали на ветру кустики озимых всходов.

Оглядываясь по сторонам, Сергей вдруг увидел в стороне лежащего на земле человека. Это было так неожиданно, что Сергей невольно ухватил Карачанцева за спецовку. В следующую минуту он уже понял, что на земле лежала Настя. Только она носила на работе такие щегольские хромовые сапожки с отвернутыми голенищами, только у нее так торчали из-под платка туго заплетенные и связанные черным шнурком косички.

— Настасья Ивановна! — Карачанцев присел и тронул Настю за плечо.

Настя подняла голову, машинально поправляя волосы. Лицо ее было незнакомым, серым, с темными пятнами под глазами. Она внимательно оглядела Карачанцева, затем Сергея и пожала плечами:

— Что вам надо?

— Зачем вы здесь лежите? Вставайте.

— Здесь сто двадцать гектаров,— не слушая Карачанцева, сказала Настя, деловито встряхивая косынку и покрывая ею голову.— Сеяли мы с четырнадцатого по пятнадцатое августа, сортовыми семенами...

— Хорошо, Настенька! По дороге расскажете!

— ...тринадцатого марта дали подкормку на всю площадь,— продолжала Настя, отводя его руку,— затем проборонавали...

— Вот ты грех! — Карачанцев растерянно посмотрел на Сергея.— Что будем делать?

Настя отряхнула бортики своего серого пиджачка, неожиданно закрыла ладонями лицо и снова ткнулась в землю. Плечи ее запрыгали.

— Ну, вот и хорошо! — Карачанцев подмигнул Сергею.— Орошение нужно и в этом деле. Только что ж нам делать? Оставлять ее нельзя, ждать некогда.

Он по-мужицки плюнул на руки и, крякнув, поднял Настю. «Как ковшом»,— подумал Сергей, выходя следом за Карачанцевым на дорогу.

Настя вытерла платком нос, и Сергей услышал, как она сердито спросила:

— Слушай, шагающий экскаватор! Ты куда меня несешь?

— Могу на край света.

— Поставь на землю.

— Нет!

— Это еще почему?

— Опять носом в борозду ляжешь?!

— Не твое дело! — Настя, пытаясь вырваться, уперлась ему в грудь руками и неожиданно усмехнулась. — Ты хоть глаза открой. Споткнешься!

Сергей отвернулся. «Можно было бы и опустить ее,— думал он сердито.— Дойдет сама... А то подумаешь: плакала, а через минуту смеется». Никого, кажется, в эту минуту он так не ненавидел, как эту маленькую, в хромовых сапожках девушку. «Да и Степан Петрович хорош, наверное, и про запасной трос забыл!»

В это время позади раздался хриплый сигнал. Сергей отпрянул в сторону. Из пелены пыли показался тупоносый радиатор и высокая, крашенная в зеленый цвет фанерная будка кузова. Машина стала, заскрипев тормо-

зами. Открылась дверца, и из кабины вылез невысокий, коренастый парень. Ветер рванул полы его брезентового плаща. Придерживая рукой серую кепку, он укоризненно покачал головой.

— Нашли время! Хоть бы с дороги сошли.

— А ты не указывай! — отозвалась Настя, становясь на землю и придерживая обеими руками юбку.— Лучше подвези.

— Дойдете ножками!

Парень полез в кабину и захлопнул дверцу, придавив угол своего плаща. Тогда Карачанцев, отстранив и Настю и стоявшего около машины Сергея, подошел к кабине.

— Андрей! — не поднимая глаз, сказал он глухо.— Я понимаю тебя. Но сейчас... мне надо на базу.

— А мне в эмтээс!

— У нас остановился экскаватор...

— А у меня четыре трактора вышли из строя.

— Андрей!

Только сейчас Сергей разглядел, что между ними происходила борьба. Андрей тянул дверцу к себе, Карачанцев к себе.

— Андрей! — повторил Карачанцев.— Стоит экскаватор!

Андрей из-под лохматых пыльных бровей еще раз взглянул на Карачанцева, несколько секунд с удивлением смотрел на Сергея и бросил дверцу.

— Что случилось? — спросил он, застегивая пыльник.

Сергей чуть было не засмеялся, увидав, что застегивается он неправильно: первую верхнюю пуговицу — на третью петельку.

— Лопнул трос! — отозвался Карачанцев.

— Эх вы!.. — Андрей усмехнулся, поглядывая, как Настя все еще борется с ветром.— Второй трос за весну гробите... Садитесь.

Первым взобрался в кузов Сергей. За ним по железной лесенке поднялась Настя, затем уже на ходу вскочил Карачанцев.

Сергей нащупал в темноте какую-то скамью и осторожно присел, оглядываясь. Кузов скрипел и покачивался. По полу перекатывались какие-то детали. Впереди, в мутном окошечке, виднелась голова Андрея.

— Один меня нес на край света, другой везет неизвестно куда! — послышался голос Насти. Она пробиралась по кузову, больно наступила Сергею на ногу, обо что-то ударилась и сердито постучала в кабину.— Зажги хоть свет в своей душегубке!

Окошечко приоткрылось, и Андрей откуда-то издалека спросил:

— Не налюбовалась?

Настя несколько минут молчала, затем приглушенным голосом, видно, не хотела, чтоб слышал Сергей, зашипела:

— Я тебе что, невеста? Ты это брось! Чтоб у Соленого озера остановил машину, понял?

Под потолком в железном сетчатом колпаке зажглась лампочка. Сергей увидел верстак с большими тисками, около которых он сидел на табуретке, прибитой к полу, мотор, прикрытый железным колпаком, белые, некрашеные шкафчики, ящик, в котором перекатывались негодные подшипники, и плакаты, налепленные по всем стенам.

— Зачем вам к Соленому? — спросил Карачанцев. Он стоял у самой двери, широко расставив ноги, и, покачиваясь, машинально встряхнул кепку. Глаза его были устремлены на Настю, и в них таилось столько радости и удивления, что Сергею стало неудобно. «Обрадовался, что она не невеста»,— подумал он, незаметно протирая рукавом потускневшие пуговицы.

А Настя, прислонившись к кабине, держала в зубах черный шнурочек и быстро переплетала косы, изредка их встряхивая. Наконец она вынула изо рта шнурок и укоризненно взглянула на Степана.

— Быстро забываете, Степан Петрович! Около Соленого озера наш опытный участок... Помоему, вы его тоже знаете...

— Это я помню! — Степан широко улыбнулся.— Это мы тогда здорово сделали.

Машина неожиданно стала. Сквозь свист ветра послышались голоса.

— Неужели Соленое? — спросила Настя.

Степан приоткрыл дверь. Сквозь пыль видны были кирпичная стена какого-то здания, электрический фонарь и шеренга комбайнов, стоявших под навесом.

— Скажи, какой вредный! — Настя всплеснула ладошками.— Все-таки в свою эмтээс привез!

Когда вслед за Настей и Карачанцевым Сергей вылез из машины, он увидел, что Степан стоит против Андрея, трогая его за пуговицу пыльника.

— Я думал, ты коммунист...— говорил он.

— Не ошибся...

— ...думал, коммунист и отличаешь общественное...

— Отличаю! Для того и привез тебя сюда.

— А мне на базу...

— До вашей базы сорок километров... Два часа езды туда-обратно. А у тебя экскаватор стоит!

— Ну?

— Что ну? Думаешь, мы здесь тяпки-лейки делаем? Тебе какого сечения трос нужен?

Сергей видел, как Карачанцев удивленно откачнулся, затем крепко потер себе лоб. Андрей постоял, словно ожидая еще что-то услышать. Усмехнувшись, он пошел к мастерским и, снимая на ходу пыльник, толкнул маленькую дверцу, вырезанную в больших двустворчатых дверях.

Сергей пошел следом за ним.

В мастерской было прохладно и тихо. Между станками на полу прыгали воробьи. «Давно обед?» — послышался в дальнем конце голос Андрея и затем снова: «Я забегу к директору, а ты мне, тетя Нюша, найди кладовщика!»

Сергей стал ожидать появления тети Нюши, но она не показывалась. Где-то хлопнула дверь, воробьи взлетели под потолок и уселись на трансмиссиях. Сергей понял, что из мастерской есть другой выход, и огляделся уже более внимательно. Мастерская была большая, с двумя рядами станков, уходивших к противоположной стене, с широкими окнами, за которыми, словно тени, проходили облака пыли. Рядом с доской показателей на стене висели приказы о премировании, расписание занятий кружков техминимума и большие плакаты-схемы, над которыми чуть покачивалось красное полотнище с белыми буквами: «Строительство канала — наше родное дело!» Сначала Сергей подумал, что это схемы тракторов, комбайнов, но, вглядевшись, понял, что это были бульдозеры, скреперы и, наконец, его, Сергея, шагающий экскаватор.

«Вот это молодцы, вот это механики!» — думал Сергей, и ему стало неприятно, что Карачанцев мог подумать что-то плохое об Андрее.

— Давай, давай, тащи! — послышался снова голос Андрея, и за станками показалась чья-то черная кубанка и стриженная «ежиком» круглая голова.

Утро в деревне

Я. ВОХМЕНЦЕВ

При первых проблесках рассвета
В селе глухая тишина.
Лишь разговаривает где-то
Механизация одна.

Кругом поля. На вспашке пара
Огни блуждают до утра.
Колхозный сторож у амбара
По ним считает трактора.

Спокойно ждет земля сырая,
Когда исчезнет ночи мгла.
Заря, по небу простираясь,
Попутно облако зажгла.

Уже доярки у загонов
Встречают с ведрами стада.
Машина, полная бидонов,
Звеня, торопится туда.

Бессменно бодрствует динамо
С певучей сетью проводов.
Сегодня снова пилорама
Проснулась раньше петухов.

Визжит пила. И, слышу, вскоре,
Взмахнув решительно крылом,
Горластый кочет на заборе
Трубит курятнику подъем.

Клубится дым над каждым домом,
И окна заревом горят.
Мотоциклет под агрономом
Чихает двадцать раз подряд.

Теснятся ульи на телеге,
Готовясь к жизни кочевой.
Ранеток тонкие побеги
В саду выравнивают строй.

Лучистый день встречает флора
Во всей росистой красоте.
Пожарник ради кругозора
Стоит на должной высоте.

Цветет июнь — пора покоса,
Сгустилась пряная трава.
Ступая сбоку на колеса,
Садятся люди в кузова.

Ударив пылью в ребра тына,
Машины вышли из села.
И молодежь на тех машинах
С собою песни повезла.

Челябинск.

Сергей торопливо распахнул дверь и крикнул:

— Степан Петрович! Несут!

Затем они все вместе, даже Настя, помогли рабочим погрузить в машину тяжелый трос. Один из рабочих, тот самый, что был подстрижен «ежиком», оказался совсем еще мальчишкой с толстыми губами и светлыми озорными глазами. Поднимая трос, он покосился на форменную фуражку Сергея и спросил:

— С шагающего?

— Да.

— Везет же пацанам! — он покачал головой, критически осматривая Сергея с ног до головы.

Немного обиженный этими словами, Сергей хотел уже лезть в кузов, но ему загородили дорогу Степан, Настя и Андрей. Настя внимательно смотрела на Карачанцева, словно чего-то ожидая, и наконец повелительно спросила:

— Ну?

— Что? — отозвался Степан.

— Эх, ты! И поблагодарить не можешь?! — Настя повернулась и, чуть приподнявшись, поцеловала Андрея в щеку.

Сергей видел, как восхищенно хлопнул себя по коленям паренек-ежик, как пригладил рыжий ус другой, в кубанке, должно быть, кладовщик, и как покраснели и Андрей и Карачанцев. А Настя, вскинув голову, спокойно прошла к лесенке, бросив Степану:

— Это я за тебя! Ты ж, наверное, такой, что сроду не поцелуешь!

Затем они снова ехали в машине. Настя тихонько сидела в углу, перебирая бортики своего серого пиджачка. Карачанцев поглядывал на нее и то хмурился, то улыбался и подмигивал Сергею.

А Сергей старался ни на кого не смотреть и почему-то думал об Андрее, который остался у дверей мастерской. Через несколько километров машина стала, и Настя торопливо поднялась. «Опять задерживает машину!» — сердито подумал Сергей.

Настя отодвинула засов и открыла дверь.

— До свидания! — кивнула она головой и вдруг, куда-то вглядываясь, прижала к груди руки.— Боже ж мой! — протянула она.— Живые!

Следом за Настей и Карачанцевым спрыгнул на землю и Сергей, но ничего особенного не увидел. Около дороги покачивались на ветру до половины занесенные песчаными сугробами тонкие прутики акаций в молодой лесопосадке. Справа, на высотке, виднелся колодец и сбившаяся около него отара овец, а прямо зеленел совсем небольшой квадрат озимой пшеницы. По этому полю бежала Настя, оглядываясь, всплескивая руками и то и дело приседая.

Когда Сергей с Карачанцевым подошли к ней, она разрывала пальцами землю, осторожно вытаскивала из нее крохотный кустик с налипшими на корнях комочками земли.

— Живой! — бормотала она, разглядывая кустик, словно только что вылупившегося цыпленка.— Удержался? Ах ты, мой домосед! Не хотел покидать родную землюшку? У-у! — Настя неожиданно подняла кулачок.— Погоди, начнем всю землю поливать, ни одного кустика тебе не отдадим!..

Увидав стоящих над ней Карачанцева и Сергея, она поднялась и, поправляя разметавшиеся волосы, строго приказала:

— Езжайте! Я и так вам голову заморочила!

Не обращая больше внимания ни на Степана, ни на Сергея, прижимая к щеке кустик пшеницы, она пошла по полю, нагибаясь и внимательно рассматривая трепещущие на ветру всходы.

— Вот, брат, какое дело! — после долгого молчания сказал Карачанцев, когда они снова оказались с Сергеем в кузове и машина тронулась.— Да ты ведь, наверное, ничего не понял? — Карачанцев полез в карман, достал пачку, встряхнул ее, взял губами папиросу и, прикурив, продолжал: — Поле-то, обратил внимание, зеленое! Все ростки целые, даже такой ветер не мог сорвать их. А почему, знаешь? Поливали! Да, брат, поливали, даже мы с Антоном принимали в этом деле участие. Настины девчата пригласили. Правда, поливали ведрами, из колодца, так сказать, в порядке опыта. И вот получилось: неполивное погибло, а это целое... Понимаешь, какую веру люди почувствуют, когда увидят эти ростки!

Карачанцев внимательно посмотрел на Сергея.

— Ты вот, я чувствую, на меня обижаешься... Молчи, молчи, вижу... Правда, сегодня я, может, не совсем ладно вел себя. Только я тебе скажу: хорошим экскаваторщиком будешь, когда не только узнаешь, что правая педаль — тормоза подъема, а левая — тормоза тяги... В жизнь, брат, надо вглядываться пошире, она к твоей квалификации многое прибавит...

Когда они подъехали к экскаватору, вокруг попрежнему проносились космы пыли, шевелилась земля, курились вершины отвалов.

У ковша возился Антон, обкапывая гаубицу. Он приветливо поднял руку и вместе с шофером ремонтной летучки, которого Сергей как-то и не разглядел до этого и который оказался высоким пожилым человеком в старой солдатской гимнастерке, стал менять трос.

Когда все было сделано и они собрались в экскаваторе, Карачанцев неожиданно приказал Сергею:

— Ну-ка, садись! — он указал глазами на пульт и первым полез на площадку, где стояло железное сиденье.

Сергей, чувствуя на себе взгляды Антона и незнакомого шофера, осторожно уселся, попробовал ногами педали, взял рычаги, незаметно передохнул и, подняв голову, встретился с глазами Карачанцева. «Можно, давай!» — сказали эти глаза.

Загудели барабаны, трос натянулся, и Сергей увидел, как покорный его воле ковш, загребая и гаубицу и землю, пополз к экскаватору, затем он поднялся и понесся к отвалам. Точно в назначенном месте он остановился, и в это время Сергей почувствовал, как Карачанцев задержал его руку.

— Что? — облизнув пересохшие губы, спросил Сергей.

— Дальше давай!

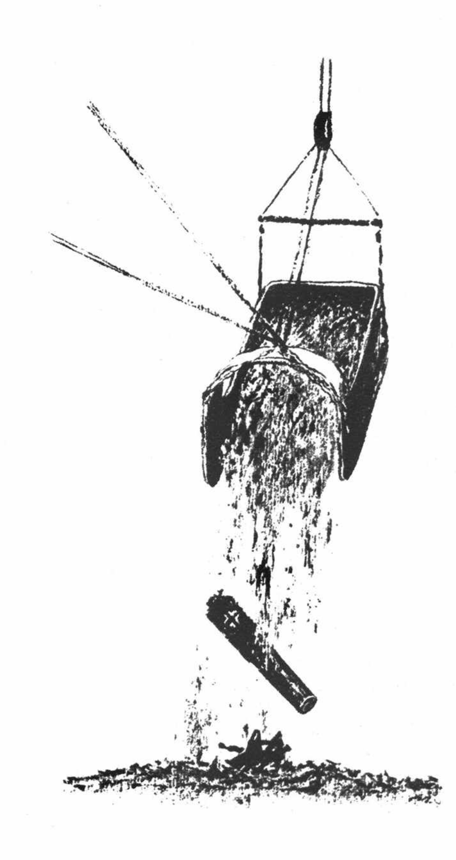
— За отвалы?

— Совершенно правильно!

— Зачем?

— А затем, что нам такой строительный материал не подходит. Наша земля крепче чужого железа. Давай!

Покоряясь сильному и в то же время удивительно нежному и ласковому движению руки Карачанцева, Сергей чуть подался вперед. Ковш поплыл за отвалы и, на секунду задержавшись, разом открылся. Пыльная завеса прижалась в этот миг к земле, и хорошо стало видно, как, переворачиваясь в воздухе, падала с высоты черная гаубица. Пыльный след на одно мгновение протянулся от нее по воздуху, затем исчез и он, а в приоткрывшемся просторе Сергей увидел на миг и буровую вышку геологов и белую хату бригадного стана.

Живая модель

Я. КОРШ

Сквозь отшлифованный, совершенно прозрачный череп пятнистого щенка просвечивает рельефный контур его головного мозга. Через лупу, при большом увеличении, он похож на выпуклую карту горной страны, где к горизонту устремлены цепи покатых холмов, изрезанных узкими, сумрачными ущельями. На живом ландшафте лежит густая, как разветвленные корни дуба, пунцовая сеть кровеносных сосудов.

Еще совсем недавно обладатель этой удивительной панорамы резвился в обществе ему подобных. Переведенный сюда, в лабораторию Института педиатрии Академии медицинских наук СССР, он был подвергнут профессором Б. Н. Клосовским искуснейшей операции. Профессор мастерски заменил щенку верхнюю часть черепа пластинкой прозрачной пластмассы, прикрепленной серебряными винтами к костям. Собака легко перенесла эту операцию и, оправившись, чувствует себя так, будто ничего и не произошло...

Пожалуй, ни один орган не привлекает столь пристального внимания советских биологов, как головной мозг человека, особенно кора его больших полушарий, чья главенствующая роль в организме доказана великим русским физиологом И. П. Павловым в его учении о высшей нервной деятельности. Очень важно познать тайны коры, ибо от ее работы зависит наш труд, здоровье, долголетие. В тонком, всего лишь в четверть сантиметра слое коры сосредоточено около 15 миллиардов нервных клеток. Словно дирижер, управляет она всеми частями нашего тела. И если ослабевает ее внимание, то это нередко приводит к заболеваниям. Неожиданно выскакивают багровые пятна фурункула, резь сводит желудок, к горлу подкатывает тошнота. Бывают и тяжелые поражения: гипертония, язва желудка или человек, совершенно здоровый, вдруг становится мнительным, и ему кажется, будто хрипит в груди, покалывает в сердце, ломит поясницу. Недуг часто наступает, когда что-то нарушается в самом замечательном архитектурном строении природы — коре мозга, властном повелителе тела.

Но что общего между высокоразвитым головным мозгом человека и мозгом щенка? Наука никогда не ставит знака равенства между органами животных и людей. Однако сходных черт очень много: бьется сердце, пульсирует кровь, дышат легкие...

Мозг — очень сложный орган — все время работает; он расходует свою энергию, а чтобы ее восстановить, необходима пища, которую приносит кровь. Опыты, произведенные профессором Б. Н. Клосовским на четвероногом пациенте, позволили расшифровать законы ее циркуляции по сосудам мозга. Постепенно глазам исследователя предстали безукоризненные приспособления, управляющие этими процессами; подобно заботливым хозяевам, они следят, чтобы к хрупким нервным клеткам всегда поступала кровь.

Вот собака мирно стоит в станке, и под пластмассовым черепом кровь плавно, без единого всплеска струится по сосудам, напоминая размеренное течение полноводной реки. Сердце, живой насос, гонит кровь резкими, отрывистыми толчками, как море накатывает волны на берег. Что же погасило прибой крови, ощущаемый нами как пульс? Она бьет в широкие сосуды и у самого входа в головной мозг, ударяясь в изгибы, становится спокойной. Оттуда уже укрощенные потоки бегут по сети снабжения мозга. При пульсации крови нервные клетки не смогут работать правильно.

Профессор Б. Н. Клосовский вынимает винт, вставленный в центр прозрачной крышки черепа, и через отверстие проникает воздух. Мозг щенка отвечает бурно: он начинает ритмично подниматься и опускаться. Винт водворяют на прежнее место — и вновь мы видим спокойную панораму. Это простое наблюдение кладет конец бушевавшему в науке триста лет подряд яростному спору: пульсирует ли мозг под черепом? Некоторые заявляли: бесспорно, подтверждая свою правоту вескими свидетельствами: при ранениях головы видели, что мозг как бы дышит, пульсирует, наблюдали это же при операциях. Ныне блестящий эксперимент доказывает, что черепная коробка, костная прочная крепость, не только защищает мозг от наружных потрясений, но, словно обручами стягивая его, обеспечивает внутренний покой.

Ученые, шутя, называют нервные клетки исключительными «обжорами». Они поглощают пищи в добрый десяток раз больше, чем клетки, слагающие другие участки тела. Отличаясь столь завидным аппетитом, нервные клетки разборчиво относятся к своему столу. Они неизменно требуют кислорода. Мозг, лишенный этого важнейшего элемента в течение одной — полутора минут, выключается, и человек теряет сознание.

Ныне под прозрачным черепом видно, как действует мозг, когда ему не хватает живительного газа. Едва лишь собака переступила порог камеры со спертым воздухом, где кислорода мало, как сосуды расширились, и в них вошло крови вдвое, втрое больше обычного. Серия дополнительных, превосходно поставленных опытов разъяснила сущность этого поразительного явления. Мозг продиктовал организму безапелляционный приказ: весь кислород направить ему, только ему! Клетки других тканей повременят. Избыточная кровь свободно проникла в сосуды мозга и доставила нервным клеткам кислород.

И если мы подолгу сидим в жаркой, накуренной комнате, забывая, что пора открыть окно, кора, спасая нежные нервные клетки от повреждения, широко расширяет сосуды. Объем мозга увеличивается, он давит на прилегающую к черепу оболочку — голова тяжелеет, будто налили ее свинцом, и острая боль сигнализирует об опасности.

Диаметрально противоположное явление — перенасыщение крови кислородом — теперь тоже доступно наблюдению. Каждый раз, когда сердце стучит учащенно, кровь быстрее циркулирует по телу, забирая с собой чересчур много кислорода из легких. Казалось, нервные клетки почувствуют себя хорошо. Но вот что показывает проверка. В камеру с собакой пускают кислород. Сразу видно, что сосуды резко сжались, пропуская меньше крови, а с ней и меньше кислорода.

В противном случае, поглощая его сверх нормы, нервные клетки начнут работать с чрезмерной нагрузкой что вредно. Поэтому кора, подобно опытному повару, точно отмеривает необходимые ей порции.

Чуть повышенное содержание кислорода в воздухе благотворно действует на организм. Каждый замечал это на себе, проводя отпуск на лоне природы. В первые дни, когда человек еще не освоился с новой обстановкой, свежий, чистый воздух как бы опьяняет его. Нервные клетки работают с повышенной энергией, они лучше руководят телом и быстрее утомляются. К вечеру неудержимо тянет ко сну, во время которого идет «ремонт» мозга.

Диск, на который поставили живую модель, вращают, как карусель. На границе лба и темени, где расположен участок, который в данное время работает усиленно, предохраняя щенка от падения, расширились сосуды. Эта область выделяется своим цветом от остальной поверхности полушарий, где сосуды сжались. Много было проведено таких опытов, и все они показывают, что в мозгу находятся приспособления, регулирующие питание отдельных его участков.

Теперь стало понятным, почему, увлеченные работой или чтением интересной книги, мы не слышим ритмичного тикания часов, автомобильных гудков, передаваемой по радио музыки. Внимание человека сосредоточено на каком-нибудь предмете. Это значит, что кровь устремлена к интенсивно действующим нервным клеткам, а другие работают приглушенно.

Утомленный продолжительным пребыванием в станке, щенок дремлет. Суживаются сосуды. Нервные клетки отдыхают, восстанавливают энергию.

И в нашем организме происходит подобный процесс. Но после глубокого ночного сна, едва мы открываем глаза, начинается неутомимая дневная деятельность нервных клеток. Кровь по очень тонким трубкам-капиллярам, сложенным в причудливые узоры, — их длина достигает 120 километров! — снабжает мозг жизненно важными веществами.

Невероятно трудным было проследить за тем, как растут капилляры. Ученые, пытаясь разглядеть этот рост, проделывали тысячи опытов, но они оказывались тщетными.

Профессор Б. Н. Клосовский, изучая под микроскопом тончайшие срезы мозга, обнаружил, как развиваются капилляры. Сперва появляется почка. От ее середины выходит разветвленный пучок отростков, похожих на щупальца. Почка, увеличиваясь, вытягивается, во все стороны ползут щупальца. Некоторые находят соседний сосуд, присасываются к нему, и по живой трассе поступает кровь.

Глубокая разведка в «планету сознания» ответила на многие вопросы. Почему, например, ребенок, который декламировал стихи, хорошо помнил имена своих юных друзей, после перенесенной болезни кое-что позабыл? Объясняется это тем, что капилляры при заболеваниях часто суживаются, а иногда даже перестают расти. Клетки, очутившись на скудном пайке, работают вяло. После болезни капилляры вновь пускаются в рост, и постепенно память восстанавливается.

Роль капилляров — естественных путей крови в головном мозгу — весьма велика. Это ставит перед наукой новую задачу — распознать, какими способами усилить развитие капилляров, чтобы головной мозг формировался нормально.

Удостоенный Сталинской премии профессор Б. Н. Клосовский в обширном труде «Циркуляция крови в мозгу» подробно описал свои многолетние исследования, двигающие вперед павловскую науку.

Профессор Б. Н. Клосовский и научный сотрудник Е. Н. Космарская производят опыт.

Фото О. Кнорринга

Спартак

(Главы из романа)

Говард ФАСТ

Рисунки В. Высоцкого

Лентул Батиат ожидал гостей. Он вышел их встречать на арену своего частного амфитеатра. Признаться, ланисту[1] мало занимали эти богатые господа, приехавшие в Капую из Рима: честь, которую он им оказывал, была оплачена ими же. Приезжие римляне заказали ему схватку двух пар гладиаторов. Они пожелали, чтобы гладиаторы бились нагие и бой продолжался бы до смертельного исхода. За это берут дороже, удовольствие обойдется им в двадцать пять тысяч денариев...

И все же каждый раз, когда Батиату приходилось сталкиваться с этими миллионерами — или, вернее, с римлянами, которые позволяли себе тратить миллионы,— он испытывал легкое волнение и ощущение собственной незначительности: маленькая лягушка в маленькой луже. Когда он был еще вожаком уличной шайки наемных убийц в Риме, он мечтал накопить четыреста тысяч сестерциев: это давало доступ в сословие всадников. Но, только достигнув этого, он понял, что означает богатство. Сколь ни преуспел он, создав целое состояние благодаря природной ловкости и уму, а все стоит еще на одной из низших ступенек общественной лестницы!

Вот почему он встречает римлян у входа на арену. Их четверо: Марий Брак, юный Кай Красс и еще двое, супружеская пара. Батиат лично провожает благородных гостей в приготовленную для них ложу. Ложа устроена удобно, на возвышении, из нее можно видеть, не приподнимаясь и не поворачивая головы, любой уголок маленькой арены.

Батиат сам оправил подушки — высокие гости могут возлежать и чувствовать себя покойно. Он велел подать холодное вино, маленькие вазочки со сластями, голубей в меду — все, что нужно, чтобы утолить жажду или проснувшийся аппетит. Полосатый навес оберегает глаза римлян от солнечных лучей, два домашних раба держат наготове меховые накидки на случай, если господам покажется неприятной утренняя прохлада.

Батиат распоряжался подготовлением схваток. Он раздувался от гордости: как бы там ни было, а у него, Батиата, вы найдете все, чего захотите, даже на самый утонченный вкус. Пока готовят арену к схваткам, перед ложей играют два музыканта и танцует рабыня-гречанка. Но гостям, кажется, не до музыки и танца, они выше этого, они заняты разговором. Приятель Брака, Корнелий Люций, оживленно обсуждает со своей супругой, сколько нужно человеку денег, чтобы в теперешние времена содержать приличный дом в Риме.

Батиат прислушивался одним ухом: ему любопытно было узнать, сколько же надо для этого денег. У него защемило сердце, когда он уловил из разговора, что Люций только что заплатил пять тысяч денариев за нового либария — целое состояние за раба, специально обученного выпекать пирожное!

— Не станете же вы жить, как звери в лесу,— рассуждал Люций.— Или даже так, как жил мой отец. Вы хотите иметь приличную еду — нужны пекари, повара, пирожники, кондитеры: не посылать же за сластями на рынок! Как вы обойдетесь без всего этого?

— Я не вижу, как можно обойтись без всего этого,— подтвердила госпожа.— И потом каждое новолуние — новая прическа; право, только боги могли бы причесать вас прилично, но попробуйте найти хорошего раба — цирюльника или массажиста...

— И все-таки для этого не нужна сотня рабов,— сказал Брак.— Надо только вышколить тех, которые у вас есть. Впрочем, мне кажется иногда, что учить раба — бесполезный труд. У меня раб, грек с Кипра, он может, если вы пожелаете, часами читать наизусть Гомера. Но, представьте, этот грек никогда не умывается и не чистится. Я требую от него одного: держать в порядке мою одежду, каждому одеянию — свое место. Кажется, и собаку можно бы научить делать это, так нет же! Я говорю: «Раксид, принеси мою желтую тунику»,— он не может ее найти. Учить его — это займет слишком много времени, лучше сделать самому.

— Ты не должен ничего делать сам! — возмутился Кай.

— Разумеется, разумеется... Но погляди, дитя, что за вино подает нам ланиста.

Батиат живо протянул кувшин.

— Цизальпинское, — сказал он.

Брак лукаво усмехнулся, приложив палец к носу.

— Ты больше думаешь о подушках, ланиста, а я тебе и не заказывал подушек. Разве нет у тебя иудейского вина, ланиста?

— О, да, и самое лучшее! Легкое розовое, самое легкое розовое.

Батиат мигнул рабу, тот побежал за иудейским вином.

— Спроси об этом Брака,— бормотал меж тем Люций, отвечая жене, которая что-то шептала ему на ухо.

— Нет...

Брак наклонился к ней и поднес ее руку к губам.

— Дорогая, что за тайна у тебя от меня?

Выслушав шепот слегка смущенной госпожи, Брак скомандовал ланисте:

— Приведи сюда до начала игр гладиатора из Иудеи.

Батиату всегда было трудно уловить смысл желаний и поступков этих господ из римской знати. При всем своем опыте он не мог найти разумного основания для их причуд и капризов. Каждая богатая компания, посещавшая его амфитеатр, придумывала что-нибудь новое. Кто в них разберется?

Он велел привести иудея.

Двое надсмотрщиков привели гладиатора. Он приблизился к ложе и застыл в ожидании, закутанный в покрывало из грубой шерсти. Бледнозеленые глаза раба были как два холодных камня. Эти глаза не видели. Он просто стоял там, где его остановили.

Госпожа в ложе жеманно улыбалась. Кай казался испуганным. Первый раз гладиатор стоял перед ним на расстоянии протянутой руки и между ними не было ни решетки, ни стены. И всего только два надсмотрщика... В силах ли они с ним справиться? Нет, ничего человеческого не было в этом рабе из Иудеи с зелеными глазами, тонким ртом, кривым носом и коротко остриженной головой.

— Вели ему скинуть тряпье, ланиста! — приказал Брак.

— Раздеться! — прошептал Батиат.

Мгновение иудей стоял, не двигаясь. Потом одним движением сбросил с себя плащ. Он стоял нагой, и его гибкое, мускулистое тело казалось отлитым из бронзы. Кай смотрел, как зачарованный. Люций делал вид, что зрелище его оскорбляет. Его супруга глядела, слегка приоткрыв рот, трудно и учащенно дыша.

— Двуногое без перьев,— сказал равнодушно Брак.

Потом гладиатор поднял одежду, повернулся и пошел к выходу. Надсмотрщики шли за ним по пятам.

— Он будет драться первым,— распорядился Марий Брак.

На протяжении четырех десятилетий до описываемых событий, с тех пор, как бои гладиаторов парами были торжественно введены в обычай, на арене преобладали схватки, известные под названием «самнитских». Пары сражались в тяжелых доспехах, прикрывались продолговатыми щитами «скутум», какие носили

Одна глава из романа «Спартак» была помещена в № 41 «Огонька» за 1951 год.

[1] Ланисты — в древнем Риме владельцы школ гладиаторов и поставщики гладиаторов для цирковых зрелищ.

солдаты римских легионов, и имели в руках испанские мечи «спата». Крови бывало немного, и зрелище не очень возбуждало. Звон мечей и щитов раздавался порой часами, а бойцы не терпели ущерба. Изредка то один, то другой валился наземь от потери крови и от усталости.

Теперь два новшества были введены в гладиаторские бои. Унылое фехтование превратилось в кровавое зрелище, на котором римляне словно помешались. Многие владельцы школ гладиаторов нажили миллионное богатство, виллы в окрестностях Рима и даже стали сенаторами.

Первое новшество возникло в результате военных походов Рима в Африку. Чернокожий человек, рослый, могучего телосложения негр, появился на рынке рабов, где раньше был редкостью. Ланисты придумали новую игру: они дали негру в руки рыбачью сеть и трезубец и выставили его на арену против меча и щита. Новая игра немедленно увлекла римлян, бои на арене участились. И тут подоспело второе новшество — его породило проникновение Рима во Фракию и Иудею. Среди пленных рабов появились представители двух воинственных горных народов, главным оружием которых в сражениях был короткий, острый, как бритва, слегка изогнутый нож «сика». Это преобразило гладиаторские бои даже больше, чем участие «ретиариев», бойцов сети и трезубца. Теперь щит и латы почти совсем вышли из употребления. На смену медленному, тяжелому грохоту самнитских боев пришли молниеносные кинжальные схватки, страшные, глубокие раны, кровь, распоротые животы, ярость, боль, быстрое, до ряби в глазах, движение.

Брак сказал своему изнеженному юному другу:

— Увидев однажды на арене фракийцев, ты не захочешь больше смотреть ничего другого. Все другое кажется скучным, утомительным, лишенным мысли. Хорошие игры фракийцев — это самая возбуждающая вещь на свете...

Близилось начало схваток. Маленькая арена была пуста, она тоже казалась обнаженной в ярком свете солнца. Печальная тишина висела над всем зданием. Четверо римлян, трое мужчин и одна женщина, возлежали на своих подушках под полосатым балдахином, потягивали розовое иудейское вино и ждали начала того, что они называли играми.

В сарае, где гладиаторы обычно дожидаются вызова на арену, сидели трое: два фракийца и чернокожий. Они ждали возвращения иудея и сидели на скамье устало и безучастно; все они были запроданы, как выражались на своем языке владельцы гладиаторских школ. Только кровь и позор были теперь их уделом — ни славы, ни чести, ни любви.

Черный человек прервал наконец молчание, обычное среди этих людей перед выходом в амфитеатр.

— Если боги любят человека, он умирает молодым,— едва слышно произнес негр.

— Нет,— сказал Спартак.

Тогда чернокожий спросил его:

— Веришь ты в богов?

— Нет.

— Веришь ты в то, что мы переселимся в лучший мир после смерти?

— Нет.

— Во что же ты веришь, Спартак?

— Я верю в тебя, и в себя я верю.

— Ты, я! — крикнул Полемус, молодой, красивый фракиец.— Все мы мясо на столе у мясника, у ланисты.

— Еще во что веришь ты, Спартак? — настаивал негр.

— Во что еще?.. В то, о чем мечтают люди. Но когда человек идет на смерть, может ли он мечтать?

— Я скажу тебе то, что уже сказал,— тихо произнес чернокожий, и его густой голос печально смягчился.— Я скажу тебе это. Я одинок, и далек мой дом, и тоска снедает меня. Я не хочу больше жить. Я не стану убивать тебя, Спартак.

— Разве здесь место для милосердия?

— Это — место для игр. Но я устал.

— Мой отец был раб,— проговорил Спартак.— Есть только одна добродетель для раба, учил он меня. Добродетель эта — оставаться в живых.

— Мы не можем оба остаться живыми.

— И одна радость есть у раба,— добавил Спартак,— не знать часа своей смерти.

Сторожа, стоявшие снаружи, услышали их разговор. Они забарабанили своими копьями в стену сарая.

В дверях появился иудей. Закутанный в покрывало, он стоял и молчал. Впрочем, он молчал всегда. Его опущенная голова словно была увенчана печалью и позором.

Раздался звук трубы. Молодой фракиец вскочил, его нижняя губа была судорожно прикушена. Оба, гладиатор из Фракии и гладиатор из Иудеи, сбросили одежды. Дверь отворилась, и, плечо к плечу, нагие, они переступили порог и вышли на арену.

Черный человек оставался сидеть неподвижно на скамье. В мыслях он уже предал себя смерти. Пятьдесят два раза дрался он с сетью и трезубцем в руках и уходил от гибели; теперь нить, привязывавшая его к жизни, оборвалась. И он сидел, наклонившись вперед, подперев голову руками.

Спартак метнулся к двери и приник глазом к щели в старой доске. Он хотел видеть и знать. Ему было все равно, кто умрет из этих двоих. Правда, фракиец был человек его народа, но и иудей вызывал в нем необычное, щемящее чувство жалости. Когда пара бьется насмерть, один должен умереть. Но важно не это, а то, что один остается в живых. В нем самом, в Спартаке, это тоже главное. Люди угадывают это в нем. Выжить! Это написано между звездами, там, в небесной вышине.

Спартак приник к щели, и глазу его представился круг в самой середине арены. Сначала все заслонили шедшие локоть к локтю гладиаторы. Но вот они отделились друг от друга, вот стали лицом к тем, кто заплатил за их плоть и кровь. Тени фракийца и иудея упали на песок, тела их были смуглы и блестели, натертые маслом. Теперь между ними лежит расстояние в десять шагов, десять шагов песка и солнечного света.

Спартак видит вдали и ложу, где возлежат римляне,— широкий, веселый павильон, убранный розовыми, желтыми и пурпурными тканями, полосатый балдахин наверху, опахало из перьев слегка колышется в руках обнаженного раба. Там сидят они, те, которые покупают за деньги жизнь и смерть, немногое и все! Не в эту ли минуту затеплилась в сознании Спартака та мысль, к которой рано или поздно приходили люди во все века истории?..

На арену вышел один из тренеров, что обучают гладиаторов приемам боя. На полированном деревянном подносе он нес два ножа. Торжественно протянул он поднос тем, чьим золотом оплачено предстоящее зрелище. В эту минуту луч солнца ударил в металл клинков, и ослепительно засверкали двенадцать дюймов стали, изящно вправленной в рукоятки орехового дерева.

Брак важно кивнул головой. Ненависть обожгла Спартака, словно его коснулся один из отточенных, как бритва, ножей. Но он овладел собой и продолжал смотреть, как посторонний зритель. Гладиаторы выбирали оружие. Потом они исчезли из поля зрения. Но Спартак знал, где они стоят теперь, и каждое движение их он видел, не глядя. Теперь они смотрят друг на друга с затаенным страхом и нерешительностью обреченных, каждый меряет глазами десять шагов расстояния, отделяющего их. Наклоняются, берут песок, натирают им рукоятки ножей, ладони рук. Потом оба слегка пригибаются, у каждого мышцы тела напряжены, как натянутая тетива, сердце стучит, как молот.

Тренер поднес к губам серебряный свисток — и гладиаторы снова появились перед взором Спартака. Голые, со сверкающими ножами, зажатыми в правой руке, они уже теряют человеческий облик. Теперь это два зверя. Они кружат, как звери, по жаркому песку мелкими, настороженными прыжками. Бросок — сцепились и вновь отпрянули в одном конвульсивном движении... Римляне захлопали. Полоса крови пересекла грудь иудея, как красный шарф.

Но ни один не замечает крови. Оба так прикованы взглядами друг к другу, так соединены невидимой осью, что, кажется, весь мир вра-

щается сейчас вокруг них двоих. Время остановилось, вся жизнь, весь опыт существования сосредоточен сейчас на этой страшной взаимной слежке.

Вот снова они сходятся и в какой-то молниеносной судороге силы и решимости сплетаются в клубок — левая рука сжимает правую противника. Так стоят они тело к телу, лицо к лицу, и оба стонут от желания резать и убивать. Их преображение дошло до предела — они уже ненавидят друг друга, у обоих один исход — исход смерти: только убив, можно остаться жить.

Они стоят, застывшие в мертвой схватке, столько, сколько может выдержать сила и ярость, и вдруг отрываются друг от друга и снова бросаются в стороны. Теперь во всю длину руки фракийца тянется красная лента. Опять в десятке шагов они пожирают друг друга глазами, дрожа от бешенства. Они покрыты кровью, пóтом и маслом, и кровь стекает с них, пятная песок под ногами.

И вдруг фракиец бросается вперед. Сверкнув ножом, он прыгает на иудея. Мгновение — тот падает на одно колено — и фракиец летит через него, переворачиваясь в воздухе. Его тело еще не коснулось песка — иудей уже над ним. Мгновение ужаса и крайнего напряжения, смерть витает над фракийцем. Он извивается, катается по земле, отбивает голыми ногами страшный нож, иудей режет, колет, но — такова быстрота отчаянных, конвульсивных движений фракийца — не может нанести смертельный удар.

Фракиец снова на ногах. Его окровавленное тело, словно одетое в красную тунику, делает немыслимый прыжок, он на ногах. Но последние силы уже покидают его, они без остатка ушли на отчаянное сопротивление. Одной рукой он хватает воздух, пытаясь удержать равновесие, в другой сжимает нож и слепыми движениями все отбивает нападение противника. Но иудей стоит неподвижно и не ищет новой схватки. В этом нет нужды: фракиец истекает кровью, жизнь уходит из него капля за каплей в кровавую лужу, расплывшуюся на песке.

Но нет, драма жизни и смерти еще не сыграна до конца! Римляне, выйдя из оцепенения, начинают кричать, визгливо, хрипло, требовательно:

— Вéрбера! Нападай! Нападай!

Гладиатор из Иудеи стоит, не шевелясь. У него одна-единственная рана на груди, но любое движение стоило бы ему потери крови. Внезапно он швыряет нож на арену, и нож втыкается в песок и торчит, дрожа и колеблясь. А сам иудей стоит, опустив голову, словно превратившись в камень.

Фракиец упал на колени. Римляне продолжают кричать, они царапают ногтями барьер ложи. В два прыжка перебегает арену надсмотрщик, волоча за собой гибкий бич из толстой воловьей кожи. Солдаты бегут за ним.

— Нападать, грязная собака!

И бич хлещет иудея по плечам и животу.

— Драться, ну!

Еще и еще удары бичом, один злее другого, но гладиатор не шевелится. В это мгновение фракиец падает на песок, переворачивается навзничь, едва слышный стон вылетает из его поверженного тела. Он умирает.

Надсмотрщик перестает хлестать иудея.

...Черный человек уже давно стоит рядом со Спартаком и глядит в щель. Оба смотрят и не произносят ни звука.

Обеспокоенный Батиат вбежал в ложу. Он хотел оправдаться, объяснить римлянам, которые так хорошо заплатили, почему иудей не нанес последнего удара по куску еще живого мяса, почему не перерезал фракийцу горло, тогда обильный поток крови украсил бы финал борьбы...

Но Брак, держа в руке бокал вина, остановил Батиата спокойным жестом:

— Ни слова, ланиста. Это было чудесно. Большего не приходится желать.

— Мое заведение знают повсюду, я...

— Пусть провалится в ад твое заведение! Вот что я скажу тебе. Приведи иудея сюда. Не наказывать его, слышишь? Когда человек дерется хорошо, этого довольно, не правда ли? Приведи его сюда.

— Сюда? Но...— с сомнением начал Люций.

— Да, сюда! И не вздумай обмывать его. Пусть придет, как есть.

Пока Батиат бегал выполнять приказание, Марий Брак продолжал говорить. Подыскивая слова, как это делают знатоки, снисходя к профанам, он объяснял в подробностях, в чем состояла красота и мастерство того, что они только что видели.

— Это случается один раз на сто пар, и если вы увидели это, вам повезло! Минута великолепия, разве это не лучше, чем часы скучного фехтования? Вы видели знаменитый последний бросок перед смертью. Разве может красивее умереть гладиатор? Вспомните, как все шло. Фракиец следит за иудеем. Фракиец знает, что ему все равно конец...

— Да, но он первый пустил иудею кровь,— спорит Люций.

— Это не имеет значения. Фракиец и иудей, должно быть, впервые встретились в паре. Отсюда все и получилось. Им пришлось сделать много прыжков и перебежек, чтобы узнать друг друга. Если бы они уже знали друг друга раньше, они стали бы фехтовать ножами, а для этого нужна выучка и осторожность. Когда они сцепились, иудей раскроил фракийцу руку. Будь это правая рука, фракийцу смерть. Но раз это была левая, фракиец, понимая, что ему все равно нечего терять, поставил все на бросок телом. Девять из десяти гладиаторов ответили бы на это обхватом, даже рискуя напороться на нож. Вы знаете, что это значит — отбить бросок с ножом, за которым вся тяжесть человеческого тела?.. Вот почему я и послал за иудеем. Сейчас я вам все покажу...

Иудей явился вновь, все еще голый, от него пахло кровью и пóтом. Жалкое, дикое подобие человека, он стоял перед ними с опущенной головой, и мышцы его содрогались от усталости.

— Повернись спиной,— приказал ему Брак.

Гладиатор не двигался.

— На колени! — закричал Батиат.

Надсмотрщики схватили раба, повернули его и бросили на колени перед ложей римлян. Показывая на его спину, Брак ликующе воскликнул:

— Вот оно, смотрите сюда! Нет, не на следы бича, а на то место, где задета кожа, словно наша госпожа оцарапала ее иголкой. Это нож фракийца коснулся спины, когда иудей проскользнул под ножом и перебросил фракийца через себя! Последний бросок перед смертью! Оставь его в покое, ланиста! Не бичевать больше. Оставь его, ты заработаешь на нем большие деньги. Я сам постараюсь, чтобы о нем узнали. Твое здоровье, гладиатор!

Но раб из Иудеи молчал, как немой, и стоял, не подымая головы.

— Камни возопиют,— сказал черный человек.— И пески пустынь увлажнятся слезами, но мы — мы не заплачем.

— Мы гладиаторы,— ответил Спартак.

— Разве сердце у тебя из камня?

— Я раб. У раба должно быть сердце из камня или не должно быть сердца вовсе. У тебя в памяти есть радости прошлого, а мне не о чем вспоминать.

— И ты можешь смотреть на это и не содрогнуться? — спросил негр, указывая в сторону арены.

— Мне не поможет, если я содрогнусь,— хмуро проговорил Спартак.

— Я не знаю тебя, Спартак. В моей стране, когда сердце человека переполнялось горем, человек плакал. У вас, фракийцев, слезы, должно быть, высохли навсегда. Посмотри на меня. Что ты видишь?

— Я вижу: человек плачет.

— И разве я хуже от этого? Я говорю тебе, Спартак, я не буду драться с тобой. Будь они прокляты, прокляты дважды и трижды! Я не буду убивать тебя, говорю я тебе.

— Если мы не будем драться, мы умрем оба,— тихо сказал Спартак.

— Тогда убей меня ты, друг. Я не хочу жить, я измучен жизнью.

— Тише там, эй вы! — солдаты снова застучали железом в стену.

Черный человек вскочил и так забарабанил по стене огромными кулаками, что весь сарай зашатался. И вдруг он остановился, снова опустился на скамью и спрятал лицо в руки. Спартак подошел к нему, поднял его голову и осторожно вытер капли пота со лба его.

— Гладиатор, не дружи с гладиатором,— сказал он горько.

— Спартак, зачем рождается человек? — произнес негр невнятно, как во сне.

— Чтобы жить.

— Это все?

— Да, все.

— Мне непонятен твой ответ, фракиец.

— Почему же, друг? — Спартак проговорил это почти умоляюще.— Дитя, когда оно выходит из чрева матери, чувствует это. Это очень просто...

— Нет, это не для меня,— прошептал чернокожий.— Мое сердце рвется на части, когда я думаю о тех, кто любил меня.

— Тебя будут любить другие.

— Нет, никогда,— сказал черный человек.— Никогда.

Много лет спустя Кай Красс мог только очень смутно припомнить это утро в Капуе, где для его увеселения сражались две пары гладиаторов. У Кая было много острых переживаний в жизни, и все они покупались за деньги. И уж, конечно, он забыл, что одного из гладиаторов второй пары звали Спартак...

Но ему почему-то запал в память выход второй пары на арену. Два человека появились из темного зева двери и вступили на широко освещенный солнцем песок. Птицы поднялись с песка и упорхнули вверх, «авис сангвинария» — кровавые птицы, как их звали в Риме. Это были вертлявые, веселой окраски создания, они хлопотливо и жадно клевали пропитанный кровью песок, наполняя им зоб. Как и песок, они были желтые, и когда подымались в воздух, казалось, что это маленькие вихри песка взлетают с арены.

Двое остановились на обычном месте, там, где отдавалось приветствие покупателям крови и жизни. Кай припоминает, каким тщедушным казался фракиец против огромного черного человека из Африки...

Гладиаторы отдали приветствие римлянам, уже разомлевшим от вина и лениво жевавшим сласти. Снова явился человек с оружием. Спартаку он дал нож. Черному человеку — длинный тяжелый трезубец и сеть. Теперь они стояли, как цирковые шуты, в своем позоре и заброшенности. Весь мир был покорен Римом, и это было их право, знатных римских граждан, сидеть в прохладной тени ложи, пить вино и спокойно ждать того, что произойдет...

Оружие в руках у гладиаторов. И в это мгновение Каю показалось, что африканец сошел с ума. Вернее, Кай мог объяснить только внезапным безумием негра то, что случилось. Конечно, ему и в голову не могло прийти, что у черного человека когда-то был дом на берегу реки, жена и дети, ласкавшие его, пашня, которую он подымал весной; что все это было у африканца до того, как пришли римские солдаты вместе с работорговцами и сняли урожай человеческой жизни, так легко и чудесно превращаемый в золото.

И поэтому римляне увидели только, что чернокожий лишился рассудка. Он вдруг отшвырнул в сторону сеть, и они услышали дикий военный клич, вырвавшийся из его груди. Потом африканец устремился к возвышению, на котором стояла ложа. Надсмотрщик с мечом бросился к негру наперерез, но трезубец на ходу пронзил стража, как гарпун рыбу, и тело его, перелетев на другую сторону арены, тяжело рухнуло на песок. Теперь только шестифутовый деревянный барьер преграждал путь черному гиганту. Но он разметал доски, как будто они были из бумаги. Ярость преобразила его,— как каменный метательный снаряд, выпущенный из катапульты, он несся к ложе римлян.

Но уже бежали солдаты со всех концов амфитеатра. Передний, прочно упершись ногами в песок, метнул в негра копье, тяжелое копье римских легионов с железным наконечником, против которого не устояли войска ста народов. Копье пробило туловище черного человека и вышло спереди, но и это не удержало гиганта. Вместе с торчащим из спины длинным деревянным шестом он продолжал рваться к римлянам.

Второе копье ударило его в бок, третье в спину, четвертое пронзило затылок. Теперь с ним было кончено, только трезубец в его протянутой руке еще крушил барьер ложи, где метались в страхе римляне. Потом негр опрокинулся на спину, он был мертв.

Все это время Спартак стоял, как вросший в песок арены. Если бы он сделал хоть одно движение, он был бы мертв тоже. Он бросил нож в песок и оставался недвижим.

Жизнь была ему теперь нужна больше, чем когда-либо.

Назавтра, в то утро, которое осталось в памяти у многих, ожесточение и злоба наполняли школу гладиаторов. Грохот барабанов, бивших побудку, был особенно резок, тренеры с яростной руганью выгоняли гладиаторов из их клеток и выстраивали на площадке против забора, на котором уже висело распятое тело африканца. Женщин гнали на работы в кухню, не жалея ударов бича. Бич ложился на плечи Варинии [1] так же часто, как на плечи других женщин, даже чаще.

Ярость Батиата потрясала здание. Причина ярости была проста: ланиста понес значительный денежный убыток. Марий Брак удержал половину, целую половину условленной платы за вчерашние игры на арене. Можно было пожаловаться судебным властям, но мог ли презренный ланиста рассчитывать выиграть процесс у отпрыска одной из влиятельнейших семей Рима? И гнев Батиата бушевал, и отклики этого гнева разносились по всей школе. На кухне повар осыпал проклятиями женщин, награждая их ударами палки. Ланиста раздавал тычки тренерам, те хлестали гладиаторов, а мертвый негр был выставлен напоказ в назидание всем с самой зари.

Гладиаторов выстроили двумя длинными шеренгами. Спартак занял обычное место в ряду, справа от него стоял фракиец Ганник, слева — галл по имени Крикс. Тренеры были сегодня в полном вооружении, с мечами и кинжалами у пояса.

Вдруг открылись ворота, и солдаты регулярных войск, всего числом сорок человек, молча вступили во двор и стали, слегка колебля наконечники длинных копий. Утреннее солнце заливало желтый песок площадки и ласково касалось людей своим теплом. Но в сердце Спартака не было тепла. И когда Ганник спросил у него шепотом, что все это значит, он только молча покачал головой.

— Ты дрался с африканцем вчера?

— Нет.

— Но ведь он не убил ни одного из тех! Если уж человеку надо было умирать, он мог умереть лучше, чем вот так...

— А ты сумеешь умереть лучше, чем он? — спросил Спартак.

— Он умрет, как собака, так умрешь и ты! — вмешался галл Крикс.— Все мы умрем на песке с выпущенными кишками, и ты тоже...

В те часы Спартак, должно быть, начинал понимать, что ему следует делать; вернее сказать, то понимание, которое давно уже было в нем, стало сгущаться и превращаться в действительность. Действительность всегда казалась ему началом — началом чего-то другого, смутного и еще не рожденного, и очертания этого будущего терялись в бесконечности. Теперь действительностью были они — эти люди вокруг него — и все то, что должно было теперь произойти. Он неотрывно глядел на огромное тело негра, на его голову, поникшую на широкой груди...

«Какое неуважение к жизни у этих римлян! — думал Спартак.— Как легко они убивают, в какое похотливое развлечение превратили они смерть! Но может ли быть иначе? — спрашивал он себя.— Все, чем они живут, они создали на костях и крови рабов, подобных ему, Спартаку. Распинать на кресте — это у них самое любимое удовольствие. Говорят, уже и в Карфагене признают только такую казнь достойной раба. Куда ни дотянется рука Рима, всюду распятия,— это становится какой-то страстью...»

На площадку вышел Батиат. Спартак, едва шевеля губами, прошептал Криксу, стоявшему рядом с ним:

— А как умрешь ты, галл?

— Как придется, фракиец.

— Он был мне друг,— продолжал Спартак, указывая глазами на африканца.— Он любил меня.

— Это — твое несчастье.

Батиат разглядывал длинные шеренги гладиаторов. Солдаты сгрудились за его спиной.

— Я кормлю вас,— начал ланиста.— Я даю вам лучшую еду: мясо, и птицу, и свежую рыбу. Я даю вам есть столько, что у вас лопаются животы. Я купаю вас и делаю вам натирания. Я многих из вас вытащил из рудников и с галер, и здесь вы живете в праздности среди тучных пастбищ. Нет на свете ничего ниже того, чем вы были; теперь вы живете и едите, что вам приглянется...

— Ты друг мне? — продолжал шептать галлу Спартак.

И галл ответил, не разжимая губ:

— Гладиатор, не имей друзей среди гладиаторов.

— А я буду звать тебя другом,— тихо промолвил Спартак.

Батиат продолжал, распаляясь все больше:

— В черном сердце этой черной собаки не было ни благодарности, ни понимания. Я спрашиваю: много ли здесь таких, как он?

Гладиаторы молчали.

— Дайте мне еще одного чернокожего! — закричал Батиат тренерам, и они бросились туда, где стояли африканцы, и вытащили одного на середину площадки. Все было условлено заранее. Уже трещали барабаны. Негр отчаянно отбивался, солдаты один за другим втыкали в него копья. Он был мертв, скрещенные древки копий нелепо поддерживали его тело на весу.

Батиат повернулся к начальнику легионеров:

— Теперь будет порядок. Собаки не будут больше лаять...

— Я всегда буду тебе другом,— шепнул Ганник Спартаку.

Крикс не сказал ничего, только дышал тяжело и хрипло.

И тут, как обычно, начались утренние упражнения.

Сила Спартака была в том, что он никогда не замыкался в себе и постоянно искал общения с людьми.

Клетка, где спал галл Крикс, примыкала к клетке Спартака. Крикс был выкуплен Батиатом с галеры. Это обошлось ланисте недорого: рабы на галерах считаются неисправимыми. На галеру же Крикс попал в числе немногих,

[1] Вариния — молодая рабыня-германка, отданная Батиатом в жены Спартаку.

оставшихся в живых после подавления последнего бунта рабов в Сицилии.

Часто по вечерам, растянувшись у порога клетки и прислонив голову к двери, Спартак слушал рассказы Крикса о бесконечных восстаниях сицилийских рабов, начавшихся еще в прошлом столетии. Спартак был раб и потомок рабов; и вот он слышит, что среди людей, подобных ему, нашлись герои, не менее славные, чем Ахилл, Гектор и хитроумный Одиссей, даже более славные. Правда, о них не осталось сказаний и песен, и их не превратили в богов, которым поклоняются люди. Но это, может быть, и к лучшему: боги — это все равно что богатые римляне, их мало заботит судьба рабов.

Те, о которых поведал ему Крикс, были простые, смертные люди, даже много меньше, чем люди: они были рабы, нагие невольники. Цена им на рынке была меньше, чем цена мула. Их впрягались, как скот, в плуги на безбрежных полях латифундий. Но что за люди это были! Эвн, когда-то освободивший всех рабов на сицилийском острове и разбивший три римские армии; грек Атенион, фракиец Сальвий, германец Ундарт и тот таинственный иудей, Бен Иоаш, который бежал с толпой рабов на судне из Карфагена и присоединился к Атениону...

Слушая рассказы галла, Спартак чувствовал, как наполняется его сердце гордостью, как все крепче нити большого и чистого братства связывают его с давно умершими героями. Его душа рвалась к ним, он знал их, он сам жил тем, о чем они мечтали и чего искали в грядущем. Раса, город, страна — это не имело значения, они восставали за счастье всех людей. Но сколь ни велика была слава этих восстаний, все они кончались поражением. Неизменно римляне пригвождали тысячи восставших к кресту, новые страшные плоды повисали на новых деревьях, чтобы всякий мог видеть, какое возмездие ждет раба, не пожелавшего быть рабом.

— Всегда, всегда кончалось этим,— говорил Крикс.

Чем дольше жил Крикс среди гладиаторов, тем все неохотнее рассказывал он о прошлом. Ни прошлое, ни будущее не поможет гладиатору. Ему теперь все равно. Крикс воздвиг вокруг себя стену безразличия, и только Спартак пытался пробить эту горестную броню, в которую заковал себя огромный галл. Но однажды Крикс сказал ему:

— У тебя слишком много друзей, Спартак. Трудно убивать друга. Оставь меня.

...В то утро после упражнений гладиаторы собрались на площадке и медлили идти на утренний завтрак. Разгоряченные и потные, они небольшими группами стояли или сидели на земле, и мысли их словно сковывались двумя чернокожими, висевшими на заборе. Гладиаторы подавленно молчали. Они чувствовали: это — только начало. Батиат не уймется, он будет охотиться за новыми, которых можно поднять на крест. Плохие времена!

Солдаты меж тем ушли за ворота и расположились на завтрак под купой деревьев, у ручья, огибавшего гладиаторскую школу. Сквозь железную решетку двора Спартак ясно видел их. Они лежали на траве, растянувшись, сбросив шлемы и отставив тяжелые копья. Он смотрел и смотрел на них, не отрывая глаз.

— О чем ты думаешь? — подошел к нему Ганник. Они вместе долгое время были рабами, вместе погибали в рудниках Нубии, вместе играли еще детьми.

— Не знаю,— медленно произнес Спартак.

Крикс был мрачен. Злоба слишком долго копилась в нем. И он спросил тоже:

— Что ты думаешь, Спартак?

— Еще не знаю.

— Ты знаешь все, тебя твои фракийцы зовут отцом.

— Знаешь ли ты, кого ненавидеть, Крикс?

Галл словно не слышал вопроса.

— А черный человек — он тоже называл тебя отцом, Спартак? Почему ты не дрался с ним, скажи? Будешь ты драться со мной, когда придет наш черед, Спартак?

— Я никогда не буду больше драться с гладиаторами,— ответил Спартак спокойно.— Теперь я знаю это. Еще минуту назад я не знал. Теперь знаю.

Несколько гладиаторов услышали его слова. Они придвинулись к нему поближе. Спартак уже не глядел на солдат, он всматривался в гладиаторов, переводя взор с одного на другого. Вокруг него стояло десять — двенадцать человек, но он все еще не говорил им ничего. Их угрюмые лица светлели, и какое-то вопрошающее нетерпение загоралось у них в глазах. А он все пристальнее вглядывался в эти глаза.

— Что нам надо делать, отец? — не выдержал Ганник.

— Мы будем знать, что делать, когда придет время. Теперь расходитесь...

Словно столетия неслись над головой фракийского раба. То, чего не случилось за тысячу лет, должно произойти в немногие ближайшие часы.

Еще все они в эту минуту были рабами, даже отбросами рабства, мясниками среди рабов.

Гладиаторы колоннами шли через ворота, чтобы, как обычно, сесть за утреннюю еду.

На пути им встретился Батиат. Он сидел в носилках, которые несли восемь рабов. Ланиста отправлялся в Капую на рынок за провизией. Носилки плыли мимо рядов гладиаторов, и Батиат отметил про себя, как спокойно, в привычном порядке шагали люди. Он подумал: «Пришлось пожертвовать африканцем — чистый убыток, но он окупится сполна...»

Что произошло в большом зале, где собрались на завтрак гладиаторы, в точности не знает никто. Ибо не было тогда историков, которые согласились бы стать летописцами восстаний рабов — последние не считались предметом, достойным истории. А если то, что совершали рабы, становилось частью истории, то историю писали все-таки те, кто владел рабами, боялся рабов и ненавидел их.

Вариния, работавшая на кухне, видела все собственными глазами. Много лет спустя она поведала об этом другим. И если мощное звучание этих событий и замерло со временем, превратившись в тихий шелест молвы, память о них не исчезла...

(Продолжение следует)

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

«Имени Григория Кунавина»

Под таким заголовком была опубликована в 19-м номере «Огонька» корреспонденция из Польши. В ней рассказывалось о том, как свято чтут в польской деревне Герасимовичи память советского воина Героя Советского Союза Григория Кунавина, погибшего в бою за освобождение этого села.

Из Каменск-Уральского, откуда родом Григорий Кунавин, нам сообщают:

— К первомайскому празднику в городском краеведческом музее открылся новый отдел, посвященный Г. П. Кунавину. Много интересных материалов подарили музею учащиеся средней школы № 3. Они собрали фронтовые письма героя, завязали переписку со школьниками польской деревни Герасимовичи, побывали у родителей Кунавина, живущих на улице его имени в уральском городе Богдановиче. Улица имени Г. Кунавина есть и в Каменск-Уральском. Эта улица, как и сам город, непрерывно растет. Десятки семей железнодорожников вселяются в новые дома, построенные ими на свои средства с помощью государства. В одном из них живет жена Григория Кунавина — Екатерина Андреевна.

Недавно школьники Каменск-Уральского получили письмо из Сталинграда от студентов педагогического техникума.

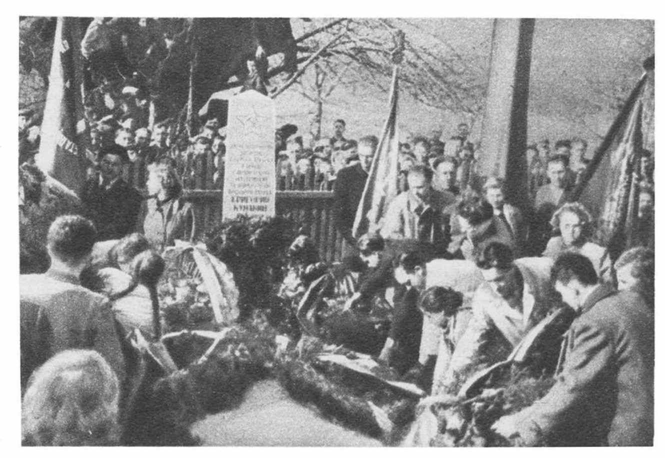
«Очень просим вас, — пишут они, — сообщить нам подробнее о жизни и подвиге товарища Кунавина. Мы, сталинградцы, восхищаемся вашим земляком, отдавшим жизнь за Родину. Так могут поступать настоящие советские люди, для которых Родина дороже жизни».

Редакция получила от земляков героя его фотографию.

Из деревни Герасимовичи нам прислали снимок, сделанный там в день торжественного открытия памятника на могиле Г. П. Кунавина. Мы публикуем эти снимки.

Г. П. Кунавин.

Возложение венков на могилу Григория Кунавина.

Трилогия о Дальнем Востоке

В истории русского «землепроходства» — славной истории великих географических открытий — народная инициатива сыграла громадную роль. Простые русские «промышленные люди» и казаки — Ермак, Атласов, Стадухин, Дежнев, купец Шелехов, мещанин Санников — проложили дорогу ученым экспедициям Беринга, Лаптевых, Кука и Лаперуза. Семен Дежнев за 80 лет до Великой Северной экспедиции прошел через так называемый Берингов пролив. Самоучки-географы, вроде устюжан Бахова и Шалаурова, чертили первые карты северо-восточных берегов Ледовитого океана и даже производили магнитные наблюдения. Русские первооткрыватели Поярков и Хабаров по своему личному почину и без всякой поддержки правительства преодолели глухие сибирские лесные дебри и до самых устьев разведали реку Амур.

Вслед за ними на вольные амурские земли двинулись ушедшие с сибирской каторги люди и беглые крепостные; они бесстрашно и неутомимо странствовали по дремучей тайге и нехоженым берегам рек.

Всюду, где появлялись эти русские люди, строились укрепления, деревни и слободы, распространялось земледелие. В то же время пришельцы отыскивали железные, золотые и серебряные руды и составляли чертежи новооткрытых «землиц».

Народ, подлинный герой истории, совершал свой ратный и трудовой подвиг с полным сознанием государственной необходимости закрепления и освоения новых земель. При этом деятельный и отважный русский человек открывал новые пути и земли своими силами, не только не опираясь на какую-либо помощь правительства, но часто даже нарушая его запрет.

Точно так же действовал и Г. И. Невельской, один из наиболее прогрессивных ученых русских мореплавателей, едва не разжалованный в матросы за то, что покончил с басней о непроходимости для судов Амурского устья и поднял над Приамурьем русский флаг.

Открытие Невельским двух фарватеров Амура коренным образом отразилось на судьбе русского Дальнего Востока и Сибири, получивших естественный речной выход в Тихий океан. Это открытие было тем более своевременным, что англичане и американцы уже подбирались к Приморью и Приамурью, где еще в первой половине XVII века были пашни, распаханные русскими людьми.

Взгляды Невельского на значение Амура и тихоокеанского побережья для России разделялись лучшими ее умами. «...**Тихий океан — Средиземное море будущего**,— писал А. И. Герцен.— В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна».

Истории освоения русскими людьми Дальнего Востока посвящены романы лауреата Сталинской премии Николая Задорнова «Амур-батюшка», «Далекий край» и «К океану». Простой русский человек выступает в этой трилогии как старший; мудрый брат и наставник коренного туземного населения, как его благородный защитник от иностранных грабителей.

В романе «Далекий край» есть такой эпизод: гольд Чумбока получает от русского кустаря-оружейника Маркешки Хабарова отличное ружье. Родичи гольда, возбужденные шаманом, отнимают это ружье и бросают его в волны Мангму (Амура). Затем Чумбока видит во сне своего покойного отца, рассказывающего сказку, многозначительность которой трудно переоценить: «— Твое ружье утопили в воде,— говорил старик,— на дне Мангму русское ружье лежит. Ружье твое, когда утонуло, стало расти. Оно выросло величиною во весь Мангму». Русское ружье, выросшее до размеров реки Амура,— что это, как не сказочный образ, символизирующий военную мощь России, которая сможет защитить от любых посягательств весь необозримый дальневосточный край?..

В этом же романе спаситель Чумбоки китаец-батрак Тун получает помощь от русского батрака Фомки. «Все, что приходилось слышать Туну про русских от своих богачей и чиновников, оказалось неправдой. «Какие негодяи и лжецы эти маньчжурские торгаши и начальники!» — думал Тун».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь пророческие слова Д. И. Менделеева: «Тихий океан — будущая арена политической жизни. Дружить следует с Китаем; китайцы народ миролюбивый и трудолюбивый, с многотысячелетней культурой».

В книгах Н. Задорнова очень сильна этнографическая струя. Радует свежесть наблюдений автора и то, что люди изображены с большой впечатляющей силой. Живое ощущение величественной амурской природы передано автором чистым, прозрачным языком: «Тяжелые ветви висят над водой. Ясени, толстые, как башни, ильмы, осины, нежные изгибы синих черемух, высокие душные травы, красные и желтые саранки на длинных стеблях, чуть позелененные ветви лиственниц, подмытые умирающие деревья, как печальные зеленые знамена, склонились к прозрачным ручьям...»

Богатырская борьба русских новоселов с этой девственной природой изображена в романе «Амур-батюшка», одним из главных героев которого является Егор Кузнецов. «Могучий, плечистый, сухой от труда и забот», он говорит старожилу Ивану Бердышеву: «— Даст бог, Иван Карпыч, и тут леса порубим, земли запашем, тоже Россею сделаем — поглядишь тогда...»

И он прав, ибо «там, где ступил Егор на землю,— земля родила». Эта тема русского жизнеутверждающего начала пронизывает весь роман.

Г. ШТОРМ

Николай Задорнов, Амур-батюшка. Далекий край. К океану. Романы.

Книги о фотографии

Д. Бунимович известен как автор ряда книг по фотографии. Новая его книга, выпущенная Детгизом, написана специально для школьников. Это определило ее содержание и характер изложения. Автор сумел ясным и простым языком, в занимательной форме дать начинающему фотолюбителю основные сведения по фотографии, кратко рассказать об ее истории и об успехах первых русских фотографов.

На 189 страницах юный читатель найдет все необходимое, чтобы научиться пользоваться фотоаппаратом, овладеть техникой съемки, негативным и позитивным процессами и получить элементарные представления о композиции снимка. Книга поможет пионеру и школьнику применить свои фотографические познания в школе, в пионерском лагере, в кружке юных натуралистов или в туристском походе.

«Книгу юного фотолюбителя» с интересом прочтут и школьники, считающие себя уже опытными фотографами; им она тоже может дать много новых и полезных сведений.

* * *

Недавно на Всесоюзной художественной выставке 1951 года с успехом демонстрировались произведения советской художественной фотографии. В печати справедливо указывалось на необходимость дальнейшего творческого роста этого молодого искусства, оперативно и документально отображающего жизнь Советской страны.

В книге С. Морозова «Первые русские фотографы-художники», выпущенной Госкиноиздатом, впервые собраны материалы, освещающие совершенно незнакомую широкому кругу читателей историю русской художественной фотографии.

Советские исследователи немало и плодотворно потрудились, разоблачая легенду о вековечной отсталости русской творческой мысли. Тем же путем идет и С. Морозов, воскрешая несправедливо забытые имена пионеров отечественного фотоискусства, создателей его техники и творческих приемов.

Наблюдая за современной фотосъемкой, продолжающейся сотые доли секунды, трудно даже представить себе, как происходила съемка на заре фотографии. Лицо снимающегося выбеливали мелом, и волосы посыпали пудрой (для увеличения количества отраженного света). Самая фотосъемка продолжалась 20—30 минут на ярком солнце. Для того чтобы человек не шевелился, голову его фотограф закреплял специальными держателями.

Весной 1840 года московский любитель «светописи» Алексей Греков, опережая западноевропейских изобретателей, вносит коренные изменения в мучительный процесс фотографирования. Ему удалось сократить время съемки до 2—3 минут и заменить дорогую серебряную пластинку латунной, а впоследствии и бумажным листом. Путь для практического использования фотографии был открыт. Наряду с быстрым проникновением ее в различные области науки начинает формироваться и русское фотоискусство.

Основная часть книги С. Морозова, богатая документальным материалом, посвящена успехам и характеристике творчества русских фотохудожников.

Читатель познакомится с выдающимся фотографом С. Л. Левицким. Сделанные им снимки Кавказа были удостоены в Париже в 1843 году первой в истории фотографии медали. В выразительных портретных работах Левицкого запечатлены виднейшие деятели русского искусства и литературы того времени — Гоголь, Глинка, Щедрин, Тургенев, Островский и другие.

Фотография как искусство настойчиво заявляла о своих правах, и уже в те годы в художественных кругах велись споры о будущем этого молодого искусства. Знаменитый критик, страстный поборник идеи приближения искусства к народу В. Стасов первые свои значительные статьи посвящает именно проблемам развития фотоискусства. «...Все сделанное до сих пор фотографией может считаться ПРОЛОГОМ, ВСТУПЛЕНИЕМ к настоящей ее истории...»,—писал Стасов.

Деятельность фотохудожников семидесятых годов прошлого столетия В. Каррика, А. Карелина, М. Дмитриева и многих других положила начало жанровой, публицистической фотографии. Даже немногие приведенные в книге фотоиллюстрации убеждают в том, что на очереди серьезная задача — собрать воедино богатое наследие первых русских фотографов-художников. Оно важно нам не только как художественно-документальное отображение эпохи, проникнутое присущим русскому искусству реализмом, высокой жизненной правдой. Оно необходимо также и деятелям советского фотоискусства как материал, достойный самого серьезного изучения.

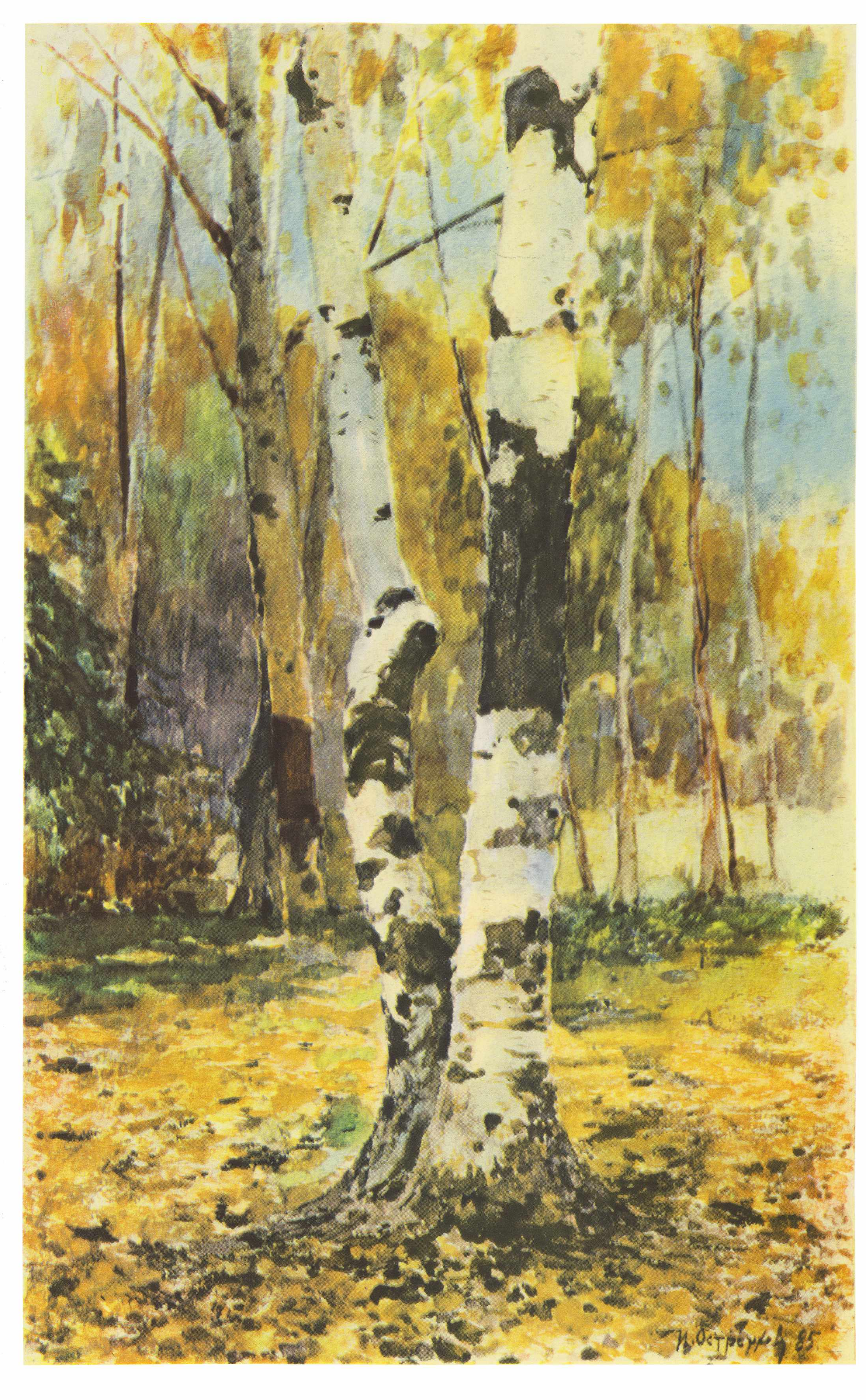
Изучение истории русской художественной фотографии, дающей примеры высокой требовательности к своему творчеству, страстного стремления к яркому и правдивому отображению жизни, несомненно, внесет значительную долю в дальнейший творческий рост советского фотоискусства.

И. С. Остроухов
(1858—1929).

БЕРЕЗЫ. ОСЕНЬ.

Абрамцево. 1885 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

И. С. Остроухов, один из талантливейших русских пейзажистов, стал художником неожиданно для самого себя. Его детские и юношеские увлечения говорили о том, что он будет естествоиспытателем. Четырнадцатилетним мальчиком И. С. Остроухов уже печатался в журналах по природоведению, несколько переизданий выдержали его оригинальные сочинения о жуках, бабочках и птицах средней полосы России.

В 1880 году, впервые в жизни, Остроухов скопировал понравившуюся ему пейзажную картину. С этого момента живопись безраздельно захватила его. Летом того же года он пишет сотни этюдов, о которых с восторгом отзывается Репин. В 1882 году Остроухов по совету Репина едет учиться в Петербург. П. П. Чистяков — всеобщий учитель русских художников, как называл его Стасов,— становится руководителем молодого живописца. К первым годам творчества талантливого пейзажиста относится воспроизводимая нами акварель — характерный остроуховский этюд с натуры, очень тонко и артистично передающий колорит и настроение увядающей осенней природы. Другой рисунок, принадлежащий кисти Сурикова, изображает Остроухова в тот же период на этюдах.

Лучшие произведения Остроухова — «Весна», «Золотая осень», «Сиверко» — были написаны позже, на рубеже восьмидесятых — девяностых годов прошлого столетия.

В. И. Суриков (1848—1916). ХУДОЖНИК И. С. ОСТРОУХОВ ЗА РАБОТОЙ. 1884 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

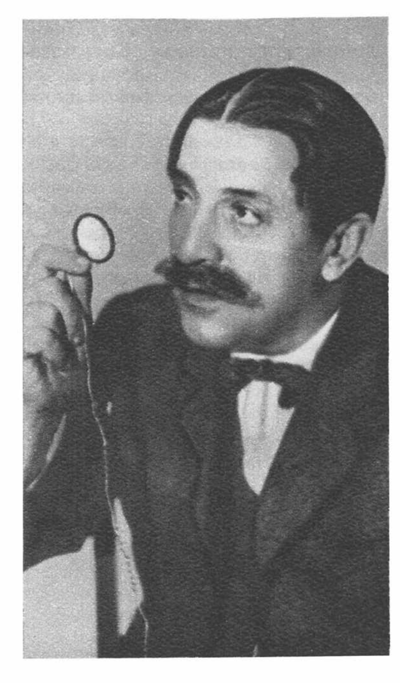
Зрелое мастерство

Х. ХЕРСОНСКИЙ

Пьесы Горького привлекают театры огромным богатством жизненных наблюдений писателя: в них столько мысли и чувства, столько глубочайшей правды о людях, что играть в этих пьесах — особенная радость для актера. Вместе с тем это превосходная школа, школа реалистического, чудесного, содержательного искусства.

Вот почему появление пьес Горького в репертуаре профессиональных театров, а также в растущей с каждым годом театральной самодеятельности надо приветствовать как признак художественного роста.

Софья (Н. Маркизова) и Хеверн (М. Чикул) — «Зыковы» М. Горького в постановке клуба фабрики «Красные текстильщики».

В истекшем году в Москве два драматических коллектива — клубов Главсевморпути и завода автотракторного оборудования — исполняли «Егора Булычова». Студенты Московского инженерно-строительного института поставили пьесу «Варвары». В Доме культуры промкооперации, в клубе Мосрыбкомбината и у пищевиков (чей Дом культуры носит имя Горького) шла «Васса Железнова». Пьесу «Последние» поставили драматические коллективы завода «Калибр» и 2-го медицинского института. Постановку «Мещан» осуществили студенты Института механизации и электрификации сельского хозяйства и драмколлектив Дома культуры имени В. Чкалова.

Просмотр этих спектаклей показал, что участники самодеятельности играют пьесы Горького, отнюдь не копируя известные спектакли профессионального театра, а опираясь на свой собственный, подчас немалый жизненный опыт.

Искусство Горького родилось из страстной ненависти к угнетению человека человеком, из неисчерпаемой веры в силы трудящихся, в победоносное их стремление к лучшему. А. М. Горький писал: «Уменье находить, сравнивать, изучать полезное и вредное, красивое и уродливое вне себя и в самом себе,— вот основная сила человека... и она победит все, что мешает росту человека. Победит».

Когда участники спектаклей художественной самодеятельности серьезно и вдумчиво стремятся раскрыть это драгоценное существо пьес Горького, их спектакли превращаются в настоящий праздник. Мы рассказываем здесь о некоторых из исполнителей горьковских образов.

* * *

Совсем недавно мы видели очень тонкое запоминающееся исполнение слесарем Николаем Чековым роли Перчихина в спектакле «Мещане», поставленном в Доме культуры имени В. Чкалова.

Перчихина чаще всего рисуют неудачником, простодушным любителем природы, человеком, одинаково добрым ко всему живому. Исполнители стремятся расположить к нему зрителей, вызвать жалость и сочувствие. Н. Чеков сделал другое. Раскрывая обаяние этой чистой, детской души, доброту и искренность Перчихина, артист последовательно, от сцены к сцене, раскрывает беспомощность и бесплодность его наивно-созерцательного восприятия жизни. Благодаря такому продуманному исполнению Н. Чекова другой, по-настоящему значительный образ, рабочего-революционера Нила, которого отлично играл в том же спектакле Сергей Мурашев, был обрисован рельефнее и глубже. Исполнители сумели донести со сцены идею пьесы Горького, его мысли о неизбежной победе революционного мировоззрения над всяким иным истолкованием жизни мещанами.

В этом спектакле, поставленном А. Кашкиным, было немало других актерских и режиссерских находок и удач. Но образ, созданный Н. Чековым, особенно запомнился. Нельзя забыть внешний рисунок, найденный исполнителем для своего героя. Перчихин, с его добрыми, задумчивыми, лучистыми глазами и большим стариковским носом, часто и беспомощно взмахивает легкими, сухими руками, всем своим обликом напоминая подстреленного журавля, который как будто пытается и не может уже взлететь над болотом.

Недавно москвичи смотрели спектакль «Зыковы» в клубе фабрики «Красные текстильщики» (режиссер — В. Линдберг). И здесь удача также была результатом вдумчивого прочтения пьесы Горького.

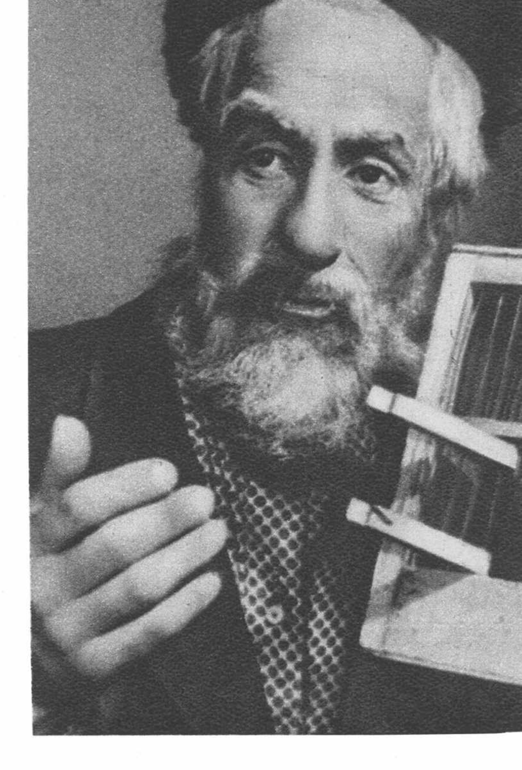
Особенный интерес вызвало выступление Н. Маркизовой в роли Софьи Зыковой. Рисуя незаурядный, сильный характер Софьи, артистка подметила и выделила главное в замысле Горького. Лесопромышленники-стяжатели Зыковы, пока они остаются самими собой, не сумеют найти правду жизни, о которой умная Софья говорит: «Правду не выдумаешь, ее надо выработать. Работать нужно, Паша, а не искать. Ничего не найдешь,— ничего не потеряно...»

Участники спектакля верно почувствовали внутреннюю тему пьесы. В том, что творится в доме Зыковых, в мрачном, безнадежном тоне их жизни — предчувствие победы иных людей России. О них, этих людях, Софья говорит: «Нет, живет и растет другая... Есть другая Русь...»

Точно и тонко вылепил М. Чикул облик самовлюбленного компаньона Зыковых, «аккуратного» хищника-коммерсанта Хеверна, из тех, что во множестве присасывались к богатствам России.

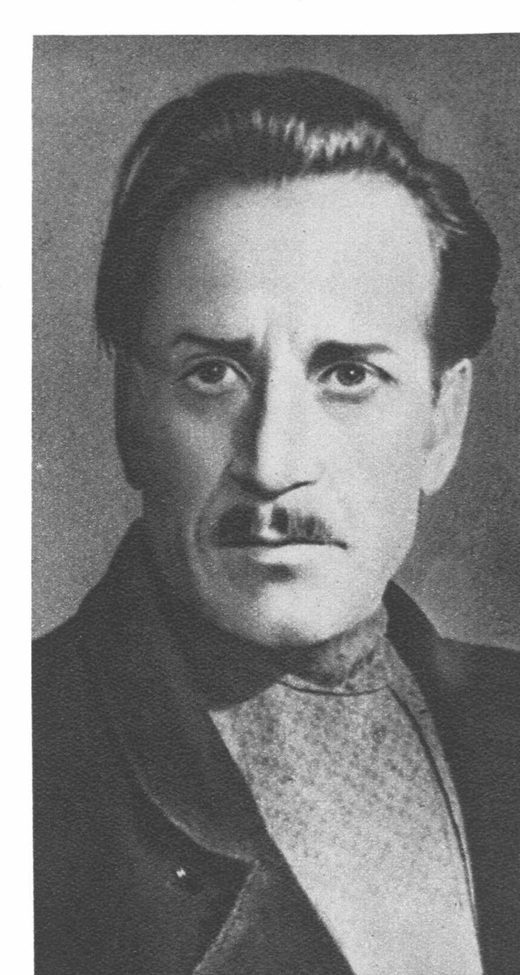
Замечательные диалоги пьесы исполнители проводят с темпераментом, с той подлинной заинтересованностью, без которых нельзя играть пьесы Горького.

Пусть еще не все в клубных спектаклях на одинаковой художественной высоте. Но в них ярко раскрывается талантливость людей разных профессий, с увлечением отдающих свой досуг искусству.

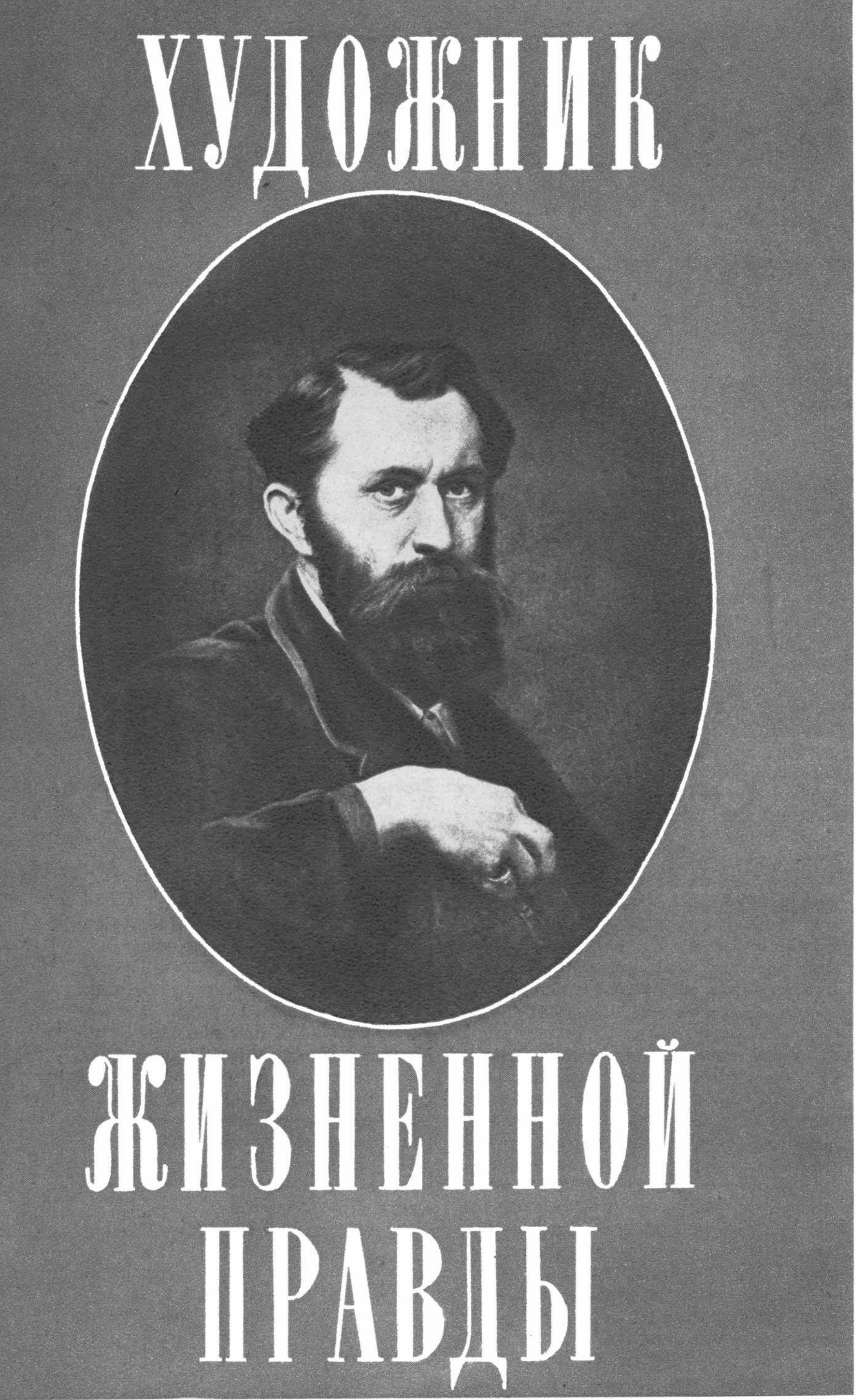

Перчихин (Н. Чеков) — «Мещане» М. Горького в постановке Дома культуры имени В. Чкалова.

Нил (С. Мурашев) — «Мещане» М. Горького в Доме культуры имени В. Чкалова.

ХУДОЖНИК ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

В иллюстрированном журнале «Пчела» в 1875 году был напечатан рассказ художника. В поисках натурщика для только что задуманной картины вышел однажды художник к Тверской заставе. Ему повстречалась крестьянка с мальчиком. Мальчик был именно тот, который устраивал живописца. И вот уже мальчик позирует в мастерской, а мать сидит рядом.

Прошло пять лет. В мастерскую пришла мать юного натурщика. Она схоронила сына и, проработав зиму, скопила деньжонок с тем, чтобы купить картину, где был изображен ее сын. Картина к тому времени висела в галерее Третьякова. Когда художник повел осиротевшую мать в залу галереи, он волновался: узнает ли мать среди массы картин своего сына? Вот где проверка художника! Мать узнала сразу, всплеснула руками: «Батюшка ты мой, родный ты мой!..» Художник написал для крестьянки портрет сына, и та у себя в избе повесила к образам эту память о мальчике.

Картина, про которую в рассказе шла речь, — всем известная «Тройка», а художник, написавший рассказ, основанный на подлинном факте, — Василий Григорьевич Перов. Всю свою жизнь художник доискивался правды, был беспощаден ко лжи и наполнен любовью к простым обездоленным людям.

Законно сравнение Перова с Некрасовым, великим певцом народной скорби. Гражданственность живописи Перова не требует доказательства. Всю жизнь Перов, блестящий живописец, один из основателей Товарищества передвижных выставок, отличный педагог, сеял разумное, доброе, вечное.

Из всего, что писалось и говорилось о Перове, самые лучшие строки принадлежат ученику его, Михаилу Васильевичу Нестерову. Со страниц его книги «Давние дни» встает живой, могучий образ человека, который упрямо ворочал кистью, не угождая и не льстя никому, думая только о Правде с заглавной буквы.

И все же один из слышанных мною от отца рассказов я приведу.

Однажды молодой художник принес свою картинку Перову. На ней был изображен бедняк-крестьянин. Изможденный, замученный жизнью человек пришел подать прошение, потому что ему нестерпимо худо. Крестьянин в поддевке, в латаных штанах, и вдруг сапоги, хорошие, ваксой мазанные сапоги. Перов посмотрел картинку, нахмурился, взял кисть, и, прежде нежели молодой живописец опомнился, замазал сапоги и быстро пририсовал босые ноги, прибавив при этом:

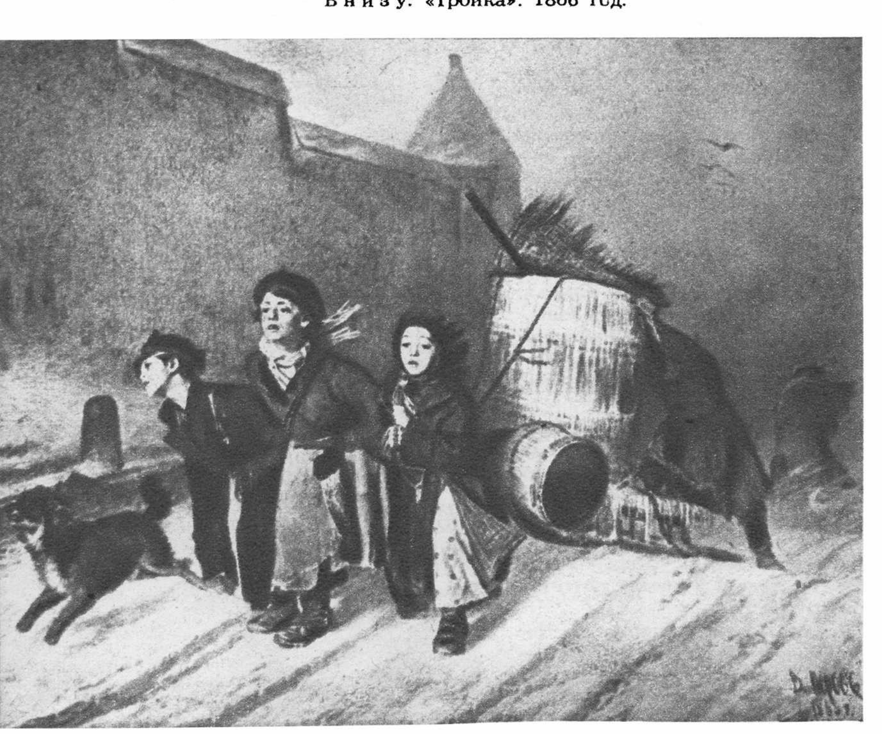
— Так-то, батенька мой, не лгите-с! Не лгите-с!

Василий Григорьевич Перов родился в 1834 году в городе Тобольске. Первое художественное образование получил в Арзамасской художественной школе, а затем продолжал учебу в Московском училище живописи и ваяния. Жил Перов крайне бедно, учиться было не на что, и однажды он твердо решил бросить училище, уехать в провинцию. Спасло Перова предложение преподавателя Е. В. Васильева поселиться у него в доме.

В 1857 году Перов написал свою первую большую картину, «Приезд станового на следствие». Эта картина, считавшаяся утерянной, недавно стараниями научных работников Третьяковской галереи разыскана. Сюжет картины весьма характерен для творчества Перова: староста держит связанного «преступника» — это молодой крестьянский парень. Становой готовится подкрепиться — старшина вносит графин с водкой, письмоводитель перебирает какие-то бумаги. Никому нет дела до несчастного крестьянина — провинился

Вверху: автопортрет художника В. Г. Перова. 1870 год.

Внизу: «Тройка». 1866 год.

«Старики-родители на могиле сына». 1874 год.

он или попросту не потрафил старосте. У порога готовят розги: приговор предрешен заранее.

Так с первого полотна Перов заявил о своем желании не только писать, но и обличать. Когда в 1862 году П. М. Третьяков приобрел картину Перова «Сельский крестный ход на пасхе», один петербургский живописец писал ему:

«...слухи носятся, что будто бы вам от св. синода скоро сделают запрос, на каком основании вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете публично... Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий».

Этот холст, где пьян священник, а дьякон упал и не в силах подняться, где подгулявшие мужички лихо размахивают хоругвями, был запрещен к показу вплоть до 1905 года. Появление картины горячо приветствовал Стасов, демократическая печать высмеивала ее запрет, а молодые художники ловили возможность снова и снова смотреть перовскую вещь.

Если говорить о живописи, отвечавшей требованиям Чернышевского и Добролюбова к искусству, то это прежде всего работы Перова. К середине шестидесятых годов он окончательно утвердился как первый художник новой, реалистической школы.

И если продолжить разговор о живописи, то мне, пейзажисту, в самый раз потолковать про то, как написан пейзажный фон в «Охотниках на привале» или в небольшой картинке «На могиле сына», навеянной тургеневским романом «Отцы и дети». Пейзаж здесь тоже тургеневский, описанный очень подробно, с любовью и знанием, мягкий и грустный. Кажется, пиши Перов специально пейзажи — и здесь создал бы он произведения, которые вошли бы в нашу жизнь рядом с его «Тройкой» или «Птицеловом».

Разговор о Перове был бы не полон, если пропустить его портреты. Портретная галерея его начинается с врача и писателя В. В. Бессонова — друга Перова. Изображен он опершимся на палку; лицо проникновенное, умное. Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, В. И. Даль — шедевры психологического портрета. Купец И. С. Камынин.

Вот что вспоминал о последнем Крамской:

«...не помню, какой фельетонист и в какой газете, говоря о портрете, выразился: «вот мол, он, знаменитый «Тит Титыч» Островского». Вследствие такого отзыва фельетониста, Перову были большие неприятности, да, кроме того, родственники уже и после смерти купца всегда отказывали в просьбе дать на выставку портрет...»

Перов не мог просто писать купца. Глянул поглубже, увидел Тита Титыча и увековечил его таким!

Умер Перов 70 лет назад — в 1882 году. Из Московского училища живописи, ваяния и зодчества гроб на руках несли через весь город к Даниловскому монастырю. На могиле говорили речи Куинджи и Григорович.

Перов, крупнейший русский жанрист, сыграл огромную роль в развитии русской школы живописи. Картины его и по сегодня не потеряли своей прелести. А для нас, живописцев, есть в них много такого, чему надо учиться и учиться.

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ВЕЧЕРОМ В РИГЕ

«Трембита» Ю. Милютина в Театре музыкальной комедии. Артистка Марина Зирдзиня в роли Василины.

Фото Б. Вдовенко и В. Лаврентьева

Еще не сгустились поздние, полетнему медлительные сумерки, а улицы уже по-вечернему оживлены. Тысячи рижан, закончив рабочий день, спешат к троллейбусным и трамвайным остановкам, толпятся возле касс кинотеатров, вокруг театральных витрин и афиш. В вечерних школах, в читальнях и лекториях сидят люди над книгами или конспектами. Из освещенных окон клубов доносятся звуки музыки: в клубе медработников собрался на спевку хор, у полиграфистов готовится к концерту танцевальный кружок.

Советское искусство воодушевлено животворными идеями дружбы народов. Наши самодеятельные хоры поют латышские, русские, украинские, чешские народные песни. Латышские плясуны исполняют русские, грузинские, польские танцы...

А в театрах! Горький и Островский, Райнис и Блауман, Шекспир и Лопе де Вега, Чайковский и Верди, Григулис и Броделе, Ромашов и Корнейчук... Разве перечислишь всех авторов, произведения которых входят в репертуары наших театров!

Театры республики широко отметили юбилей великого Гоголя. «Женитьба» в ТЮЗе, «Ревизор» в Русском и Академическом театрах, «Мертвые души» в Художественном театре идут с неизменным успехом. «Мертвые души» ставятся в Латвии впервые. Режиссеру — народной артистке Латвийской ССР Фелиците Эртнер — помогли своим опытом русские мастера, режиссеры МХАТа, народный артист СССР В. Топорков и Л. Еремеев.

В двух театрах Риги идет пьеса антифашистского американского писателя Говарда Фаста «30 сребреников» — о жизни современной Америки. В Театре юного зрителя режиссером П. Хомским поставлен спектакль «Дорога свободы», по одноименному роману Фаста. Мы видим, как стремление облегчить жизнь задавленных нуждой и бесправием крестьян, вера в торжество справедливости и добра объединяют черных и белых бедняков, поднимают их на борьбу.

Негр Гидеон Джексон (артист Р. Дамбран) и белый фермер Абнер Лейт (артист Ч. Михневич), смелый юноша Марк (артист С. Суханов), доктор Джеф, для которого врачебный долг выше жизни (артист А. Астров),— все они гибнут в этой борьбе.

Еще жива память о недавних суровых боях с немецко-фашистскими захватчиками. Поэтому так привлекает зрителей опера Д. Кабалевского «Семья Тараса», поставленная Театром оперы и балета Латвийской ССР. В этом спектакле заняты заслуженные артисты республики В. Крампе, А. Дашков, А. Вилюман и молодые певицы, недавно пришедшие из консерватории, А. Клинка, А. Симсоне.

Финал спектакля. Снова собралась вместе славная семья советских патриотов. Нет только рядом со старым Тарасом его любимой дочери, отдавшей жизнь в борьбе за любимую Родину.

В новой красе поднимаются разрушенные войной города, расцветают сады. Эту новую жизнь мы видим в Театре музыкальной ко-

«Дорога свободы» Говарда Фаста в Государственном театре юного зрителя. Сцена из IV акта. В центре (с ружьем в руках) — Гидеон Джексон (Р. Дамбран).

«Мертвые души» Н. В. Гоголя в Государственном Художественном театре Латвийской ССР. Чичиков — Г. Вездик. Собакевич — А. Микельсон.

медии, где идет оперетта Ю. Милютина «Трембита».

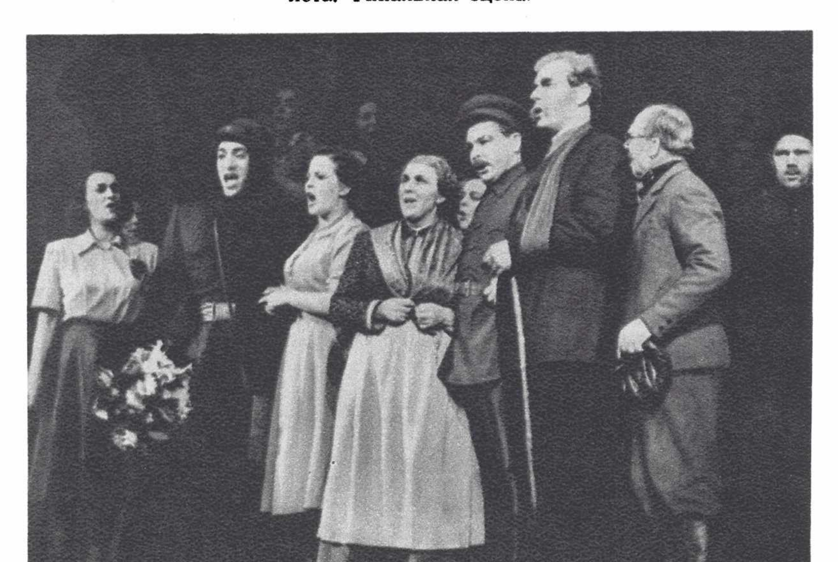
Василина и ее друзья сажают виноград по склонам высоких гор, где его прежде никогда не выращивали. У нас в Латвии снимают урожаи с недавно бесплодных, угрюмых болот. Поэтому латышскому зрителю близки Василина и ее друзья; ему понятен и рассказ о жизни колхозов — спектакль «Свадьба с приданым», поставленный режиссером Г. Рево в Русском драматическом театре; понятны интересы, которыми живут узбекские колхозники в пьесе Абдуллы Каххара «Шелковое сюзанэ» («На новой земле»). Эта лирическая, полная народного юмора пьеса поставлена в Художественном театре Латвийской ССР заслуженным артистом республики Э. Мачем. Здесь тоже говорится о борьбе за освоение новых земель, о новых взаимоотношениях между людьми, о новом отношении к труду. Герой пьесы — узбекская молодежь, такая же, как молодые латышские актрисы Расме Рога (она играет Хафизу) и Илге Муцениеце (в роли Салтанаты). Роднит их не только молодость, но и то, что одинаковые цели и стремления советских людей и на берегах Балтики и в Узбекистане...

М. КРУПНИКОВА

«Шелковое сюзанэ» («На новой земле») Абдуллы Каххара в Государственном Художественном театре. Дехканбай (Эдуард Павул), Мавлян (Рудольф Крейцум) и Хафиза (Расме Рога).

«Семья Тараса» Д. Кабалевского в Государственном театре оперы и балета. Финальная сцена.

АВТОР ЛЮБИМОГО ВАЛЬСА

Стоило промелькнуть в одной из газет короткому сообщению о 65-летии И. А. Шатрова, автора вальса «На сопках Маньчжурии», как в Тамбовское суворовское училище, где он дирижирует духовым оркестром, со всех концов страны стали приходить письма. Приходят они и сейчас.

Авторы этих писем интересуются историей создания нестареющего вальса, который звучит вот уже пятое десятилетие. История этого незаурядного музыкального памятника героическому прошлому русского народа действительно интересна.

Вначале вальс «На сопках Маньчжурии» исполнялся только оркестром Мокшанского полка. Затем его начали переписывать и разучивать в соседних частях. Музыка была не только красивой, но и всем близкой, понятной, а поэтому особенно легко запоминалась. Офицеры, отправляющиеся в отпуск, увозили мелодию в Россию. Когда год спустя Мокшанский полк был переброшен на Урал, оказалось, к удивлению Шатрова, что в Екатеринбурге (нынешнем Свердловске) очень многие вальс уже знают.

Гвардии капитан И. А. Шатров с тамбовскими суворовцами.
Фото А. Фирсова

Окончив в 1904 году Варшавскую консерваторию, девятнадцатилетний И. Шатров поступил капельмейстером в 214-й Мокшанский стрелковый полк. Началась русско-японская война, полк был переброшен на Дальний Восток и принял участие в сражениях под Мукденом.

Из-за бездарности и продажности высшего командования русские войска несли огромные потери. Но это не могло сломить стойкости рядовых солдат. Они показывали чудеса храбрости, проявляли беззаветную преданность Отечеству. Так было и в Мокшанском полку. Обескровленный, потерявший три четверти своего состава, полк продолжал упорно оборонять занимаемые позиции.

Горесть и гнев охватили русскую армию, когда оказалось, что война проиграна. Эти чувства разделял и молодой музыкант. Сколько напрасных жертв! Сколько могил на сопках! Шатрову захотелось написать музыку, в которой заговорила бы оскорбленная душа русского патриота.

Эта музыка вылилась в форме вальса. Печально, скорбно, почти траурно звучит он вначале. Могучим, широким взлетом мелодии, утверждающей бессмертие героев, наполненной уверенностью в торжестве справедливости, заканчивается это произведение. Сам же Шатров написал в 1906 году и слова к своему вальсу.

В конце 1907 года появилось первое издание нот «На сопках Маньчжурии». Вальс, завоевавший огромную популярность, переиздавался множество раз, стал подлинно народным и продолжает широко исполняться до сих пор.

Написав под влиянием событий «На сопках Маньчжурии», Илья Алексеевич недавно закончил новый вальс, который называется «Голубая ночь в Порт-Артуре». Текст к нему написал лейтенант А. Кузьмичев.

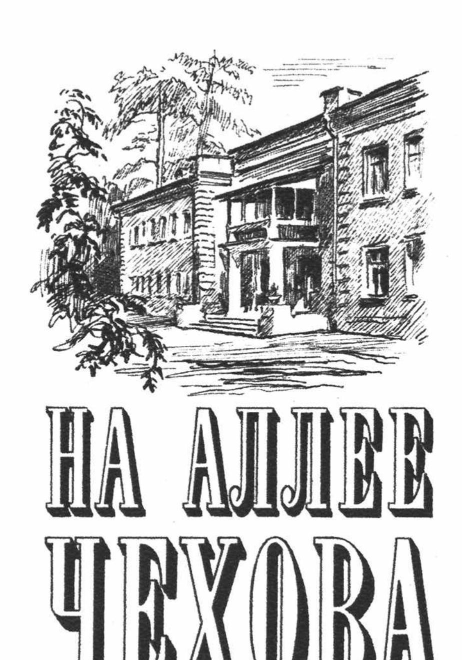
На рубеже нашей земли стоит в дозоре советский солдат. За его спиной вся Родина, весь народ. Вот мысли, которые старался вложить И. Шатров в свою новую музыку. Заканчивается текст вальса следующей строфой:

Желтое море
Спит в далеком просторе...
Над китайской землей —
молодая весна!
Славу России, эти сопки седые,
Навсегда сохранит в своем
сердце страна!

...Илья Алексеевич часто беседует с суворовцами, делится с будущими офицерами своими воспоминаниями о героическом прошлом русской армии. Все в училище хорошо знают и любят «дедушку Шатрова».

Евг. ВАСИЛЬЕВ

г. Тамбов.

НА АЛЛЕЕ ЧЕХОВА

Фото А. Бочинина

Зарядка.

Наташа Шпаковская закончила водные процедуры.

В распахнутые окна спален врывается утренняя прохлада. Воздух, напоенный ароматом соснового леса, чист и прозрачен. Дышится легко, свободно. В кроватках спят спокойным, беззаботным сном маленькие обитатели дома...

Часы пробили восемь. По сигналу подъема ребята просыпаются, с привычной быстротой натягивают трусики, надевают тапочки. И через пять минут под звонкие удары бубна уже маршируют во дворе, выстраиваются в колонны к утренней гимнастике — зарядке. После зарядки обтирание холодной водой.

Так начинается день в детском доме № 27, просторно разместившемся в добротном здании на аллее Чехова, в Покровском-Стрешневе (Москва).

День этот строго размерен. Все подчинено одной цели: воспитать детей крепкими, здоровыми. Большое место в распорядке дня поэтому занимает физкультура. Элементы ее искусно вплетены в занятия, игры, танцы...

Вот ребята, собравшись в зале детдома или во дворе, отправляются на воображаемую прогулку в лес. По команде воспитательницы они плавно приседают, собирая цветочки, так же плавно выпрямляются. Вот они изображают «мотор»: быстро вращаются детские ручки одна вокруг другой и мерно раздвигаются по сторонам; потом ребята работают «дровосеками»: руки поднимаются вверх над головой и, вытянувшись, опускаются вниз, чтобы снова взлететь. Слышится приглушенное «ух!».

В такой же незатейливой форме выполняются и другие приемы: полуприседание, вдох и выдох...

Питомцам старшей группы детдом старается привить также спортивные навыки. Они тренируются и в более сложных упражнениях: метают мяч в цель — раскрашенный диск, прыгают через невысоко протянутую веревочку, пролезают через ворота.

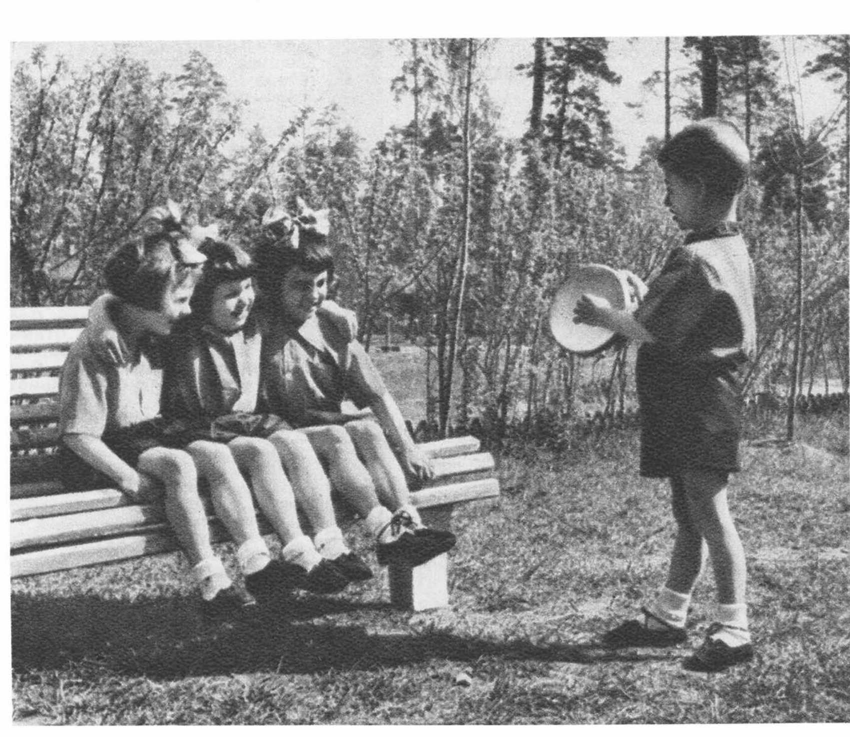
Серьезное внимание уделяется закалке детского организма: обязательны ежедневные обтирания комнатной водой, в любую погоду утренняя гимнастика для старшей группы проводится на открытом воздухе.

Нелегко воспитательнице овладеть вниманием малышей, приучить их четко, ритмично выполнять упражнения, стройно маршировать. Руководительница старшей группы А. П. Хорева может быть довольна успехами в физкультуре многих ребят. Особенно радуют выправка, гибкость и плавность движений ребят. Толя Крючков, Зоя Камашкина, Валя Чупрунова, Вова Аникушин, Витта Пащенкова очень любят спорт. В этом году они впервые сядут за парту в школе, где, надо ожидать, еще больше разовьют свои способности.

Питомцы дома № 27 — это дети погибших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, одиноких и больных матерей. Они нашли здесь вторую семью, любовь и ласку.

Игра в мяч началась.

Перед спортивными занятиями.

Физкультурник В. Сергеев выполняет упражнения на турнике.

Спортивный клуб

Тренер Владимир Леонов, сидевший у микрофона, объявил:

— Вольные движения. Выступает Лида Бабыкина.

Бабыкину проводили дружными аплодисментами. Большой круглый зал спортивного клуба общества «Крылья Советов», до отказа заполненный людьми, в этот вечер особенно щедро воздавал по заслугам выступавшим спортсменам. То и дело слышались возгласы одобрения и снова аплодисменты. Причину такой повышенной возбудимости зала не трудно было понять. Это был вечер показательных выступлений физкультурников, занимающихся в секциях клуба, и в зале сидели их же товарищи из секций, с заводов, из техникумов, любители спорта, да к тому же хорошо знавшие выступавших гимнастов, акробатов, боксеров, борцов, тяжелоатлетов...

Слесарь-сборщик Михаил Иванов, техник-конструктор Игорь Соколов, копировщица Галина Разумова, студентка техникума Тамара Коржова... Выверенный до секунд ритм, точная пластика движений, натренированная мускулатура, послушно выполняющая волю спортсмена... Упражнения со снарядами, акробатические прыжки... Это опыт учебы и тренировки, собранный по крупицам, это итог длительных, упорных занятий в превосходно оборудованных спортивных помещениях клуба под руководством опытных тренеров.

* * *

На Ленинградском шоссе привыкли к зданию под большим куполом с фигурами двух мускулистых атлетов у входа.

Это клуб спортивного общества «Крылья Советов». Дверь его беспрерывно хлопает. С чемоданчиками в руках в вестибюль входят физкультурники, сдают пальто на вешалку и исчезают за дверьми, на которых читаем таблички: «Зал бокса», «Зал штанги», «Зал борьбы», «Гимнастический зал».

Что же за этими дверьми?

Вот зал бокса. Несколько десятков человек под руководством тренера Бирюкова работают со снарядами. Глухо звучат удары перчаткой о грушу. В углу — ринг. За канатом — две пары. Здесь настолько поглощены своим делом, что посторонних не замечают. Вот мимо нас в характерной боксерской стойке проходит, преследуя невидимого противника, молодой боксер. Это слесарь Борис Кузнецов. Менее чем за год занятий в секции он настолько успешно овладел искусством бокса, что занял первое место в первенстве Москвы прошлого года по второму разряду.

Секция бокса — одна из наиболее многочисленных в клубе: в ней около 200 человек. Широко известны имена воспитанных в клубе боксеров — мастеров спорта Бориса Тишина, участника международных встреч Бориса Степанова, Виктора Лукьянова. Команда боксеров клуба — победитель первенства Москвы 1951 года, чемпион ВЦСПС. Месяцы, а подчас и годы тренировки в этой комнате предшествовали успеху боксеров на ринге.

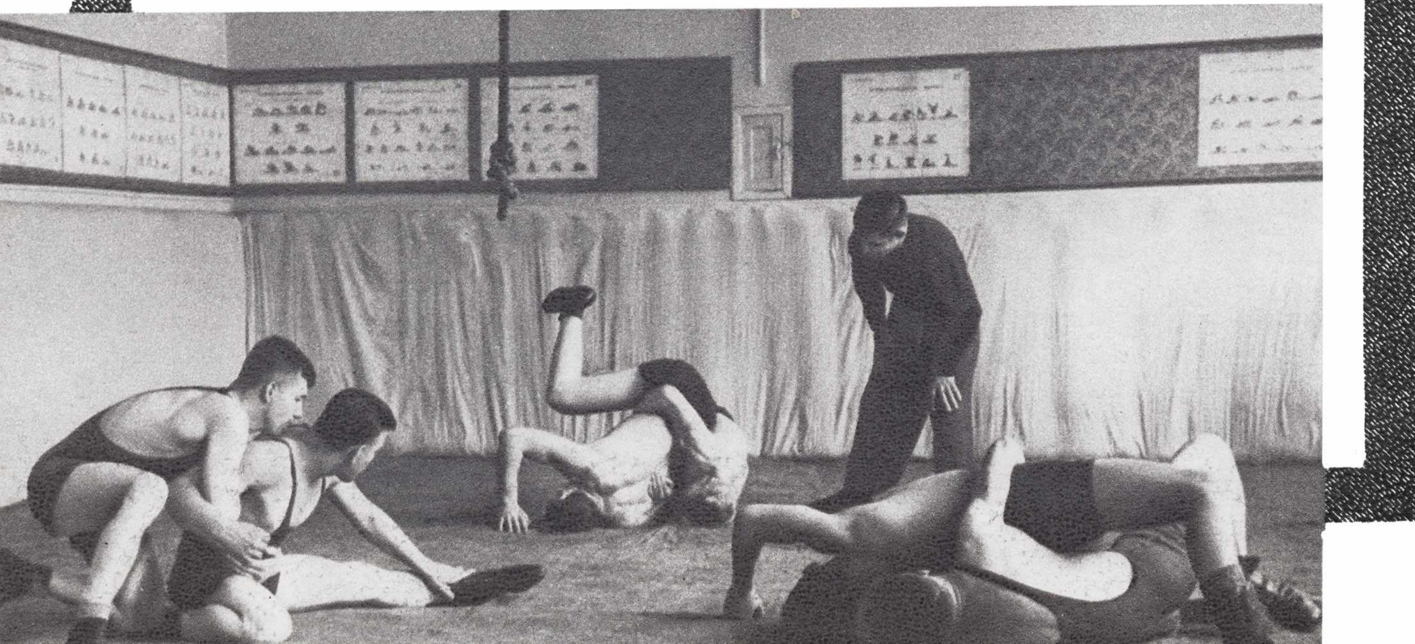
Как и в секции бокса, в других спортивных секциях клуба большинство — заводская молодежь. Вечерние часы после заводского гудка — время наибольшего оживления в клубе. С семи до одиннадцати в клубе очень оживленно. Более восьмидесяти человек одновременно занимаются в гимнастическом зале — большом помещении, которым по справедливости гордится клуб. Десятки гимнастических снарядов, маты, ковры — здесь есть все, что нужно для тренировки гимнасту, акробату, легкоатлету.

В часы вечерних занятий гимнастический зал поражает пестротой. Рядом со сложившимися спортсменами, замечательной парой силовых акробатов В. Фроловым и В. Марченко, тренируется юная Рая Борисова. В противоположном углу гимнасты. В центре зала старший тренер В. Антипас показывает элементы вольных упражнений, кто-то работает на кольцах, очередь у перекладины и брусьев. Часом раньше здесь тренировались легкоатлеты — бегуны, прыгуны.

Клуб культивирует двадцать видов спорта. Помимо тех, о которых мы уже говорили, наиболее популярны парусная секция, секция академической гребли, горнолыжная.

Клуб вырастил сотни перворазрядников, воспитал замечательных мастеров. Здесь день за днем молодежь совершенствует, оттачивает свои спортивные навыки, и без риска ошибиться можно сказать, что среди этой оживленной, жизнерадостной, сильной спортивной молодежи есть будущие мастера советского спорта.

Е. РЖЕВСКАЯ

Тренер М. И. Зинченко наблюдает за занятиями по борьбе.

Фото А. Николаева

У ФУТБОЛИСТОВ КЛАССА «Б»

Закончились предварительные игры на первенство СССР по футболу между семнадцатью командами мастеров класса «Б». Состязания проводились по трем подгруппам в городах Харькове, Иванове и Баку.

В харьковской подгруппе первое место заняла команда «Спартак» (Вильнюс). Литовским спартаковцам, хорошо игравшим и в прошлом году, удалось провести все встречи без поражений и одержать победы над сильными коллективами: «Локомотив» (Харьков) и Военно-Морских Сил. Железнодорожники заняли в подгруппе второе место, а моряки — третье.

В ивановской подгруппе первенство оказалось за футболистами тбилисского Дома офицера, не имевших поражений. Второго места добилась команда «Красное знамя» (Иваново), а третьего — команда «Динамо» (Алма-Ата).

В бакинской подгруппе лучше всего играли хозяева поля — футболисты спортивного общества «Нефтяник». На втором месте — команда «Буревестник» (Кишинев), на третьем — «Торпедо» (Горький).

С наименьшим успехом среди мастеров класса «Б» выступали в предварительных играх команды «Спартак» (Ашхабад), «Торпедо» (Сталинград) и киевского Дома офицера: они заняли в своих подгруппах последние места.

Финальные игры между командами мастеров класса «Б» начнутся в июле. Коллективы, занявшие первые три места в своих подгруппах, съедутся в Ленинград, где разыграют между собой первые девять мест. Первые три команды получат право играть в 1953 году в классе «А».

Последующие места будут определены в состязаниях остальных команд, которые проводятся в городе Горьком.

Е. ВАСИЛЬЕВ

СОРЕВНОВАНИЯ СИЛЬНЕЙШИХ ТЕННИСИСТОВ

Теннисисты провели первые крупные соревнования летнего сезона. В двух городах — Ленинграде и Таллине — вышли на корт лучшие мастера ракетки. Последние годы проходят у теннисистов в отшлифовке активного, атакующего стиля, и соревнования показали, что наибольших успехов добились как раз те спортсмены, которые применяют смелую игру у сетки, не боятся выходить вперед с задней линии.

Снова, как и зимой, в соревнованиях на закрытом корте отлично выступил чемпион СССР Николай Озеров. Он снова обрел отличную спортивную форму. В финальных встречах Озеров добился убедительной победы над С. Андреевым, киевским теннисистом С. Фридляндом и давним своим противником ленинградцем Э. Негребецким.

Второе место занял москвич С. Андреев и третье — Э. Негребецкий.

У женщин первое место завоевала чемпион СССР Е. Чувырина (Москва). Второе место досталось молодой способной спортсменке А. Кузьминой, продемонстрировавшей сильный нападающий удар справа.

В таллинской группе первые места завоевали москвичи М. Новик и А. Горина.

Скорпионы

Рисунки Е. Ведерникова

Фахри ЭРДИНЧ

Его переименовали в Диарбакыр[1], но с самого моего детства, когда я слышу слово «Диарбекир», я всегда думаю о том Бекире, по имени которого был назван этот невиданный мною край. Не знаю почему, но слово «Диарбекир» напоминает мне что-то далекое, напоминает мне одиночество, даже засуху и голод. Его крепость, которая окружает город со всех сторон, я видел на картинке...

Я слышал от тех, кто побывал на Южном фронте, что там выращивают арбузы огромной величины...

Но одна правдивая сказка полностью изменила мое представление о Диарбекире, как о сказочной стране. И в этой правдивой сказке говорится о скорпионах города Диарбекира.

Этот край просто кишит скорпионами. Почти под каждым камнем вы можете их обнаружить. Скорпионы где хотите: и в чалмах и в чарыках[2]. Босиком вы по дороге не пройдете. Если вы вдруг попробуете надеть башмаки, предварительно не вытряхнув из них содержимое, то завопите так, словно вы наступили на что-то раскаленное. Скорпионы перелезают через крепостную стену и проникают всюду, вплоть до кухни и спальной комнаты. Если вы ляжете спать без сетки, то, как дважды два — четыре, в полночь вы выскочите из постели ужаленный...

Больше всего скорпионы любят сырость, а боятся они больше всего огня. Я слышал, что крестьяне в поле ловят скорпионов, обкладывают их кругом сеном и подпаливают... Огненное кольцо все больше и больше сужается и добирается наконец до самих скорпионов. Тогда, как это принято считать, они быстро втыкают себе жало в затылок и таким образом кончают самоубийством.

Из этого можно сделать вывод, что самураи, делающие «харакири», и Гитлер, покончивший с собой, ведут свой род от скорпионов.

Во всяком случае, вопрос о том, как избавиться от скорпионов, заставил сильно призадуматься диарбекирцев, не исключая, очевидно, даже самого Бекира. Да, откуда появилась эта ядовитая нечисть? Сказать, что они вырастают из земли, нельзя. Сказать,

что падают с неба, тоже нельзя... Одно время думали, что они родятся от незаконного скрещивания змей с осами... Но особенно этому не верили, и все только посмеивались...

Однажды какой-то звездочет с птичьим умишком написал в диарбекирском календаре за 1902 год следующую чепуху:

«Скорпионы выводятся из баклажанных семян...»

Пусть будет так, но вопреки этой выдумке, еще более нелепой, чем гадание, огородники Диарбекира не отказались от выращивания баклажан, а беднота — от их употребления. Еще бы! Если бы зимой запретили есть фасоль, а летом — баклажаны, чем бы тогда питался наш народ?

Таким образом проходили годы. Как-то случилось, что утром в кавалерийской казарме на груди солдата, который мечтал во сне о том, как он завтра получит отпускной билет, нашли скорпиона, крупного, как рак. А сколько грудных младенцев, мирно спавших в своих пеленках, просыпалось по ночам со страшными воплями и погибало после этого! А однажды скорпион ужалил даже имама мечети Улуджами, когда он во время намаза в пятницу говорил проповедь и дошел до места: «Да не даст Аллах скончания нашему правительству...»

Наконец какой-то скорпион-повеса взял да и поцеловал дочку губернатора. Щека моментально вспухла. Девушку каким-то образом спасли, но губернатор был вне себя от гнева. Он сейчас же договорился с директором сельскохозяйственного правления, они вместе придумали ассигнования, и вот от имени вилайетского правления вышло постановление:

«Каждому, кто принесет скорпиона, живого или мертвого, детеныша или матку, выдается 20 пиастров...»

Эх, лучше этого ничего и не придумаешь! Люди, которые работали слугами только за еду, сейчас же бросили свою работу. Вдовствующие женщины, стирающие белье офицерам по 10 пиастров за штуку, не развернув даже газетных свертков с грязным бельем, отослали их назад. Почтальоны и некоторые учителя, которым не хватало жалования даже для того, чтобы влачить полуголодное существование, начали думать об отставке, но так как они не были твердо уверены в том, что до конца своих дней смогут прожить за счет сбора скорпионов, то пока остались на своих местах.

Одним словом, все похватали щипцы, понацепляли на руки корзинки и высыпали на дороги...

Теперь по вечерам сельскохозяйственное правление нельзя отличить от центрального банка. Сдача скорпионов происходит очень оживленно. Особенно отличаются крепостные крестьяне родовитых беев. Как ловцы креветок, хватают они пальцами сразу по нескольку штук. Невозможно пересчитать всех, кто заработал в день до пяти лир...

После трех, четырех, пяти дней сбора скорпионов крестьяне выплатили подорожный налог и спаслись от тюрьмы. Прежде всего они начали выкупать конфискованные скатерки, коврики, кастрюльки... Всю неделю на городском базаре наблюдалось невиданное оживление. На этот раз крестьяне — эти не пьющие и не едящие земные ангелы, которые, кто знает, со времени какой свадьбы, не проходили через кварталы, где продают рис, сахар, башмаки, материю и готовое платье,— дали себе волю... Некоторые даже разорились на подарки: матери — хну, жене — пестрый платок, а дочери — смолку для жевания.

Но счастье мелькнуло и улетело: не прошло еще и двух недель, как власти начали строить козни. Вышло новое постановление:

«Скорпионы с оторванными руками и ногами не принимаются!»

И тотчас же вслед за этим условия стали еще строже:

«За тех скорпионов, у которых раздавлены хвосты или головы, денег не выдавать!»

Слесарь Ахмед был вне себя от гнева:

— Что они, закуску к водке из них делают, сволочи? Как же можно убить этого гада, если ему нельзя раздавить голову или оторвать лапы и хвост?.. Не стать же самому скорпионом и ужалить его!..

Нельзя сказать, чтобы у Ахмеда не было причин говорить так. Ибо с того самого дня, когда началась борьба, он закрыл свою мастерскую и принялся вовсю за дело...

Если попробовать написать биографию Ахмеда, то не выдержит перо. Вкратце она такова.

После того как Ахмед отсидел шесть месяцев за контрабанду на сирийской границе и потом еще два с половиной года за ограбление дома, к которому подобрал ключи, он дал зарок вести честную жизнь. И вот с тех пор он принялся за слесарное дело, открыв небольшую мастерскую. Теперь он стал починять замки. Да разве это ремесло не осталось ему в наследство от отца?

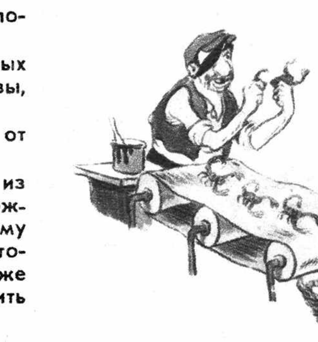
Весь свой заработок Ахмед убивал на гашиш. Этому он научился в тюрьме. Дело в том, что за один грамм отравы, именуемой гашишем, берут целую горсть денег. А тот, кто к ней уже привык, может остаться без кальсон, но без нее жить не может... Вот почему Ахмед с жаром принялся за скорпионов и несколько дней подряд обеспечивал себя пропитанием. Власти подпортили дело, но Ахмед не сдался. Он начал скупать по одному, по два пиастра забракованных скорпионов и починять их... Чем он это делал, башмачным ли клейстером, резиновым

клеем или обыкновенным,— это неизвестно. Во всяком случае, он делал это тайком, и скорпионов, которых он починял так, что заплатку разглядеть было невозможно, ему удавалось сбывать в правление по прежней цене...

Потом в городе начали ходить дурные слухи... Ахмед и чиновник, принимавший скорпионов в правлении по «борьбе», частенько начали вместе выпивать. Начали поговаривать о том, что они стали компаньонами, ремонтируют искалеченных скорпионов и затем вновь пускают их в продажу. Нашлись даже такие, которые утверждали, что Ахмед заделал у себя в комнате все щели, вплоть до замочной скважины, и разводит скорпионов...

В действительности же дело до этого, может быть, и не дошло, а

[1] Диарбекир в республиканский период был переименован в г. Диарбакыр. Диар по-турецки означает «край». Бекир — мужское турецкое имя. Бакыр — медь.

[2] Чарык — род обуви.

может быть, и дошло, но только кошка спутала все мышиные расчеты... Не прошла еще и вторая неделя, как власти заявили: «Ассигнование окончилось!..»

И «борьбе» был объявлен конец.

После этого стамбулские и анкарские газеты начали превозносить до небес заслуги губернатора Диарбекира. Особенно много писали они об его успехах в борьбе со скорпионами.

Вот так-то происходит в Турции всякая «борьба»! У нас есть стаи ворон, которые напоминают черные тучи. Они прежде всего выклевывают глаза у огородных чучел. У нас имеются дикие свиньи, из каждой шкуры которой можно сделать двадцать пар чарыков.

Они приступают к жатве раньше серпов и косарей. Первый виноград едят они. Случается, что и с ними начинают бороться. Устраиваются облавы. Но разве можно наших крестьян заставить расходовать свои деньги на порох и дробь, если им нужен ситец? Они и не идут на облаву, за что правительство сажает их в тюрьму. Или не проходит, скажем, и двух дней, а они говорят: «Кончились патроны!» И борьба прекращается. С другой стороны, гусеницы, как пчелы, набрасываются на прекрасные деревья... На это не обращается никакого внимания.

В легких у нас гнездится туберкулез, в селезенке хозяйничает малярия. Вши, кроме наших домов, ползают в школах, в казармах, в трамваях и автобусах...

Вы спросите: разве с этим не ведется борьба? Ведется. На стены вешают плакаты, устраиваются лекции, в деревни посылают брошюры. Но только и всего... А всей этой жалкой мишуре дается название «борьба» или «национальное дело». Со времени республики не было такого «дела», куда бы правящие господа не сунули своего носа, но мы не видели еще такой «борьбы», которая с честью была бы доведена до конца.

Наконец, на этот раз ошалелые господа приступили к «борьбе с коммунизмом»...

Но у нас есть только одна истинная борьба, за которую мы взялись и которую мы с честью доведем до конца! Это борьба со скорпионами в Анкаре. Ибо нет гадов более ядовитых, чем эти скорпионы во фраках. И уже недалек тот день, когда мы приступим к сдаче их голов. Мы сделаем это ради светлого будущего, несущего людям равенство и братство.

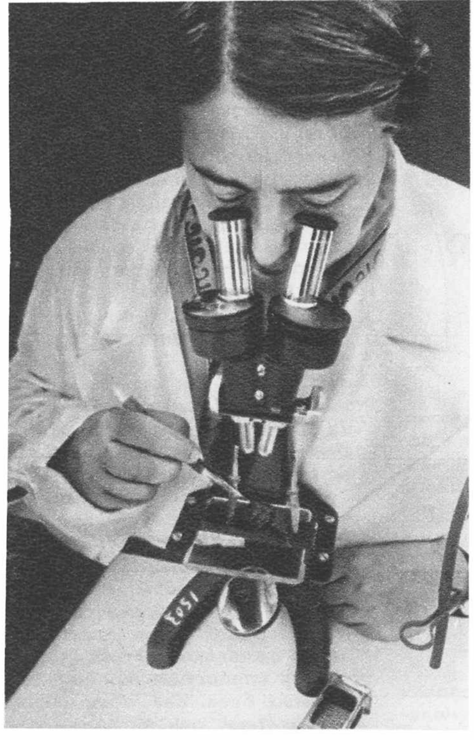
Перевел с турецкого
Игорь ПЕЧЕНЕВ

Пасека в Чашникове

Опытная пасека агробиологической станции Московского государственного университета имени Ломоносова, расположенная в поселке Чашниково под Москвой, ведет интересные работы по изучению пчел.

Старший научный сотрудник Нина Павловна Смарагдова разработала метод выведения новых пород пчел путем контролируемого скрещивания семей. Н. Смарагдова успешно применяет искусственное осеменение пчелиных маток, усыпленных углекислым газом.

Недавно на секции пчеловодства Всесоюзного сельскохозяйственного общества Н. П. Смарагдова поделилась опытом своей работы. В этом году на основе проведенных в Чашникове опытов изготовляются пятьдесят

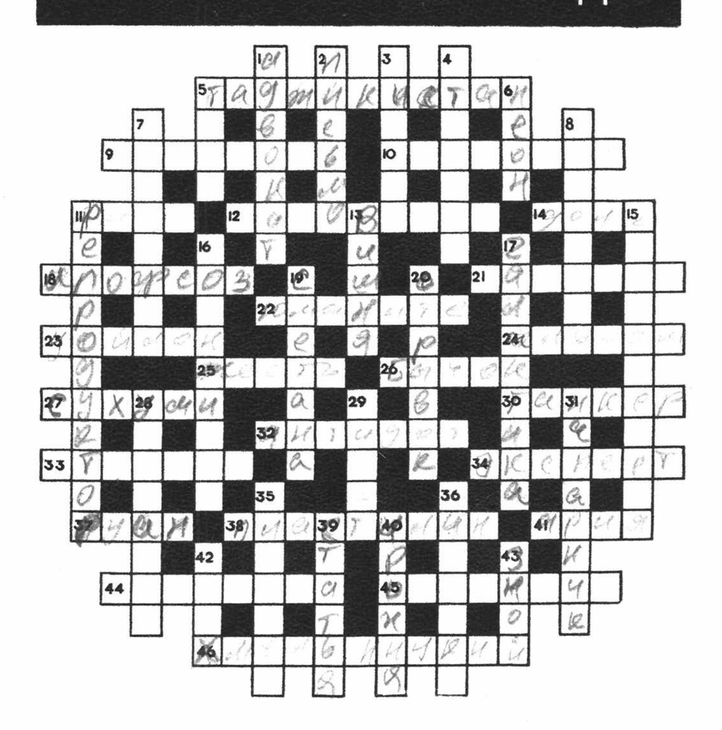
станочков. Они будут разосланы на пасеки пчеловодам-опытникам для искусственного осеменения пчелиных маток.

На снимке: Н. П. Смарагдова у сконструированного ею станочка проводит искусственное осеменение усыпленной пчелиной матки.

Вл. МИНКЕВИЧ,
А. СМИРНОВ

В этом номере помещены репродукции картин Х. А. Якупова «И. В. Сталин в туруханской ссылке», И. С. Остроухова «Березы. Осень», В. И. Сурикова «Художник И. С. Остроухов за работой» и две страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Союзная республика. 9. Твердая смола. 10. Одинаковость напряжения, давления. 11. Патриотическое стихотворение И. С. Никитина. 12. Декабрист. 14. Обязанность. 18. Заключительная торжественная картина спектакля. 21. Видоизменение, разновидность. 22. Название французской газеты. 23. Крупнейший остров Малайского архипелага в группе Больших Зондских островов. 24. Книга или тетрадь для стихов или рисунков. 25. Листовое железо, покрытое тонким слоем олова. 26. Род мелкой черноморской рыбы. 27. Порт на Черном море. 30. Наливное судно. 32. Противоядие. 33. Резкие короткие частые звуки, напоминающие треск. 34. Авторитетный специалист, дающий заключение по какому-нибудь вопросу. 37. Город во Франции. 38. Масса, употребляемая в скульптуре. 41. Род музыкального произведения для одного голоса. 44. Печь для плавления чугуна. 45. Указатель. 46. Гетман Украины, политический и военный деятель XVII века.

По вертикали:

1. Защитник на суде. 2. Почтовое отправление. 3. Яркая звезда. 4. Лекарственное вещество. 5. Растение семейства зонтичных. 6. Благородный газ. 7. Духовой инструмент. 8. Область искусства. 11. Громкоговоритель. 13. Ягода. 15. Вводная часть тригонометрии. 16. Сладкое кушанье. 17. Наша звездная система. 19. Чешский композитор. 20. Часть произведения, выделенная из целого. 28. Вещество, приготовленное для исследования. 29. Серный колчедан. 31. Работающий в паре с другим. 35. Прочный огнеупорный и водонепроницаемый кирпич. 36. Гриб. 39. Параграф в юридическом документе. 40. Тонкая, скрытая насмешка. 42. Плод. 43. Сильная жара.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

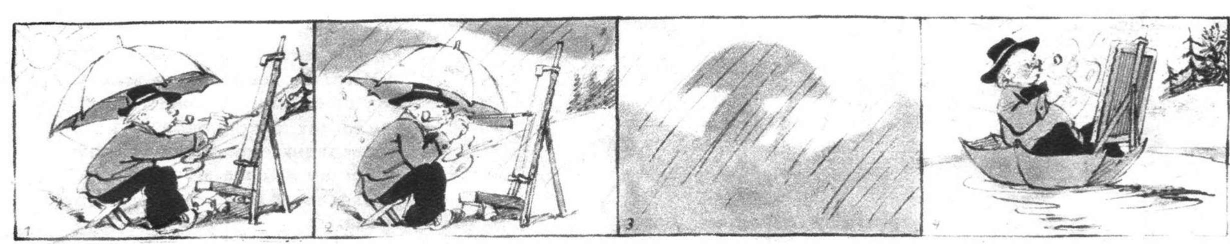
По горизонтали:

5. Киргиз. 6. Гончар. 9. Конотоп. 11. Утконос. 13. Озеро 15. Минин. 18. Пахра. 19. Горизонталь. 20. Дубровский. 22. Постановка. 24. Старт. 25. Памир. 30. Архитектор. 32. Показатель. 35. Понедельник. 36. Автол. 37. Антей. 39. Синус. 41. Витерит. 42. Туполев. 43. Латвия. 44. Шибаев.

По вертикали:

1. Тихов. 2. Диапозитив. 3. Полуостров. 4. Батов. 7. Помидор. 8. Бодайбо. 10. Перов. 12. Висмут. 14. Бровка. 16. Конструктор. 17. Ультрамарин. 21. Октет. 23. Наина. 26. Арагва. 27. Содействие. 28. Гольфстрим. 29. Алитет. 31. История. 33. Траншея. 34. Серна. 38. Пегас. 40. Гомер.

УПОРНЫЙ ХУДОЖНИК

Рисунки Ю. Узбякова

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора) А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04415. Подп. к печ. 10/VI 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 481. Зак. № 1082. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ
СПОСОБСТВУЮТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
ПРИОБРЕТАЙТЕ
ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3%
ВНУТРЕННЕГО
ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА
ВЫИГРЫШИ
ПО ЗАЙМУ
ОТ 400 ДО
100.000
РУБ.
200
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 3% ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ
ОБЛИГАЦИЯ НА СУММУ
ДВЕСТИ РУБЛЕЙ
№ 035273
№ 16
100
ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ
Н.Н.52

Цена 3 руб.